

ISSN 2310-8673

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Социодинамика

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-01-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-01-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала "Философская мысль". Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Котлярова Виктория Валентиновна — доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Епифанцев Сергей Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, член президиума РАЕН. 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

Локосов Вячеслав Вениаминович — доктор социологических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32;

Каменева Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», профессор кафедры социологии и политологии, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33, kalibri0304@yandex.ru

Кодин Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству Российского государственного социального университета. 129226. Россия, г. Москва, Вильгельма Пика ул., 4, корпус 1.

Шилкина Наталья Егоровна — доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный

университет, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Университетская набережная, 7-9. г. Санкт-Петербург, Россия, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт культурологии министерства культуры, профессор, РГГУ РФ, 125993, ГСП-3, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070 Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики

и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И Платова, профессор. 7. 346428 г. Новочеркасск Ростовской обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, кафедра «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Мерзликин Николай Васильевич – кандидат философских наук, заведующий сектором социологического анализа политических процессов Института социально-политических исследований Российской академии наук. 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6,

корпус 1.

Зайцев Александр Владимирович - доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, Костромской государственный университет, кафедра философии, культурологии и социальных коммуникаций Россия, Кострома, улица Дзержинского, 17/11, остромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Семенов Владимир Анатольевич - кандидат философских наук, доктор социологических наук, профессор факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: semenovrad@mail.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и метологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpo@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, Oskar46@mail.ru

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,

Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет", Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, elarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна - доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Профессор, Санкт-Петербург, Средний

проспект В.О., д. 57/43 aabes@inbox.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Зотов Виталий Владимирович - доктор социологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», профессор департамента философии Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, 305004, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Льва Толстого, 14 Г, кв. 16, om_zotova@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, [Oskar46@mail.ru](mailto>Oskar46@mail.ru)

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет", Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, yavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Editorial collegium

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Department of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the journal "Philosophical Thought". Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Kotlyarova Victoria Valentinovna — Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Epifantsev Sergey Nikolaevich - Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences. 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

Vyacheslav V. Lokosov — Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russia;

Tatyana Nikolaevna Kameneva — Doctor of Sociology, Associate Professor, Kursk State University, Professor of the Department of Sociology and Political Science, 33 Radishcheva str., Kursk, 305000, kalibri0304@yandex.ru

Mikhail Ivanovich Kodin — Doctor of Sociology, Professor, Vice-Rector for International Cooperation of the Russian State Social University. 129226. Russia, Moscow, Wilhelma Peak str., 4, building 1.

Shilkina Natalia Egorovna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, St. Petersburg State University, 191060, St. Petersburg, Smolny str., 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Ilya A. Bykov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State

University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. Universitetskaya embankment, 7-9. St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Cultural Studies of the Ministry of Cultures, Professor, Russian State University of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070 Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Altai State University. 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61. Popov.eug@yandex.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy; M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Professor. 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 191186, St. Petersburg, Moika River Embankment, 48, alpril@mail.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, 410054 Saratov, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Merzlikin Nikolay Vasilyevich – Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Sector of Sociological Analysis of Political Processes at the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences. 6, Fotieva str., building 1, Moscow, 119333, Russia.

Zaitsev Alexander Vladimirovich - Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications Russia, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17/11, Ostrom region, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Semenov Vladimir Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: semenovrad@mail.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of

Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management

(branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadievna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korablestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Beschasnaya Albina Akhmetovna - Doctor of Sociology, North-Western Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43 aabes@inbox.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz nadezhda-blejkh@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Zotov Vitaly Vladimirovich - Doctor of Sociology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)", Professor of the Department of Philosophy of the Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences, 305004, Russia, Kursk region, Kursk, Lva Tolstogo str., 14 G, sq. 16, om_zotova@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city,

ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadievna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korabestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

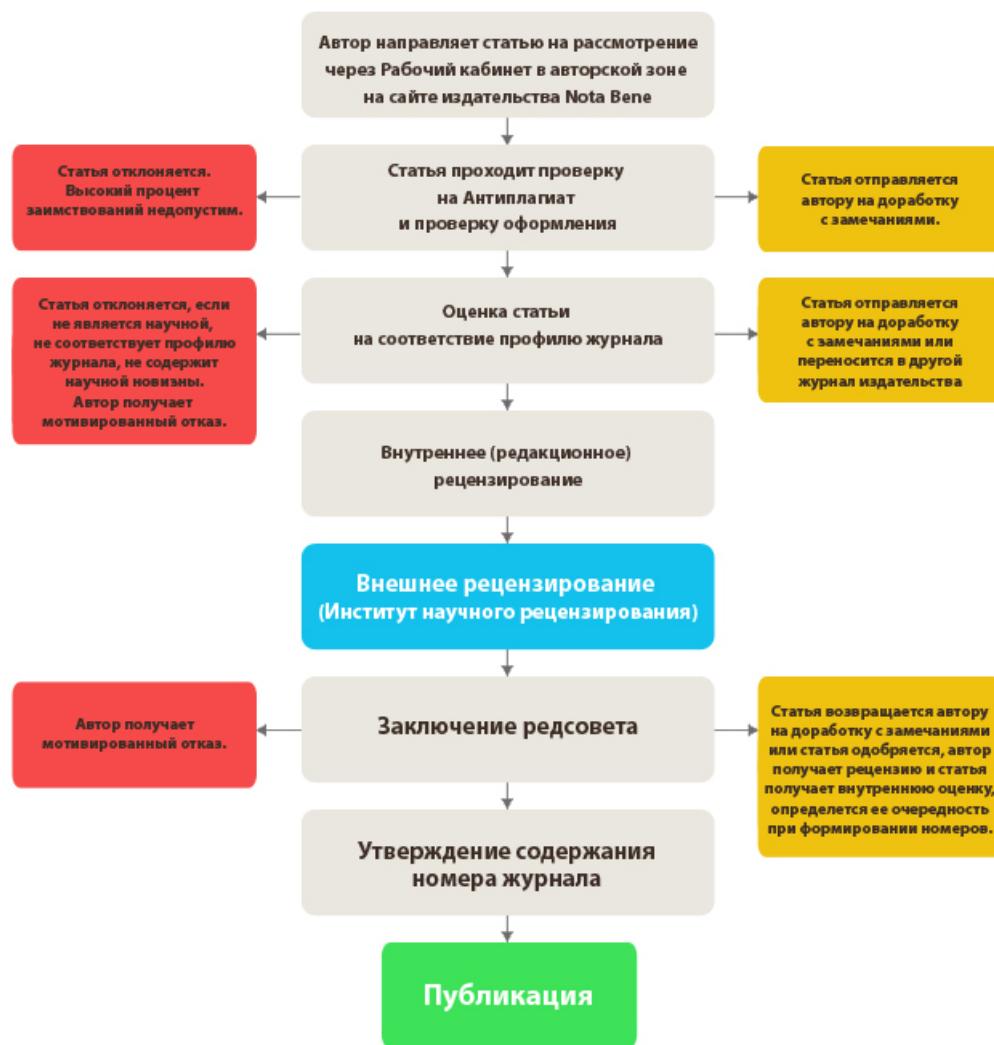
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ахмедова А.Р., Желдакова А.В., Колегаева Е.А., Маслов В.С., Перин С.А., Климова А.А. Привлекательность города Барнаула в оценках студенческой молодежи	1
Туркулец С.Е., Гареева И.А., Слесарев А.В., Гарнага А.Ф. Маргинализация городского пространства (опыт социологического исследования на примере Хабаровска)	17
Константинов М.С. Мировоззренческие модели современных россиян (по результатам анкетного опроса 2023 г.)	38
Саютина И.П., Черепанова М.И. Демографическая безопасность Алтайского края: результаты статистического анализа	51
Бучкова А.И. Нейтрализация негативного воздействия цифровых устройств и интернета на детей до 11 лет	65
Пирожкова С.В. Деятельностное и эпистемологическое значение принципа участия в практике форсайтинга	78
Зотов В.В., Гаврильченко К.Э., Губанов А.В. Оценка влияния рисков социотехнической конвергенции на процесс цифровой маргинализации	90
Рослякова М.В. Официальные страницы администраций городов России в социальных сетях: анализ активности и вовлеченности аудитории	105
Англоязычные метаданные	123

Contents

Akhmedova A.R., Zheldakova A.V., Kolegaeva E.A., Maslov V.S., Perin S.A., Klimova A.A. The attractiveness of the city of Barnaul in the assessments of students	1
Turkulets S.E., Gareeva I.A., Slesarev A.V., Garnaga A.F. Marginalization of urban space: Experience of sociological research on the example of Khabarovsk	17
Konstantinov M.S. Worldview models of modern Russians (based on the results of a questionnaire survey in 2023)	38
Sayutina I.P., Cherepanova M.I. Demographic security of the Altai Territory: results of statistical analysis	51
Buchkova A.I. Neutralizing the negative impact of digital devices and the Internet on children under 11: a sociological approach	65
Pirozhkova S.V. Activity and epistemological significance of the principle of participation in foresight practice	78
Zotov V.V., Gavrilchenko K.E., Gubanov A.V. Assessing the Impact of Sociotechnical Convergence Risks on the Process of Digital Marginalization	90
Roslyakova M.V. Official pages of Russian city administrations on social networks: analysis of audience activity and engagement (2022-2023)	105
Metadata in english	123

Социодинамика*Правильная ссылка на статью:*

Ахмедова А.Р., Желдакова А.В., Колегаева Е.А., Маслов В.С., Перин С.А., Климова А.А. Привлекательность города Барнаула в оценках студенческой молодежи // Социодинамика. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.12.72528 EDN: UQKNKK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72528

Привлекательность города Барнаула в оценках студенческой молодежи**Ахмедова Ангелина Рустамовна**

ассистент; кафедра социологии и конфликтологии; Алтайский государственный университет
магистр; кафедра социологии и конфликтологии; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, каб. 520

✉ axmedovaangelina@mail.ru

Желдакова Арина Владимировна

студент, кафедра социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 520

✉ arina.zheldakova@gmail.com

Колегаева Елизавета Александровна

студент; кафедра социологии и конфликтологии; Алтайский государственный университет

656011, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

✉ kolegaeva2020@mail.ru

Маслов Владислав Сергеевич

магистр; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

656011, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 520

✉ agutsyarutsrfa@mail.ru

Перин Сергей Александрович

магистр; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

656011, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, каб. 520

✉ Ssaynirov@mail.ru

Климова Анастасия Алексеевна

бакалавр; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

656011, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, каб. 520

✉ nastysha.klimova.2000@list.ru

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7144.2024.12.72528

EDN:

UQKNKK

Дата направления статьи в редакцию:

02-12-2024

Дата публикации:

10-12-2024

Аннотация: Актуальность изучения проблемы привлекательности города в оценках студенческой молодежи заключается в необходимости понимания факторов, влияющих на выбор места проживания и учебы молодого поколения. В условиях глобализации и миграционных процессов важно выявить, какие аспекты городской среды, инфраструктуры и социальной жизни привлекают студентов, а также какие проблемы они видят в своем городе. На сегодняшний день феномен социальной привлекательности становится все более значимым, так как индивиды начинают формировать некий социальный рейтинг в системе любых интеракций, что влияет на их выбор переездов, покупок и др. Чем более привлекательным с позиции определенной социальной группы будет тот или иной объект реальности, тем он будет более желаемым, нужным и важным для представителей этой самой социальной группы. Для студенческой молодежи оценка привлекательности, как правило, имеет особое значение, поскольку многие средние города в период учебного года буквально наполняются студентами, стремящихся получить образование либо основательно закрепляться и развиваться на данной территории. Исследование было реализовано посредством совокупности двух методов сбора данных – массовое анкетирование и фокус-группа. Выборочной совокупностью стали студенты различных высших учебных заведений города Барнаула ($n=212$). Выборка основана на системе кластерного отбора респондентов. Превалирующая часть студенческой молодежи считает, что оценка привлекательности города Барнаула выше среднего, благодаря высокой географической привлекательности, сочетающей преимущества лесостепной и предгорной зон. Социальные, туристические и инновационные компоненты имеют среднюю привлекательность, в то время как экономическая привлекательность низкая из-за ограниченных возможностей карьерного роста. Однако с усилиями на региональном уровне можно повысить привлекательность города и предотвратить миграционный отток. Общая оценка привлекательности города Барнаула находится на уровне выше среднего. Данная оценка предопределяется тем фактором, что в рамках географического компонента наблюдается высокая степень привлекательности. Барнаул совмещает в себе все преимущества лесостепной зоны и предгорной зоны, а совмещение данных зон позволяет нивелировать недостатки

засушливости, как основного критерия лесостепной зоны, а также резких снижений температур и возвратных заморозков.

Ключевые слова:

привлекательность, город, студенческая молодежь, высшее образование, социологическое исследование, социальные условия, университет, общественное мнение, социальный мониторинг, современное общество

Введение. На сегодняшний день феномен социальной привлекательности становится все более значимым, так как индивиды начинают формировать некий социальный рейтинг в системе любых интеракций, что влияет на их выбор переездов, покупок и др. Чем более привлекательным с позиции определенной социальной группы будет тот или иной объект реальности, тем он будет более желаемым, нужным и важным для представителей этой самой социальной группы.

Для студенческой молодежи оценка привлекательности, как правило, имеет особое значение, поскольку многие средние города в период учебного года буквально наполняются студентами, стремящихся получить образование либо основательно закрепляться и развиваться на данной территории.

Город Барнаул является столицей Алтайского края, тем самым привлекая студентов для получения высшего образования со всего региона. Оценка степени его привлекательности поможет понять, сколько выпускников вузов останется в городе и выявить основные проблемы, требующие решения. Исследование привлекательности города Барнаула в оценках представителей студенческой молодежи позволит выявить ключевые проблемы, сильные и слабые стороны экономики и инфраструктуры столицы Алтайского края, что важно для его дальнейшего развития. Важно отметить, что современная студенческая молодежь обладает целой совокупностью социально-психологических особенностей, которые предполагают наличие фундаментальных отличий представителей студенческой молодежи в других сферах жизнедеятельности общества. В частности, поколенческие особенности детерминируют наличие качественно иных запросов к окружающей среде, социальным институтам, государству, городу проживания. В социальном плане представители студенческой молодежи являются трудовым резервом, а также составляют в краткосрочной и среднесрочной перспективах прослойку интеллигенции в обществе. Все это в конечном счете влияет на оценки привлекательности города Барнаула представителями студенческой молодежи.

Степень научной разработанности проблемы. Степень научной разработанности социальной привлекательности достаточно высока. Теоретической базой представленного исследования послужили труды таких ученых, как: Ю.Е. Разумовский, Е.Я. Нечипуренко, А.К. Науменко, Е.А. Анисимова, Ш.Д. Ачилов, А.Н. Бойкова, Д.Я. Гусева и др.

Феномен привлекательности рассматривается многими дисциплинами, в частности, психологией, философией, антропологией, социологией и другими науками.

Психологический феномен привлекательности базируется на совокупности представлений индивида о том, что считать для себя примечательным и интересным, философский подход к исследованию привлекательности базируется на рассмотрении привлекательности как вещи в себе, без опоры во внешний мир. То есть

привлекательность рассматривается как эфемерная категория, так или иначе связанная с оценками познающего субъекта. С точки зрения философского подхода, привлекательность в любом случае сопряжена с оценочной нагрузкой, ведь без оценки невозможно детерминировать наличие или отсутствие феномена привлекательности. С антропологической точки зрения привлекательность рассматривается как одна из граней человеческой экзистенции, а также как одна из категорий формирования отношения человека к миру. Фактически то, что человек находит привлекательным, становится для него позитивным и одобряемым и наоборот [\[1\]](#).

Социологический подход отличается тем, что привлекательность рассматривается как оценка того или иного объекта реальности в контексте совокупности феноменологических интеракций индивида. Объект должен быть частью социальной реальности, чтобы индивид мог оценить его привлекательность. Согласно теории Ги Дебора «Общество спектакля», категория привлекательности формируется не только исходя из совокупности тех объектов, к которым может непосредственно прикоснуться индивид, а также из тех, которые он видел в виртуальном мире, сформировав к ней определенное отношение. Если раньше общество оценивало только то, что видело своими глазами, то теперь достаточно увидеть определенную передачу по телевидению, чтобы сформировать какую-либо критичную оценку происходящего в целом [\[2\]](#).

Социологических трудов по феномену привлекательности немного, так как эта тема чаще рассматривается с точки зрения психологии. Тем не менее некоторые социологи косвенно затрагивали данный феномен. С точки зрения структурного функционализма, социальная привлекательность представляет собой совокупность черт того или иного фрагмента реальности, выполняющего совокупность функций [\[3\]](#). Чем больше условно полезных функций выполняет тот или иной фрагмент реальности, тем он считается более привлекательным для индивида. Всего в феномене привлекательности можно выявить два компонента, а именно объективный компонент, это то, как объект привлекательности выглядит сам по себе, без сколько-нибудь оценочных категорий и субъективный компонент, а именно оценка вещи через призму совокупности суждений других индивидов [\[4\]](#). Конечно, определить объективные компоненты привлекательности сложно из-за субъективности, но существуют социокультурные, философские и психологические детерминанты, которые и формируют сущность явления социальной привлекательности. Философский компонент позволяет рассмотреть вещь в себе как категория объективного компонента, а психологический компонент позволяет охарактеризовать субъективную природу данного феномена.

В своих трудах В.Р. Космачев отмечает, что социальное представление есть совокупность набора убеждений, суждений и объяснений, которые появляются из феноменологических практик жизнедеятельности индивида [\[5\]](#). Явление становится социально привлекательным при выполнении двух ключевых условий. Во-первых, оно должно быть понятным для индивида и однозначно трактуемым [\[6\]](#). Во-вторых, социальное явление должно быть известно значимым другим и обсуждаемо значимыми другими. В случае, если референтная группа не имеет интереса к данному фрагменту реальности, велика вероятность, что и сам индивид потеряет интерес к данному фрагменту реальности, и он не будет считать его социально привлекательным [\[7\]](#).

П.Л. Бергер рассматривает механизм возникновения социальной привлекательности, который заключается в том, что индивид в рамках своего социального поля находит объекты реальности, вызывающие симпатию. Эти элементы формируют его идеальное и

желаемое представление об окружающей реальности, что в конечном счете позволяет описывать сложившуюся идеальную картину предметно, в соответствии с воззрениями индивида. Как правило, представители одной социальной группы выделяют схожие компоненты эталонного города или иного социального конструкта, что помогает идентифицировать принадлежность индивида к той или иной социальной группе. Несмотря на некий субъективизм данного механизма, он является действенным с точки зрения теории конструирования социальной реальности, но все же недостаточно универсальным, поэтому широкого распространения на практике он не получил [\[8\]](#).

При рассмотрении феномена социальной привлекательности с точки зрения структурного функционализма, важно отметить, что привлекательность базируется на наличии ядра - сущности, на которую человек обращает внимание при оценке ключевых параметров объекта и периферии. Периферия влияет на динамику привлекательности и помогает дифференцировать объекты схожей категории. Ядро включает в себя коллективный опыт и ценности, которые позволяют индивиду дифференцировать объект социальной реальности на привлекательный и непривлекательный, а периферия позволяет адаптировать привлекательные вещи к миру повседневности. Причем совершенно необязательно, что эти вещи будут иметь исключительно материальную природу [\[9\]](#).

Социальная привлекательность бывает, как эндогенная, то есть внутренняя, так и экзогенная, то есть внешняя. Внешняя сторона социальной привлекательности – это выражение вещи во внешнем мире, какая она есть в объективной реальности [\[10\]](#). Внутренняя это рассмотрение сущности вещи в себе, определении ее ключевых детерминант, которые и являются притягивающими. С другой стороны, внешняя сторона социальной привлекательности – это совокупность внутренних и внешних признаков объекта социальной реальности, который является потенциально интересным для индивида. А вот внутренняя сторона социальной привлекательности есть отношение индивида к этой вещи, как совокупность инто-детерминант, находящихся в человеке, определяющих отношение к этой самой вещи. Безусловно, даже социологическому знанию в таком контексте предстоит столкнуться с совокупностью сложностей экзистенциального порядка по определению сущности феномена внутренней привлекательности. Тем не менее именно вторая вариация исследования внутренней и внешней стороны социальной привлекательности кажется автору работы наиболее разумной, эвристически ценной и научно наполненной смыслом [\[11\]](#).

Проблемы городских кризисов и возможности для их развития и повышения комфорtnости обсуждаются в работах Дж. Джейкобс, признанной классиком современного урбанизма. В своей книге «Смерть и жизнь великих американских городов» автор выделяет четыре ключевых условия, способствующих возникновению разнообразия и активной социальной жизни в городах. Эти условия могут сделать город более удобным и привлекательным для его жителей [\[12\]](#).

Итак, феномен социальной привлекательности является достаточно обширным, методологически разработанным, что делает его применимым для исследования привлекательности отдельно взятого города, а также любого другого населенного пункта. Социальная привлекательность служит важным показателем социального развития территории и связана с качеством жизни, определяя комфорт проживания населения. Соответственно, для определения социальной привлекательности можно выделить множество индикаторов, таких как доходы, карьерный рост, развитость инфраструктуры, качество общественного транспорта, городской среды и т.п. Есть показатели объективного порядка, например, уровень миграции населения, уровень

экономической активности, темпы роста или убыли населения и так далее.

В итоге можно выделить шесть аспектов привлекательности города для жителей в зависимости от социальной группы. В первую группу входят показатели политической природы, а именно качество работы органов местной власти, степень развитости гражданского общества, качество работы законодательных органов власти и исполнительных органов власти. Во вторую группу входят экономические показатели, включая особенности экономики региона, уровень инфляции, и возможности повышения качества жизни путем увеличения дохода и доступа к основным благам. Третья группа охватывает финансовые показатели, такие как бюджетные расходы и доходы населения, которые имеют как количественную, так и качественную природу. Четвертая группа связана с географическими факторами и включает экономические особенности региона и климатические условия. Немало важным в оценке привлекательности оказывается инфраструктурный показатель, а именно комфортность городской среды, общественный транспорт, социальная инфраструктура в целом. Конечно, оценки зависят от запросов населения, но чем крупнее населенный пункт, тем большее количество запросов населения можно обнаружить и наоборот. Последний блок показателей – социальные, которые включают в себя обеспечение жильем, возможность приобрести жилое помещение, уровень безработицы, удовлетворенность рабочим местом, покупательская способность населения, соотношение цен и возможности приобретения основных благ для полноценной жизнедеятельности индивида.

Методика и методы исследования. Основными методами сбора данных в контексте данного социологического исследования являются массовое анкетирование представителей студенческой молодежи как количественный метод сбора данных, а также фокус-группа с представителями студенческой молодежи как качественный метод сбора данных. Применение в совокупности двух методов позволяет проявить как объективную, так и субъективную сторону данного вопроса, а также в кратчайшие сроки собрать необходимый массив данных для формирования содержательных выводов и рекомендаций.

Выборочную совокупность, использованную для проведения анкетирования, составляют студенты высших учебных заведений г. Барнаула, а именно Алтайского государственного университета, Алтайского государственного технического университета имени И.И. Ползунова, Алтайского государственного медицинского университета, Алтайского государственного педагогического университета, Алтайского государственного аграрного университета и Алтайского филиала российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Выборка основана на системе кластерного отбора респондентов. Для увеличения достоверности результатов опроса, а также, сопоставимости данных относительно разных профессий выборка будет распределена равномерно среди данных учебных организаций, по 40 студентов от каждого ВУЗа. Данные студенты будут отобраны стихийно по принципу доступности. Таким образом, выборочную совокупность исследования составляют 212 студента ВУЗов г. Барнаула – 12 участников для фокус-группы и 200 для анкетирования.

Анализ результатов исследования. Начать рассмотрение результатов социологического исследования привлекательности города Барнаула в оценках студенческой молодежи следует с описания географической привлекательности. При рассмотрении степени удачности расположения города Барнаула в географическом плане следует отметить наличие ряда компонентов, которые создают общий образ

благоприятного расположения. Такими компонентами являются отсутствие серьезных катаклизмов, устойчивый климат резко-континентального характера, наличие большого количества солнечных дней в году, а также достаточного количества осадков для занятия сельскохозяйственной деятельностью. Фактически город Барнаул совмещает в себе все преимущества лесостепной зоны и предгорной зоны, а совмещение данных зон позволяет нивелировать недостатки засушливости, как основного критерия лесостепной зоны, а также резких снижений температур и возвратных заморозков, как, например, в предгорных районах. Многие жители Алтайского края не хотят переезжать лишь потому, что им нравится климат, рельеф и совокупность иных факторов географического характера – отмечают участники фокус-групп. Так, на вопрос «Как Вы считаете, в географическом плане насколько удачно расположен Барнаул?» – были получены следующие ответы (см. таблицу 1). Каждый третий опрошенный респондент отмечает, что город Барнаул в географическом плане расположен определенно удачно – 32%, при этом 24% опрошенных респондентов отмечают, что в географическом плане город расположен скорее удачно, а 27% опрошенных респондентов отмечают, что город расположен скорее неудачно. Наличие негативных оценок детерминировано отсутствием полезных ископаемых и сфер занятости, связанных с этими самыми полезными ископаемыми, а 17% опрошенных, фактически каждый шестой отмечает, что в географическом плане Барнаул расположен неудачно. Все-таки резко-континентальный климат является подходящим не для всех жителей данного города.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, в географическом плане насколько удачно расположен Барнаул?», %.

Вариант ответа	% ответивших
Определенно удачно	32%
Скорее удачно	24%
Скорее неудачно	27%
Определенно неудачно	17%

Далее рассмотрим совокупность компонентов экономической привлекательности города Барнаула. Прежде всего рассмотрим карьерный компонент привлекательности города Барнаула. Участники фокус-групп отмечали: *«В некоторых экономических отраслях вполне возможен быстрый карьерный рост индивида, но их крайне немного. Вообще Барнаул – город не для карьеристов, здесь можно создать такой средний капитал и на протяжении всей жизни жить уверенным середняком»*, *«Признаться мне неизвестны особо истории успеха и развития в городе Барнауле, но допускаю, что такая возможность есть. При этом население старается по возможности продвигаться вверх по карьерной лестнице, где это в принципе возможно»*. Следовательно, город Барнаул, по мнению участников фокус-групп, обладает недостаточными возможностями для карьерного роста, тем не менее, если приложить определенные усилия, то можно будет достичь определенных высот. Фактически предприятий, которые действительно могут обеспечить карьерный рост не так уж много. В большей мере надежда остается на различные проекты, связанные с Федеральным уровнем государственной власти, но к ним, как правило, не все граждане имеют равный доступ. Соответственно представители студенческой молодежи четко осознают имеющееся положение дел, его ключевые особенности ввиду чего считают Барнаул городом, в котором недостаточно возможностей для полноценного карьерного роста. Встречалась даже такая позиция участника фокус-групп: *«Для карьерного роста лучше выбрать другой, более крупный город. Здесь все друг друга знают и вероятность быстро выстрелить сводится к нулю. Взять тот же Новосибирск. Там и возможностей побольше и город побольше, соответственно и больше*

перспективы», следовательно, некоторые респонденты вовсе не рассматривают Барнаул как город карьерного и личностного роста».

Так, на вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли в Барнауле возможностей для карьерного роста?» – были получены следующие ответы (см. таблицу 2). Большая часть опрошенных респондентов считает, что в Барнауле скорее недостаточно возможностей для полноценного карьерного роста – 52%, что обусловлено провинциальной спецификой города Барнаула. При этом 18% опрошенных респондентов, фактически каждый пятый опрошенный отмечает, что в Барнауле определенно недостаточно возможностей для карьерного роста, а каждый четвертый опрошенный респондент отмечает, что в Барнауле скорее достаточно возможностей для карьерного роста – 25%. Каждый двадцатый опрошенный респондент отмечает, что в Барнауле определенно достаточно возможностей для карьерного роста – 5%. Участники анкетного опроса также отметили, что Барнаул оказывается не лучшим городом для карьерного роста в целом.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли в Барнауле возможностей для карьерного роста?», %.

Вариант ответа	% ответивших
Определенно да	5%
Скорее да, чем нет	25%
Скорее нет, чем да	52%
Определенно нет	18%

Далее рассмотрим политический аспект привлекательности города Барнаула. Стоит обратить внимание на тот факт, что представители студенческой молодежи не назвали его как важный и значимый как в рамках фокус-групп, так и в рамках проведения анкетного опроса. Так, на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали политическую активность жителей города Барнаула?» – были получены следующие ответы (см. рисунок 1). Абсолютное меньшинство опрошенных респондентов отмечают, что у жителей города Барнаула, в целом, наблюдается отсутствие какой-либо политической активности – 6%, при этом 12% опрошенных респондентов отмечают, что у жителей города Барнаула низкая политическая активность, а 62% опрошенных респондентов отмечают, что политическая активность жителей города Барнаула средняя: *«По возможности, жители краевой столицы стараются отстаивать свои права в рамках законных шествий, митингов и иных форм политической активности, кроме того, по статистике выборов, Барнаульцы охотно голосуют на выборах»*. Каждый пятый опрошенный респондент отмечает, что политическая активность жителей города Барнаула в целом высокая – 20%. Поэтому в рамках политического компонента Барнаул стоит считать скорее привлекательным городом особенно для представителей студенческой молодежи.

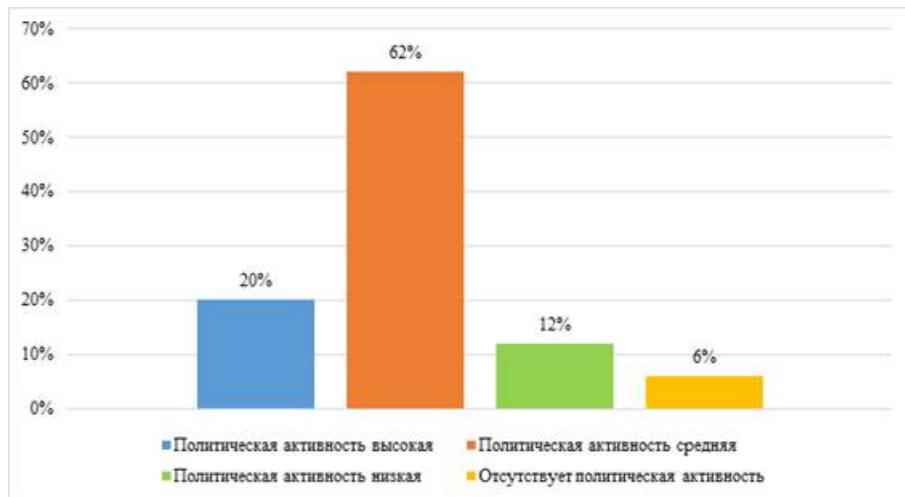

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали политическую активность жителей города Барнаула?», %.

Итак, исходя из вышеизложенного становится понятно, что в целом, политическая активность жителей города Барнаула находится на достаточно высоком уровне. С одной стороны, это обусловлено спецификой жителей данного провинциального города, с другой стороны, это обусловлено совокупностью усилий гражданского общества, которые детерминировали наличие возможности активного выражения своей позиции жителями города Барнаула. Участники фокус-групп отмечали: «*В Барнауле население имеет возможность выражать свою позицию ровно также, как и в среднем по стране. Представители местной и региональной власти, в целом, не препятствуют выражению активной гражданской позиции, а также политических взглядов*», «*Мне кажется, что большинство жителей города Барнаула, так или иначе, могут свободно и активно выражать свои политические взгляды*». Следовательно, по данному компоненту для представителей современной студенческой молодежи Барнаул является привлекательным городом, поскольку дает возможность наиболее активным гражданам беспрепятственно выражать свои политические взгляды, убеждения, гражданскую позицию и так далее.

Далее рассмотрим социальный аспект привлекательности города Барнаула. Важной компонентой общей привлекательности в социальном контексте городской среды для представителей современной студенческой молодежи выступает степень доступности высшего образования. Как правило, даже в поселках или небольших селах есть учреждения среднего профессионального образования, а вот учреждения высшего образования находятся в более крупных городах, столицах региона, чем и привлекают к себе потенциальных приезжих. Участники фокус-групп отмечали: «*В Барнауле достаточно много университетов, причем есть как государственные, так и частные учреждения высшего образования. Спектр образовательных программ столь широк, что нет никаких проблем с выбором профессии, есть практически все наиболее популярные направления обучения*», «*У нас в Барнауле высшее образование в целом доступно, достаточное количество бюджетных мест, а также различных направлений обучения, в рамках которых индивиды могут себя реализовать*».

Так, на вопрос «Как бы Вы оценили доступность высшего образования в Барнауле?» – были получены следующие ответы (см. рисунок 2). Большинство представителей студенческой молодежи отметили, что высшее образование в Барнауле скорее доступно – 51%, при этом 16% опрошенных респондентов отмечают, что высшее образование определенно доступно. При этом 27% опрошенных респондентов отмечают, что высшее

образование скорее недоступно: «Несмотря на достаточно существенное количество бюджетных мест, всем их не хватает, многие вынуждены либо учиться платно, либо пойти в колледж. Платное же образование в настоящее время слишком дорогое и не каждая семья сможет себе его позволить», «В платном варианте медицинское образование вовсе является чем-то мало доступным. Стоимость образовательных программ в год начинается от двухсот тысяч рублей, что мало считается доступным для индивида». При этом 6% опрошенных респондентов отмечают, что высшее образование в городе Барнауле определенно недоступно: «Знаю много примеров, когда люди не смогли поступить на бюджет, а коммерческую основу обучения они не потянули. В итоге получилась ситуация, когда человек рад бы учиться по программам высшего образования, но просто из-за недостатка денежных средств не смог себе этого позволить».

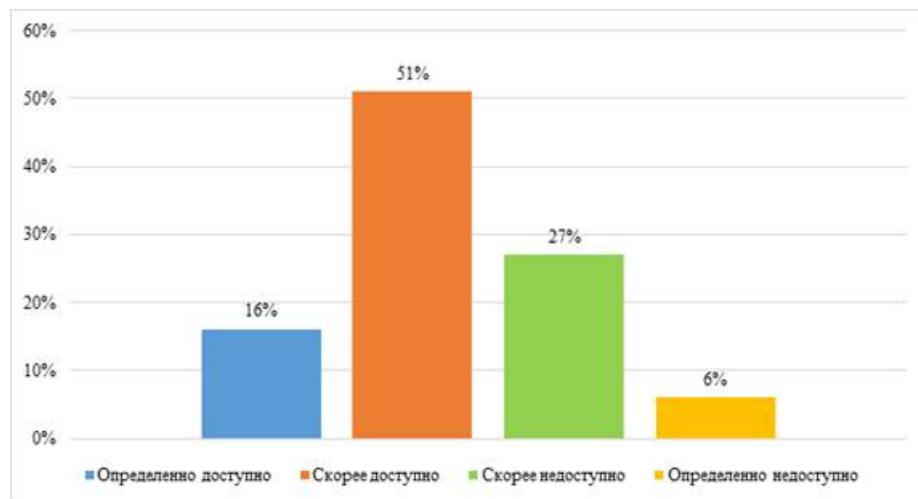

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили доступность высшего образования в Барнауле?», %.

Далее рассмотрим культурный компонент привлекательности города Барнаула. Дело все в том, что представители современной молодежи, в том числе, студенческой молодежи нуждаются в развитых формах культурного досуга, это обусловлено в большей мере поколенческими особенностями. Участники фокус-групп отмечали: «На мой взгляд в Барнауле достаточно учреждений культурного досуга на любой вкус и кошелек, никаких проблем с этим нет», «Затрудняюсь ответить, каких учреждений может не хватать в городе Барнауле в плане культурного отдыха, как мне кажется, всего более чем достаточно». При этом встречались ответы участников фокус-групп, отмечающие, что недостаточно музеев или оперных театров, а также отсутствуют балеты. Хотя такие ответы единичные и под массовые культурные запросы они не подходят. Тем не менее стоит отметить, что Барнаул в плане учреждений культурного значения является достаточно развитым и привлекательным провинциальным городом.

Так, на вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли учреждений культурного значения, культурного досуга в городе Барнауле?» – были получены следующие ответы (см. рисунок 3). Большинство опрошенных респондентов отметили, что учреждений культурного значения и культурного досуга скорее достаточно в городе Барнауле – 72%, при этом каждый пятый опрошенный респондент отметил, что данных учреждений в городе Барнауле определенно достаточно – 20%, а 6% опрошенных респондентов отметили, что учреждений культурного значения и культурного досуга в Барнауле скорее недостаточно, при этом абсолютное меньшинство опрошенных, а именно 2% отметили, что учреждений культурного досуга в городе Барнауле определенно недостаточно.

Несмотря на общую достаточность учреждений культурного значения в городе Барнауле, стоит отметить, что существуют определенные проблемы в рамках культурного компонента привлекательности города Барнаула. В частности, респонденты отмечали неравномерное распределение по городу культурных учреждений, также недостаточное количество парков и зеленых зон, кроме того, некоторые опрошенные отмечали, что в Барнауле недостаточно кафе и ресторанов, а каждый двадцатый опрошенный респондент отметил, что в принципе некуда сходить. При этом лишь 2% опрошенных указали на недостаток количества культурных учреждений, речь идет о музеях, театрах и так далее. Таким образом, культурный компонент привлекательности города Барнаула находится на достаточно высоком уровне. В городе есть куда сходить, где провести культурные формы досуга, повысить свой культурный уровень и так далее. Конечно, в рамках культурного компонента имеются определенные проблемы, но, в целом, они незначительны и не портят общего впечатления о культурной привлекательности города Барнаула.

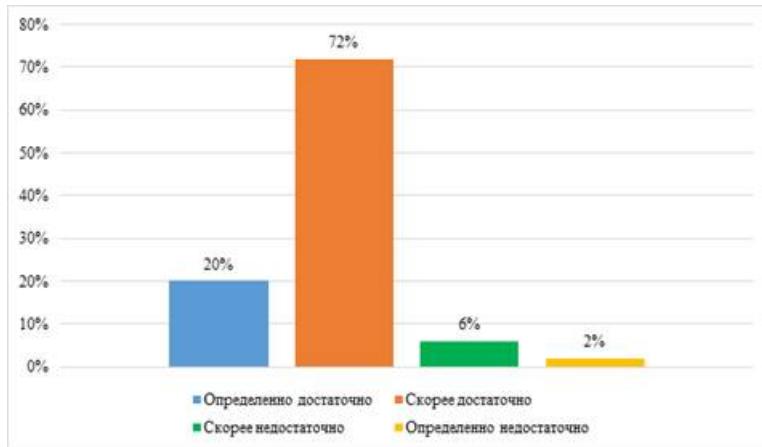

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли учреждений культурного значения, культурного досуга в городе Барнауле?», %.

Далее рассмотрим привлекательность города Барнаула в контексте туристического компонента привлекательности. Стоит отметить, что если город является привлекательным в туристическом плане, то он, потенциально, является привлекательным и для переезда на постоянное место жительства. Участники фокус-групп отмечали: «Очень важно, чтобы город был одновременно привлекательным как для жизни, так и для туризма. Мне почему-то кажется, что это взаимосвязанные категории. Ведь кто захочет жить, например, в Прокопьевске Кемеровской области, где даже не на что посмотреть? Разумеется, город должен быть привлекательным и для жизни, и для туризма», «Я бы не сказал, что Барнаул является чем-то привлекательным в туристическом плане. Наверное, только то, что относительно недалеко расположен Горный Алтай... Ну есть у нас красивая набережная, пара парков, которые привели в порядок и проспект Ленина со Сталинскими постройками на том и все».

Так, на вопрос «По-Вашему мнению, имеется ли туристический потенциал у города Барнаула?» – были получены следующие ответы (см. таблицу 3). Большинство опрошенных респондентов отмечают, что туристический потенциал у города Барнаула скорее есть, чем нет – 51%, при этом 22% опрошенных респондентов отмечают, что туристический потенциал у города Барнаула определенно есть, а 18% опрошенных респондентов, практически каждый пятый опрошенный отмечал, что туристического потенциала скорее нет, а 9% опрошенных респондентов отмечают, что туристического потенциала совершенно нет у города Барнаула. Если говорить в целом, то просто местные и региональные власти не развивают туристический потенциал города Барнаула, хотя это очень ценно, значимо, нужно и важно. Все-таки в рамках различных

проектов, в частности «Гражданская инициатива» приводится в порядок туристическая инфраструктура города Барнаула, вполне возможно, что в среднесрочной или долгосрочной перспективе, Барнаул станет вполне востребованным местом отдыха.

Тем не менее в рамках туристического компонента привлекательности город Барнаул обладает рядом проблем. В частности, речь идет о недостаточном количестве памятников архитектуры, малом количестве природных особенностей, небольшом количестве достопримечательностей, неразвитости категории туризма в целом, а также о недостаточной рекламе города в туристическом плане. Все вышеперечисленное указано в порядке значимости по убыванию, от самого значимого к наименее значимому показателю. Скорее всего при устранении вышеприведенных замечаний, туристический потенциал города Барнаула, как и общий показатель привлекательности заметно бы возрос, и, в целом, положительно бы влиял на сложившиеся обстоятельства в отношении привлекательности города Барнаула в целом.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «По-Вашему мнению, имеется ли туристический потенциал у города Барнаула?», %.

Вариант ответа	% ответивших
Определенно да	51%
Скорее да, чем нет	22%
Скорее нет, чем да	18%
Определенно нет	9%

Основные выводы. Привлекательность территории или социальная привлекательность города – это сложная многоаспектная категория, которая включает в себя совокупность земного, водного и воздушного пространства, имеющие конкретные границы, характеризующиеся совокупностью факторов благоприятного характера, формирующих благополучие и положительное отношение граждан к данной территории. Она включает в себя шесть ключевых параметров, а именно: географическая привлекательность, экономическая привлекательность, политическая привлекательность, социальная привлекательность, культурная привлекательность, туристическая привлекательность. Наиболее уместным и универсальным методологическим подходом при исследовании привлекательности территорий выступает структурный функционализм.

Общая оценка привлекательности города Барнаула находится на уровне выше среднего. Данная оценка предопределяется тем фактором, что в рамках географического компонента наблюдается высокая степень привлекательности. Барнаул совмещает в себе все преимущества лесостепной зоны и предгорной зоны, а совмещение данных зон позволяет нивелировать недостатки засушливости, как основного критерия лесостепной зоны, а также резких снижений температур и возвратных заморозков. В рамках социального, туристического, инновационного и технологического компонентов наблюдается средняя степень привлекательности, а в рамках экономического компонента наблюдается скорее низкая степень привлекательности. Барнаул обладает недостаточными возможностями для карьерного роста. Фактически предприятий, которые действительно могут обеспечить карьерный рост не так уж много. Но, если приложить определенные усилия на региональном уровне, то можно будет достичь определенных высот и удастся в целом повысить уровень привлекательности города Барнаула для жизнедеятельности граждан, что в конечном счете предотвратит миграционный отток граждан. Дальнейшее исследование данной темы является эвристически ценным как в рамках теоретической, так и в рамках эмпирической социологии.

Библиография

1. Анисимова, Е.А. Взаимосвязь сбалансированного социально-экономического развития города и уровня его привлекательности (на примере городов-миллионников России) / Е. А. Анисимова // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 9(50). – С. 339-343.
2. Глебова И.С., Кучукбаева А.И. Привлекательность городов – миллионников для их жителей: оценка и возможности ее развития // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 1 (48). С. 72-94.
3. Зюмалина, А.Р. Инвестиционная привлекательность города: понятие, определения, способы оценки / А. Р. Зюмалина // Вестник ЧелГУ. – 2021. – № 8-1. – С. 133-137.
4. Гресс, К. И. Анализ привлекательности территории как курорта на примере города Ейск / К. И. Гресс, О. И. Ерохина // Современный взгляд на будущее науки: сборник статей международной научно-практической конференции: в 3 частях, Казань, 20 марта 2019 года. Том Часть 1. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2019. – С. 55-58.
5. Космачев, В.Р. Анализ инвестиционной привлекательности города Санкт-Петербурга / В. Р. Космачев // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2019. – Т. 10, № 4(41). – С. 221-227.
6. Махошева С. А., Легкая Л. А., Жанокова М. В., Атабиева А. Х. Механизм формирования инвестиционной привлекательности региональной социально-экономической системы // Экономические науки. – 2022. – № 217. – С. 148-153.
7. Гагошидзе, Т.Д. Маркетинг территории в системе повышения инвестиционной привлекательности региона (на примере города Волгограда) / Т. Д. Гагошидзе, В. В. Кабанов, С. П. Сазонов // Управление. Бизнес. Власть. – 2022. – № 2(11). – С. 114-115.
8. Степанова, Н.О. Нематериальное культурное наследие как фактор туристской привлекательности малых городов / Н. О. Степанова // Современные инновации: фундаментальные и прикладные исследования: Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 15-16 февраля 2022 года. – Москва: "Проблемы науки", 2022. – С. 65-66.
9. Горгородова, Ю.В. Градостроительные аспекты формирования туристической привлекательности города / Ю. В. Горгородова // Архитектура во времени и пространстве-2023 : Материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 28 апреля 2023 года. – Минск: Белорусский национальный технический университет, 2023. – С. 166-169.
10. Яремчук, С. В. Ценности молодежи и оценка привлекательности города / С. В. Яремчук, Я. В. Есина // Региональная Россия: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 321-326.
11. Полякова, В.В. Привлекательность родного города как фактор иммобилности молодежи (на примере молодежи города Екатеринбурга) / В. В. Полякова // Трансформация социального мира в современную эпоху: Сборник научных трудов / Научный редактор Т.И. Грабельных. – Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Оттиск", 2019. – С. 91-95.
12. Джекобе Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2011. — С. 460

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является привлекательность города Барнаула в оценках студенческой молодежи.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод обобщения, а также «массовое анкетирование представителей студенческой молодежи как количественный метод сбора данных, а также фокус-группа с представителями студенческой молодежи как качественный метод сбора данных».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку категория привлекательности рассматривается с различных точек зрения и изучается в рамках междисциплинарного подхода разными науками. Феномен привлекательности города с точки зрения различных групп рассматривается, прежде всего, с социальной точки зрения с учетом основных маркеров качества жизни населения и развития самой территории. В этом контексте изучение привлекательности города Барнаула в оценках студенческой молодежи представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике привлекательности города Барнаула в оценках студенческой молодежи, а также анализе и описании полученных результатов социологического исследования, «выборочную совокупность исследования составляют 212 студента ВУЗов г. Барнаула – 12 участников для фокус-группы и 200 для анкетирования».

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также наглядной демонстрацией результатов исследования.

Структура статьи, к сожалению, не выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования можно условно выделить такие элементы как вводная часть, основная часть, заключительная часть и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет отмеченная в ходе исследования тенденция, что «при рассмотрении степени удачности расположения города Барнаула в географическом плане следует отметить наличие ряда компонентов, которые создают общий образ благоприятного расположения. Такими компонентами являются отсутствие серьезных катаклизмов, устойчивый климат резко-континентального характера, наличие большого количества солнечных дней в году, а также достаточного количества осадков для занятия сельскохозяйственной деятельностью. Фактически город Барнаул совмещает в себе все преимущества лесостепной зоны и предгорной зоны, а совмещение данных зон позволяет нивелировать недостатки засушливости, как основного критерия лесостепной зоны, а также резких снижений температур и возвратных заморозков, как, например, в предгорных районах. Многие жители Алтайского края не хотят переезжать лишь потому, что им нравится климат, рельеф и совокупность иных факторов географического характера.».

Библиография содержит 11 источников, включающих в себя отечественные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные аспекты социальной привлекательности. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «общая оценка привлекательности города

Барнаула находится на уровне выше среднего. Данная оценка предопределяется тем фактором, что в рамках географического компонента наблюдается высокая степень привлекательности. Барнаул совмещает в себе все преимущества лесостепной зоны и предгорной зоны, а совмещение данных зон позволяет нивелировать недостатки засушливости, как основного критерия лесостепной зоны, а также резких снижений температур и возвратных заморозков. В рамках социального, туристического, инновационного и технологического компонентов наблюдается средняя степень привлекательности, а в рамках экономического компонента наблюдается скорее низкая степень привлекательности. Барнаул обладает недостаточными возможностями для карьерного роста. Фактически предприятия, которые действительно могут обеспечить карьерный рост не так уж много. Но, если приложить определенные усилия на региональном уровне, то можно будет достичь определенных высот и удастся в целом повысить уровень привлекательности города Барнаула для жизнедеятельности граждан, что в конечном счете предотвратит миграционный отток граждан».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций, руководством и работниками администраций городов, работниками министерств, ведомств и организаций к ведению которых относятся вопросы образования и работы с молодежью, специалистами по работе со студентами, психологами, антропологами, урбанистами, социологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что необходимо выделить и обозначить, а при необходимости, дополнить рукопись структурными элементами, которые должны быть в научной статье, а именно, в структуре научной статьи должны быть; введение, обзор литературы, материалы и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов исследования, выводы (по возможности, сформулировать рекомендации) и заключение. При оформлении рисунков и таблиц необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями. При написании статьи возможно было бы использовать и зарубежные источники, сослаться на них и включить в библиографический список. Кроме того, необходимо обратить внимание на правильность и полноту написания названий вузов в тексте статьи, например, название «Алтайский Государственный Технический Университет» указано не совсем верно, название данной образовательной организации, как указано на ее официальном сайте, это «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова»; «Алтайский филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при президенте Российской Федерации» также указан в тексте с ошибками использования заглавных и строчных букв, а слова «при Президенте Российской Федерации» должно быть написано с заглавной буквы. Аналогичные технические ошибки и в названиях других вузов, указанных в тексте статьи: «...Алтайского Государственного Университета, ..., Алтайского Государственного Медицинского Университета, Алтайского Государственного Педагогического Университета, Алтайского Государственного Аграрного Университета, ...». Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи в плане его структуры. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья по названию "Привлекательность города Барнаула в оценках студенческой молодежи" посвящена восприятию студенческой молодежью привлекательности столицы Алтайского края - города Барнаула. Автор детально анализирует существующие подходы к предмету своего исследования, а именно феномену привлекательности. Существенным достоинством такого тщательного анализа является то, что автор предпринял попытку сделать это комплексно, то есть с точки зрения разных научных дисциплин, разных социологических школ, а также как зарубежных, так и отечественных авторов, делая выбор в пользу структурного функционализма. С методологической точки зрения авторский подход оправдан. В основу данного исследования положены как количественный (опрос), так и качественный (фокус-группа) методы. Как правило, такое сочетание методов в социологических исследованиях даёт достаточно полную картину и возможность формулировать обоснованные выводы относительно цели и задач исследования, и является традиционным.

Автор предлагает анализ привлекательности города Барнаула по шести показателям (политический, экономический, финансовый, географический, инфраструктурный, социальный) и последовательно их разбирает в ходе изложения результатов своего научного исследования. Такой подход в целом обеспечивает как новизну исследования, так и последовательность изложения материала. В связи с этими обстоятельствами по своей структуре статья выдержана в строгом ключе, ее содержание лаконично, с одной стороны, и при этом полно, с другой, что обеспечивает обоснованность выводов. Стиль изложения материала также не вызывает нареканий.

Библиографический список соответствует тексту статьи и ее ссылкам и оформлен корректно.

Изучение привлекательности российских городов с точки зрения восприятия молодежью является актуальным и архиважным, учитывая современные миграционные процессы и набирающее обороты такое явление как кадровый голод. Представителей молодого поколения все больше привлекают крупные города-миллионники, что ставит средние и малые города страны под угрозу обезлюдевания, отсутствия притока молодых трудовых кадров и соответственно социально-экономического развития. Результаты представленного на рецензию исследования имеют прикладное значение, поскольку дают пищу для размышления как представителям органов региональной и муниципальной власти, так и представителям бизнеса и научного сообщества, заинтересованным в развитии территорий, в данном частном случае, столицы Алтайского края. Что касается, самой статьи, то она вполне соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода публикациям и рекомендована к публикации. Однако хотелось бы в дальнейшем пожелать автору в большей степени учитывать социально-психологические особенности и ценностные ориентации современного молодого поколения, определяющие поведенческие и мотивационные аспекты, данной социальной группы в то числе в сфере предпочтений мест проживания, работы отдыха, миграционных установок.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Туркулец С.Е., Гареева И.А., Слесарев А.В., Гарнага А.Ф. Маргинализация городского пространства (опыт социологического исследования на примере Хабаровска) // Социодинамика. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.12.72545 EDN: UQLVPX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72545

Маргинализация городского пространства (опыт социологического исследования на примере Хабаровска)

Туркулец Светлана Евгеньевна

доктор философских наук, кандидат социологических наук

профессор; кафедра "Уголовно-правовые дисциплины"; Дальневосточный государственный университет путей сообщения

680021, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, ауд. 3348

✉ turswet@rambler.ru

Гареева Ирина Анатольевна

доктор социологических наук

профессор; кафедра "Социальная работа и психология"; Тихоокеанский государственный университет

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136

✉ gar_ia@mail.ru

Слесарев Александр Валерьевич

аспирант; кафедра "Уголовно-правовые дисциплины"; Дальневосточный государственный университет путей сообщения

680021, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, ауд. 3348

✉ alekssles@yandex.ru

Гарнага Анастасия Филипповна

ORCID: 0000-0003-2936-0934

кандидат социологических наук

доцент; Высшая школа архитектуры и градостроительства; Тихоокеанский государственный университет

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136

✉ turswet@rambler.ru

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2024.12.72545

EDN:

UQLVPX

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2024

Дата публикации:

10-12-2024

Аннотация: Объектом настоящей статьи является процесс маргинализации. Предмет статьи – маргинализация городского пространства (на примере Хабаровска). Целью статьи выступает актуализация и уяснение сущности процесса маргинализации городского пространства, а также выявление особенностей маргинализации городского пространства на примере города Хабаровска. Ввиду весьма динамичного протекания самых разных социальных процессов в городской среде сегодня видится важным вопрос маргинализации городских пространств. Как проблемы маргинализации обозначены в научном дискурсе, существует ли четкое определение и категоризация этого процесса, в чем ее причины и к каким последствиям для среды и социума она может привести – эти и другие подобные вопросы представляют в настоящее время особый исследовательский интерес для представителей разных социально-гуманитарных наук. В статье используются методы научно-теоретического анализа, обобщения и систематизации отечественных и зарубежных исследований проблем маргинализации, а также эмпирические методы – анкетирование, экспертные интервью, метод вернакулярного районирования. Теоретический блок статьи демонстрирует множество различных подходов к определению маргинальности и маргинализации, с одной стороны, и отсутствие устойчивых определений данных понятий, – с другой. Объясняется это, прежде всего, отсутствием комплексного подхода к исследованию процесса маргинализации. Для наиболее полного определения процесса маргинализации городского пространства в статье применен алгоритм: причины – сущность – осуществление – последствия. Практическая значимость изучения маргинализации городских пространств обусловлена необходимостью контроля маргинальных районов в части распространения в них различных социальных девиаций, а также потребностью прогнозирования тенденций маргинализации. На основе эмпирических исследований городского пространства (на примере города Хабаровска), изучения общественного и экспертного мнений, использования метода вернакулярного районирования была определена совокупная «благополучность» разных вернакулярных районов города, оценен уровень дохода горожан, проживающих в этих районах, выявлена корреляция между определением уровня «благополучности» и криминогенностью района, а также особенности стигматизации городских пространств, являющейся неотъемлемой составляющей процесса маргинализации.

Ключевые слова:

маргинализация, городское пространство, стигматизация, вернакулярные районы, маргинальность, опрос, экспертное интервью, территориальная стигматизация, криминогенность, благополучие

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20346, <https://rscf.ru/project/24-28-20346/>

Введение

Современное состояние общества отличается повышенной динамикой появления самых разнообразных социальных тенденций. В свою очередь, перед социально-гуманитарными науками встает необходимость исследовать социальные инновации в целях выявления закономерностей, конструирования проектов и определения прогнозов общественного развития. Понятия маргинальности и маргинализации исследуются достаточно давно и довольно успешно представителями социогуманитарного знания, вместе с тем, в настоящее время в условиях динамики социально-пространственных процессов представляется важным сделать акцент на изучении маргинализации городского пространства. Таким образом, предметом статьи выступает процесс маргинализации городского пространства (на примере Хабаровска).

Методология исследования

В статье используются методы научно-теоретического анализа, обобщения и систематизации отечественных и зарубежных исследований проблем маргинализации. Предметное поле исследования находится на стыке социологии и урбанистики, что позволяет использовать теоретические методы изучения городского пространства, обобщая и систематизируя научные идеи социологов, философов историков, географов. Метод сравнения применяется в ходе сопоставления результатов авторского исследования и вторичных данных, полученных при изучении городского пространства другими учеными. Теоретический блок статьи демонстрирует множество различных подходов к определению маргинальности и маргинализации, с одной стороны, и отсутствие устойчивых определений данных понятий, - с другой. Объясняется это, прежде всего, отсутствием комплексного подхода к исследованию процесса маргинализации. В этой связи представляется, что применяемый в статье интегративный подход обладает определенным эвристическим потенциалом. Для наиболее полного определения процесса маргинализации городского пространства в статье применен алгоритм: причины – сущность – осуществление – последствия. К числу используемых эмпирических методов относятся анкетирование, экспертные интервью, метод вернакулярного районирования. Формула расчета объема выборки для массового анкетного опроса зависит от цели исследования и характеристик генеральной совокупности, за которую принимается общая численность Хабаровска на 1 января 2024 года (617 тыс. чел.), авторами исследования использован онлайн-калькулятор расчета выборки, основанный на формуле Кохрана:

$$n = z^2 * p*(1-p) / c^2,$$

где n – объем выборки, z – коэффициент доверия (принят 1,96 для доверительного интервала 95%), p^2 – дисперсия признака в генеральной совокупности (50%), c – предельная ошибка выборки (принята в пределе погрешности 5%).

Таким образом, выборка массового анкетного опроса составила 665 человек. Для ремонта выборки дополнительно было опрошено 50 человек. Половозрастной состав выборки соответствует составу генеральной совокупности горожан старше 18 лет.

Проведено экспертное интервью 5 сотрудников МВД, ведущих статистический учет преступлений в 5 административных районах Хабаровска для выявления общего количества и повторяемости «маргинальных» правонарушений в разных городских

локациях. Соответственно, критериями выбора экспертов выступили их доступ к искомой информации, возможность ее транслировать в обобщенном и обезличенном виде, опыт работы с городским населением по вопросам соблюдения правопорядка. Выбран формат полуформализованного интервью, в ходе формализованной части которого исследователи получили подлежащую сравнению статистическую информацию о «маргинальных» преступлениях в привязке к разным городским локациям, а в неформализованной части – предложения по определению маргинализации городских пространств.

Обзор литературы

Обращаясь к анализу маргинальности как феномена, характерного для современного общества, а также к изучению процесса маргинализации применительно к городскому пространству, необходимо провести библиографический обзор подходов к указанным понятиям. Маргинальность представляет собой в настоящее время междисциплинарное понятие, исследование которого в рамках различных социально-гуманитарных наук может обеспечить впоследствии комплексное всестороннее изучение данного сложного социального феномена [\[1\]](#).

Представители различных научных направлений делают акцент на разных особенностях исследуемого феномена. В контексте динамики современных социальных трансформаций его изучают психологи [\[2-5\]](#), историки [\[6-7\]](#), социологи [\[1; 8-9\]](#).

Исследователи фиксируют отсутствие устоявшегося определения маргинальности. Так, Гатиатулина Э.Р. и Орлов А.Н. отмечают, что до сих пор нет общепринятого мнения о том, что представляет собой маргинальность как явление. Кроме того, авторы утверждают, что «сейчас уровень понимания этого феномена все еще недостаточен для того, чтобы можно было строить прогнозы и влиять на процессы маргинализации. Одной из причин, возможно, является неясность механизма маргинализации» [\[10, с. 63-64\]](#).

Тем не менее, попытки охарактеризовать маргинальность предпринимаются в научном сообществе постоянно. Так, Н.А. Сайнаков формулирует три критерия, определяющих содержание термина: 1) в психологическом плане – чувство неуверенности, моральное смятение; 2) в социальном – дистанцированность, чуждость по отношению к общественному окружению; 3) утрата самоидентификации в рамках общепринятых культурных норм, нормативная неопределенность [\[11, с. 99\]](#).

М.С. Иванова выделяет следующие черты маргинализации: разрыв социальных связей, детерминированность изменениями в социальной структуре, пограничность состояния объекта в системе социальных элементов [\[12, с. 162\]](#).

Другие ученые подчеркивают, что при изучении маргинальности «мы сталкиваемся со следующим парадоксом: будучи явлением многоаспектным и уже по самому своему определению пограничным, маргинальность как предмет гуманитарного исследования выходит за строгие рамки любой отдельно взятой дисциплины. Можно сказать, что тематика маргинальности маргинальна. Метафоризация понятия маргинальности грозит, по существу, выведением его вообще за пределы науки» [\[13, с. 54\]](#).

В самом общем виде социологи определяют маргинализацию как «переход индивида или социальной группы из одного состояния в другое... В рамках социологии сложилась традиция рассматривать маргинальность в качестве устойчивого переходного, пограничного состояния человека или социальной группы по отношению к другим

индивидуам, социальным общностям или группам» [\[14, с. 32\]](#).

Отдельные ученые утверждают, что «в контексте современной социальной реальности можно говорить о всеобщей маргинализации» [\[15\]](#). Отмечается, что в разряд маргиналов попадают не только беженцы и мигранты, по традиции, но и попросту лица, не обладающие чертами среднестатистического социального статуса, потенциально это пенсионеры, инвалиды, одиночки, безработные, низкооплачиваемое рабочее население, творческая интеллигенция, этноменьшинства и проч. [\[16, с. 112\]](#).

Ю.В. Преображенский в своей статье «Пространственная маргинализация: подходы и уровни исследования» [\[17, с. 8-9\]](#) приводит следующие подходы к выделению маргинальных территорий:

Геометрический подход в качестве маргинальных выделяет удалённые, окраинные части региона, страны;

Экологический подход относит к маргинальным регионы или их части с неблагоприятной экологической ситуацией, возможно, испытывающие последствия экологической катастрофы;

Культурный подход рассматривает в качестве маргинальных части города, региона, где сформировались и проявляют себя субкультуры;

Экономический подход делает акцент на депрессивных территориях, отстающих по уровню экономического развития;

Политический подход причисляет к маргинальным регионы, которые по политическим причинам поставлены в худшие по сравнению с другими условиями;

Этноконфессиональный подход в качестве критерия маргинальности рассматривает национальные или религиозные признаки, отличающие отдельные части города, региона.

Ю.В. Преображенский, вплотную занимаясь вопросами маргинализации городских территорий, отмечает, что феномен городской маргинализации проявляется многоаспектно, изменяя культурное пространство города, состав и интенсивность социальных практик. В результате процесса маргинализации образуется городская внутренняя периферия, где могут локально размещаться субкультуры или полулегальные бизнесы. В конечной стадии участки города могут превращаться в зоны, лишённые внимания людей, своеобразные «не-места», – «территории, не несущие символической наполненности, объектов интереса для человека» [\[17, с. 9\]](#).

У истоков теории маргинализации городского пространства стоит современный американский социолог французского происхождения Лоик Вакан. Говоря о так называемой «новой маргинальности», социолог отмечает, что она концентрируется вокруг неблагополучных районов города, над которыми официальные власти потеряли контроль, где не действуют общие нормы правопорядка: «Эти районы четко определяемы – как самими жителями, так и внешними наблюдателями – как городские гадюшники, полные лишений, безнравственности и насилия, где могут жить лишь отбросы общества» [\[18\]](#). Описывая города Западной Европы, ученый достаточно определенно связывает городскую маргинализацию с социальным неравенством: «Раньше бедность в западных мегаполисах казалась по большей части явлением остаточным или кратковременным, привязанным к местам проживания рабочего класса, и воспринималась географически

рассеянной и исправимой посредством дальнейшего расширения рынка. Теперь же она представляется все более и более длительной, если не постоянной, и не связанной с макроэкономическими трендами, но привязанной к пользующимся дурной славой неблагополучным районам, в которых социальная изоляция и отчуждение подпитывают друг друга. И одновременно растет пропасть между такими районами и теми, где живет остальная часть общества» [\[18\]](#).

В числе отечественных социологов, обратившихся к проблеме маргинализации городского пространства, можно назвать А.Ю. Казакову, посвятившую докторскую диссертацию жилищной депривации и территориальной стигме как атрибутам маргинальности [\[19\]](#). В своих работах А.Ю. Казакова определяет факторы, обусловливающие маргинализацию городских районов проживания [\[20-22\]](#). Обращаясь к теоретическим истокам исследования маргинализации городского пространства, социолог отмечает, что основной методологической посылкой для анализа территориального распределения рисков, опасностей, угроз служит идея Р. Парка о городе как совокупности «естественных зон» – районов, обладающих собственной специфической средой, особой функцией в городской экономике, историей, и далее автор приводит цитату Р. Парка: «Район называется «естественной зоной» потому, что появляется незапланированно и исполняет определённую функцию, хотя эта функция может и противоречить чьим-либо планам (как это бывает в случае с трущобами) /.../ Существование таких естественных зон, каждая из которых исполняет свою особую функцию, указывает на то, чем оказывается город при более подробном анализе – не просто артефактом, как это было принято считать ранее, но в определённом смысле организмом» [\[22, с. 106\]](#).

В поисках признаков явлений маргинальности в городской среде другой российский исследователь – В.В. Новицкая – отмечает: «Для характеристики городской среды обозначим особенности ее устройства:

- пространственно-территориальное нахождение – обычно это концентрация относительно большого числа людей на сравнительно маленькой площади;
- особенности социально-экономического характера – разнообразие трудовой деятельности, высокая степень дифференциации в социальной и экономической сферах;
- особенности социокультурного характера – наличие динамичности, маргинальности, анонимности городского сообщества» [\[23, с. 66\]](#).

Очевидно, что трактовка маргинальности как пограничного состояния, близкого к девиантному, уже не удовлетворяет исследователей этого явления. Они придают ей гораздо более широкое значение. Обсуждение содержания данного феномена переходит в плоскость традиции-новации. «Самым “привлекательным” в маргиналах является то, что они – источник новизны и культурного роста», отмечает Л.И. Кемалова [\[24\]](#).

Многие исследователи видят в маргинальности потенциал для развития культуры и общества. «То, что развитие культуры происходит в результате выхода за грань привычных норм и рамок, а новые социальные структуры возникают на месте маргинальных социальных образований, подтверждают такие мыслители, как Р. Барт М. Фуко Г. Башляр, Бахтин и др.» [\[12, с. 162\]](#).

Зарубежные исследователи нередко направляли свое внимание на маргинализацию

городского пространства в контексте территориальной стигматизации [\[25-26\]](#).

Так, Лоик Вакван, Том Слейтер, Вирхилиу Борхес Перейра [\[25\]](#) показывают динамическое взаимодействие различных составляющих социального пространства: территориально-административных единиц, культурно-символических групповых моделей поведения и повседневных индивидуальных действий. Используя многочисленные примеры европейских (например, Париж, Стокгольм, Бристоль, Эдинбург, Копенгаген) и американских (например, Нью-Йорк, Чикаго) городских территорий, авторы раскрывают живую связь трёх пространственных структур в единой городской онтологии: символического пространства, социального пространства и физического пространства. В ходе проведённых авторами исследований были выявлены такие тенденции, как желание людей, проживающих в особых, неблагополучных, «забытых Богом» районах, «закрыться» от окружающих, уединиться, скрыть свою стигматизированную идентичность. Это объясняется тесной связью территориальной стигмы с такими факторами, как нищета, безнравственность, уличная преступность, этническая принадлежность мигрантов и проч. Авторы утверждают, что современной территориальной стигматизации присущи следующие характерные черты: 1) тесная взаимосвязь с этнической принадлежностью участников данного процесса; 2) феномен территориальной стигматизации воспринимается обществом как нечто само собой разумеющееся, как своеобразный видимый атрибут «социального ада»; 3) стигматизированные кварталы современных постиндустриальных мегаполисов воплощают в себе векторы социальной дезинтеграции (общая распущенность образа жизни); 4) гипертрофия расовых или религиозных особенностей жителей данных территорий провоцирует усиление процессов стигматизации; 5) стигматизированные районы современного города вызывают отрицательные реакции (эмоции, мнения, оценки) жителей так называемых нормальных районов, что, в свою очередь, способствует обывательскому оправданию жёстких мер со стороны государства (ограничения прав, штрафы, наказания). Более того, государственные службы манипулируют этим закреплённым в общественном сознании образом неблагополучных районов для того, чтобы продвигать свои стратегии в развитии территорий (например, снос целых кварталов или кардинальное переустройство городских районов).

Здесь видна прямая социально-политическая манипуляция данной проблемой вместо того, чтобы обстоятельно и глубоко исследовать причины её появления, условия и факторы её нынешнего воспроизведения, а также вырабатывать на этой основе способы её перспективного преодоления. Зарубежные исследователи результируют свое исследование тезисом о том, что территориальная стигматизация как некий якорь социальной дискредитации играет ключевую роль в материально-предметной и символически-культурной трансформации современного городского ландшафта. По их мнению, территориальная стигматизация не является статическим состоянием, нейтральным процессом или безобидной культурной игрой, она выступает последовательной и вредной формой действия социальной общности по отношению к своим же членам. Ученые указывают на настоятельную необходимость принятия политических мер, направленных на ресоциализацию лиц, подвергшихся территориальной стигматизации.

Суне Квотrup Йенсен, Анн-Дорте Кристенсен [\[26\]](#), рассматривая специфику формирования городских маргинальных районов, отмечают, что жители этих территорий принимают свой маргинальный статус как нечто само собой разумеющееся, безо всякой критической рефлексии. Более того, такое некритическое самоопределение только усиливает эффект территориальной стигматизации. Жители маргинальных территорий

настолько свыкаются со своим стигматизированным положением, что субъективно даже довольны своим статусом. Авторы считают, что в преодолении данного негативного эффекта определенную роль должны играть государственные институты и развитие политической культуры всего общества.

Мы уже обращались к проблематике городской маргинализации в контексте изучения территориальной стигматизации [\[27-28\]](#), где отмечали, что территориальная стигматизация способна оказывать существенное влияние на формирование жизненных стратегий личности.

Очевидно, что маргинализация не может рассматриваться исключительно в контексте негативных коннотаций. Следует учитывать многообразие ее проявлений и последствий.

Маргинализация городского пространства – конкретно-исторический, объективный социокультурный процесс, характерный в большей степени для трансформационного или аномийного социального состояния.

Для наиболее полного определения процесса маргинализации городского пространства целесообразно использовать алгоритм: причины – сущность – осуществление – последствия.

Причины

К числу причин маргинализации относятся:

- экономические причины (инфляция, низкий уровень доходов, экономическое неблагополучие и пр.>,
- конфликт с устоявшимися в обществе нормами,
- утрата (потеря) идентичности,
- вынужденная социальная мобильность.

Сущность процесса

- в ходе маргинализации происходит отчуждение человека от привычной среды, по сути, социальное исключение индивидов, проживающих в маргинальных локациях;
- происходит замещение традиционных ценностных приоритетов новыми, еще не освоенными, не устоявшимися, не освоенными;
- осуществляется территориальная стигматизация;
- формируется маргинальный (пограничный) образ отдельных локальностей города.

Осуществление процесса

- устанавливается незримая граница между стабильным и переходным (пограничным) ментальным образом города;
- пространство города дифференцируется на различные городские локальности, объединенные общей исключенностью из публичного взгляда на город.

Последствия маргинализации

- амбивалентность процесса обуславливает, с одной стороны, исключение индивида из

привычного социального окружения, с другой, предусматривает одновременное его существование в различных социокультурных общностях в целях наиболее успешной адаптации;

– другое проявление амбивалентности процесса – с одной стороны, в условиях прогрессивного развития маргинализм не выступает чем-то случайным и подлежащим устраниению, но обретает легитимность, атрибут необходимости; с другой, помимо ощущения неуверенности и неопределенности, в перечне его свойств выделяют скептическое, доходящее до цинизма, отношение к миру; аксиологический релятивизм; отстраненность и отчужденность; замкнутость, одиночество, внутренний разлад [\[16, с. 111\]](#);

– в результате маргинализации городского пространства в массовом сознании горожан вырабатывается такая система ценностей, где господствует индивидуализм, нетерпимость, враждебность и склонность к скептическим, упрощенным суждениям [\[14, с. 34\]](#), усиливается манипулятивность сознания.

Таким образом, чтобы сформулировать дефиницию маргинализации городского пространства, представим следующее определение: это конкретно-исторический, объективный социокультурный процесс, характерный для трансформационного или аномийного социального состояния, причинами которого выступают конфликт с устоявшимися в обществе нормами, утрата (потеря) идентичности, вынужденная социальная мобильность, суть которого заключается в появлении новых социальных практик, в отчуждении человека от привычной среды и в социальном исключении индивидов, проживающих в определенных локациях, в осуществлении территориальной стигматизации и формировании пограничного образа отдельных локальностей города.

Результаты исследования

Проведя обзор теоретических подходов к проблеме маргинализации городского пространства, обратимся к анализу эмпирического материала в целях комплексного исследования обозначенного предмета.

Если говорить о маргинальности конкретных городских пространств, то необходимо отметить, что эта маргинальность не имеет каких-либо юридических или формализованных обозначений, так же, как и сами пространства не предполагают возможности четкой демаркации. Разумным в таком случае предполагается использование вернакулярного подхода к характеристике городских пространств, при котором границы ментальны и условно обозначаемы большинством горожан. И сам процесс маргинализации может быть отмечен, в частности, благодаря длительному включенному наблюдению горожан, мнение которых и явилось целью в описанных ниже опросах.

Вернакулярные районы – пространства, определяемые самими жителями и имеющие ментальные границы (пример определения жителями вернакулярных районов – «Центр», «Южный», «Северный», либо использование устаревших названий городских локаций). Соответственно, вернакулярное районирование – метод условной демаркации городского пространства на вернакулярные районы и анализ этих районов по исследуемым критериям. Такой метод более предпочтителен для выявления конкретных городских характеристик, чем анализ административных районов города, разделенных формально.

Для получения первичных эмпирических сведений об изучаемом предмете были выбраны наиболее распространенные методы социологического исследования: анкетный опрос и экспертивные интервью. Синтез результатов, полученных с помощью различных методов исследования, позволяет более объемно и точно презентовать заявленную проблематику. Выборочный опрос проведен интервьюерами в очной форме в период с 1 декабря 2023 г. по 17 марта 2024 г. Географические рамки установлены в административных границах города Хабаровска. Численность городского населения составляет 617 000 человек. Выборка составила 665 человек.

Выборочная совокупность учитывала особенности социально-демографического и этнического состава генеральной совокупности. Основополагающими для определения выборочной совокупности являлись следующие критерии:

- демографический критерий: пол и возраст респондента;
- географический критерий: место постоянного проживания, городской район.

Для опроса использовался бланк формализованного интервью. Опрос проводился профессионально обученными интервьюерами. Для ремонта выборки было опрошено дополнительно 50 респондентов.

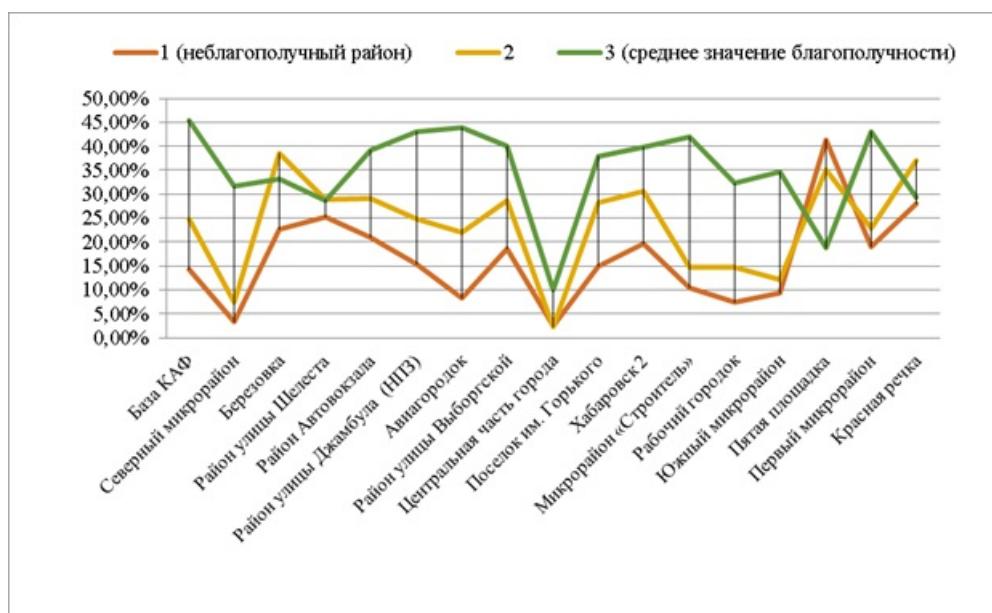
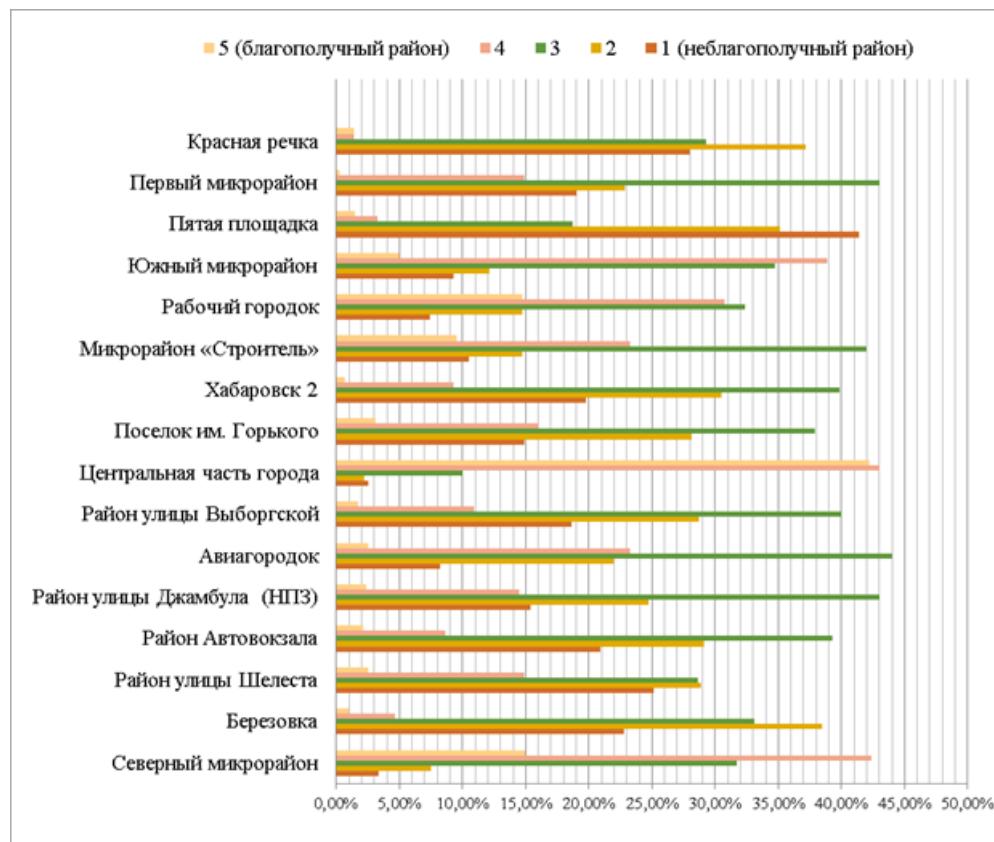
Опрос проведен во всех пяти административных районах города, число респондентов в каждом из которых прямо пропорционально числу проживающих.

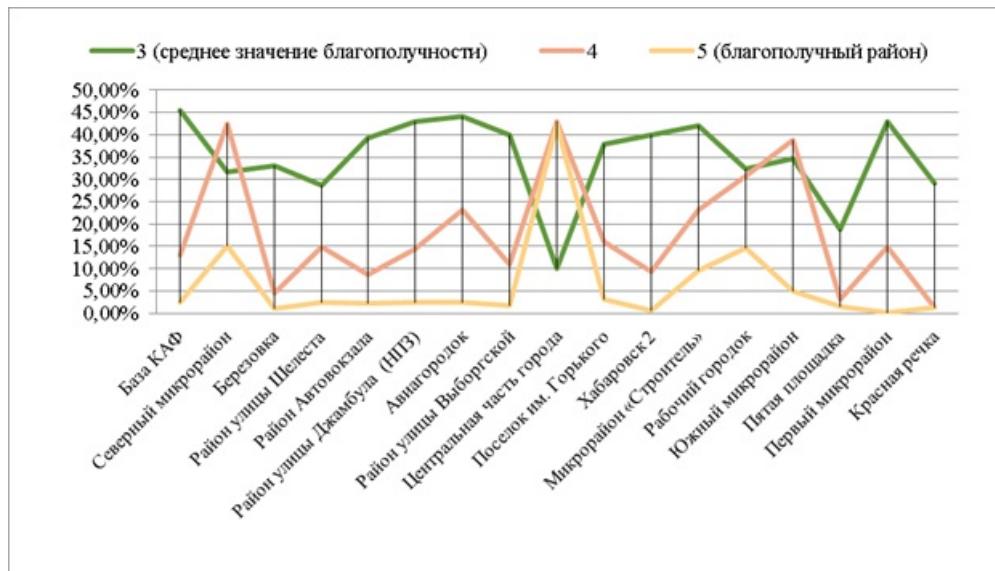
Максимальное число проживающих согласно статистическим данным – в Индустриальном и Железнодорожном районах. Третье место по численности населения занимает Центральный район, четвертое – Краснофлотский. При этом численность отличается несущественно, а плотность населения Центрального превышает плотность населения Краснофлотского района более, чем в 4 раза – в связи со значительной разницей площадей этих внутригородских районов, а также с учетом особенностей исторической концентрации жизни города в его центральной части. Опрос проведен согласно репрезентативной выборке, основанной на статистических данных о количестве проживающих в том или ином районе.

Таким образом, респондентов попросили, исходя из собственных критериев, оценить уровень «благополучности» как вернакулярного района своего проживания, занятости, отдыха, так и других известных им районов Хабаровска (рис. 1).

Рис. 1. Степень «благополучности» городских районов в оценке респондентов

(1 – неблагополучный район, 5 – благополучный район)

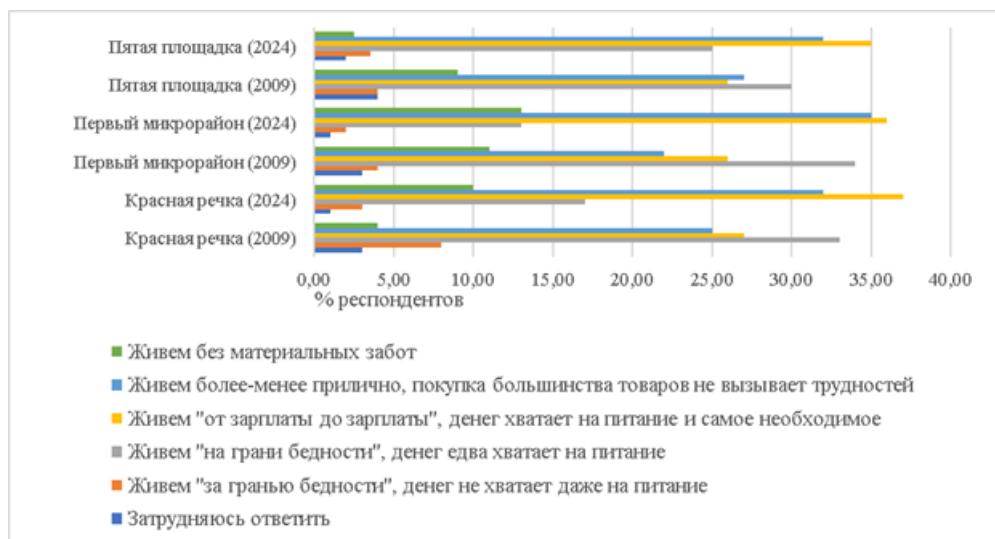

Две наивысшие оценки «благополучности» у более 40 % респондентов получили 3 вернакулярных района – Центральная часть, Северный и Южный микрорайоны. Такое распределение ответов в точности дублирует особенности локализации жителей в городской среде. Таким образом, подтверждается предположение о том, что горожане предпочитают жить, работать и отдыхать в тех районах, которые считают наиболее «благополучными».

«Неблагополучными» жители Хабаровска считают такие вернакулярные районы, как Пятая площадка, Красная речка, Первый микрорайон, Хабаровск-2, район ул. Выборгской, ул. Шелеста. Первые три из перечисленных районов еще в 2009 году исследовали социологи Е. Л. Строкова и К. А. Пузанов. В своем исследовании они предположили, что «социально-экономическое неблагополучие становится характеристикой района, когда в нем концентрируются неблагополучные домохозяйства» [29]. Е.Л. Строковой и К.А. Пузановым районы были проанализированы по уровню доходов семей. Ниже представлены показатели 2009 г., полученные указанными исследователями, и, в сравнение с ними – показатели дохода граждан, полученные нами в 2024 г. (рис. 2).

Рис. 2. Показатели дохода жителей районов Красная речка, Первый микрорайон и Пятая площадка города Хабаровска в 2009 и 2024 гг.

Необходимо отметить, что во всех трех рассматриваемых районах уровень дохода

горожан вырос: уменьшилось количество (в районе Пятая площадка особенно заметно) людей, живущих «за гранью бедности», увеличилось число тех, кто живет «от зарплаты до зарплаты», более-менее прилично и без материальных забот. Но, несмотря на улучшение материального благосостояния большинства жителей, стереотип об общей «неблагополучности» вернакулярных районов Пятая площадка, Красная речка и Первый микрорайон, отмечаемый Е. Л. Строковой и К. А. Пузановым в 2009 г. – сохраняется и на сегодняшний день. 77 %, 39 % и 65 % респондентов соответственно характеризуют рассматриваемые районы как «неблагополучные» и «скорее неблагополучные», что свидетельствует о высоком уровне стигматизации городских пространств в представлении горожан.

Важным вопросом мы обозначаем корреляцию «неблагополучности» вернакулярного района и его маргинализации. Ведет ли процесс маргинализации к «неблагополучности», по мнению горожан? Или прогрессирование «неблагополучности» и является самим процессом маргинализации городских пространств? Как влияет на процесс маргинализации стигматизация вернакулярных районов?

Также важен вопрос о том, какое содержание горожане вкладывают в определение «благополучности» и «неблагополучности» вернакулярных районов. Непосредственное влияние на потребности горожан в определенной среде оказывает состав их семьи. К примеру, семьи, воспитывающие малолетних детей, в определение «благополучия» городской локации включают наличие качественных детских площадок, достаточного количества детских учебных и развлекательных учреждений. Для тех, кто проживает не в нуклеарной семье, только с супругом и детьми, но также с представителями старших поколений – бабушками и дедушками, важно наличие в среде их района таких элементов как пандусы, звуковые светофоры, пешая доступность поликлиники, аптеки, продуктового рынка, парка и пр. Таких семей, согласно опросу, 31,13 %. Те, кто проживает один (таких 20,50 %), в определение «благополучия» городской локации наряду с факторами, приведенными выше, включили важность хороших дорожных покрытий, остановок общественного транспорта, близости торговых центров. Однако, представляется, что их мнения, в большей степени, были обусловлены особенностями личностей и предпочтений самих респондентов, нежели сформировавшимися стереотипами, как в первых двух случаях. Ответы сильно разнятся и, в целом, сложно поддаются систематизации.

Определенно, в оценку «благополучности» вернакулярных районов входит и понятие безопасности, которое прямо пропорционально уровню криминогенности в районе. Уровень криминогенности, по мнению респондентов, выступает одним из важнейших показателей благополучности/неблагополучности территории проживания. Оценить этот уровень в разных вернакулярных, и даже административных районах, достоверно не представляется возможным. Это связано с особым обозначением границ влияния по разным отделам полиции, не совпадающим с известными гражданскими демаркациями городских пространств. При этом, благодаря экспертным опросам 5 сотрудников МВД в июне 2024 г. и предоставленной статистической информации о количестве правонарушений, зарегистрированных в разных отделах полиции Хабаровска, нам удалось составить картину уровней криминогенности с привязкой к отделам полиции.

В качестве критериев оценки выбраны виды правонарушений, в профессиональной полицейской среде называемые «маргинальными» – это ненадлежащее воспитание детей (ст. 5.35 КоАП РФ), правонарушения, связанные с употреблением и распространением наркотиков (ст. 6.8, 6.9, 6.9.1 КоАП РФ), проституция (ст. 6.11 КоАП РФ), мелкое хищение, мелкое хулиганство, пьянство (ст. 7.27, 20.20, 20.21 КоАП РФ).

Количественные данные за период с 2020 года по первую половину 2024 года представлены в таблице 1.

Таблица 1. Уровень криминогенности в городе Хабаровске в период с 2021 г. – до первой половины 2024 г. (количество правонарушений)

№ отдела полиции	Вид правонарушений (статьи КоАП РФ)									
	5.35	6.8	6.9	6.9.1	6.11	7.27	20.1	20.21	20.20	Σ
ОП № 1	281	2	22	4	49	165	598	123	528	1772
ОП № 2	227	1	18	0	36	78	328	49	279	1016
ОП № 3	194	10	3	4	37	80	163	35	247	773
ОП № 4	149	22	35	3	70	118	265	170	1524	2356
ОП № 5	356	3	20	1	14	68	91	10	476	1039
ОП № 6	321	13	42	4	45	163	268	30	1495	2381
ОП № 7	259	4	31	2	17	2	100	27	820	1262
ОП № 8	391	14	34	2	79	29	338	48	667	1602
<p>5.35 – неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних;</p> <p>6.8 – незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества;</p> <p>6.9 – потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ;</p> <p>6.9.1 – уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ;</p> <p>6.11 – занятие проституцией;</p> <p>7.27 – мелкое хищение;</p> <p>20.1 – мелкое хулиганство;</p> <p>20.21 – появление в общественных местах в состоянии опьянения;</p> <p>20.20 – потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах.</p>										

В шести из восьми отделов зафиксировано больше всего случаев пьянства, на втором месте ненадлежащий присмотр за детьми, на третьем месте по числу правонарушений мелкое хулиганство. Наибольшее суммарное число правонарушений зарегистрировано в ОП № 4, 6, 1 и 8. ОП № 4 и 6 лидируют также по числу зарегистрированных случаев потребления алкоголя и наркотиков, ОП № 5 в лидерах по числу случаев недосмотра за детьми.

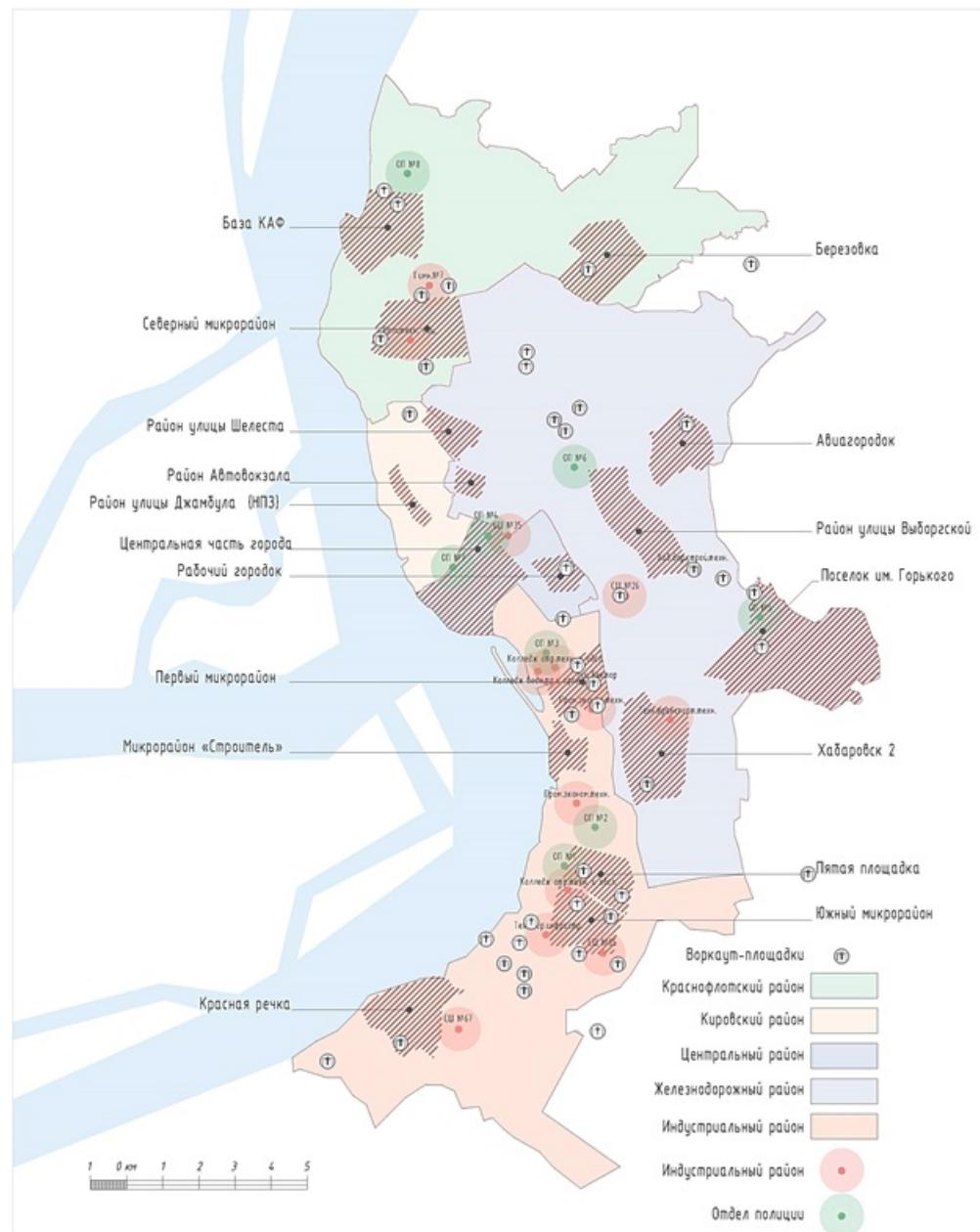
Кроме числа совершенных правонарушений интервьюируемыми была предоставлена

информация о результатах социологических срезов аддикций в учебных учреждениях Хабаровска, согласно оценке показателя «Признаки высокой склонности к развитию зависимого поведения» за 2019-20, 2020-21, 2021-22, 2022-23 учебные годы. Из этого анализа нами выделены учебные заведения, в которых «явный риск вовлечения в зависимое поведение» составил более 10%. Они обозначены на схеме-карте рисунка 3 вместе с отделами полиции.

Обсуждение результатов исследования

На основе проведенного эмпирического исследования была составлена карта-схема города Хабаровска с указанием на ней вернакулярных районов и критериев оценки маргинализации городских районов.

Рис. 3. Карта-схема города Хабаровска с обозначением расположения вернакулярных районов и критериев оценки маргинализации городских районов

Как следует из схемы на рисунке 3, к отделу полиции №1, входящему в тройку лидеров по общему числу «маргинальных» правонарушений, относится вернакулярный район Пятая площадка, характеризуемый горожанами, как неблагополучный. Кроме того, в

в этом районе и близко к нему располагаются 2 техникума и школа, имеющие повышенный уровень аддикций среди учащихся. В этом вернакулярном районе наблюдается прямое соответствие сложившихся стереотипов относительно благополучности района и криминогенностью. В районе пункта полиции №4, где также фиксируется большое число правонарушений, только одна школа с высоким уровнем аддикций. К тому же, и сам Центральный район характеризуется горожанами, как самый благополучный. Отделы полиции №6 и №8, также лидирующие по числу правонарушений, не имеют в своих районах ни одного образовательного учреждения с высоким уровнем аддикций, что позволяет сделать вывод о том, что корреляция числа преступлений, наличие в районах образовательных учреждений с высоким уровнем аддикций среди обучающихся и оценкой «благополучности» районов, скорее, случайна или формирование общественного мнения относительно разных вернакулярных районов не является гибким и динамичным, не учитывает фактическую оценку безопасности в районе на текущий момент.

Потенциал вернакулярного подхода к характеристике городских пространств, при котором границы ментальны и условно обозначаемы большинством горожан, весьма значителен, поскольку обеспечивает возможность корреляции оценки общественного мнения, реальной социальной ситуации в соответствующих городских локациях и маргинализации неблагополучных районов.

Несмотря на позитивные объективные изменения в уровне доходов и благополучия горожан, проживающих в ранее стигматизируемых районах Хабаровска, в оценках общественного мнения данные районы считаются по-прежнему неблагополучными, оставаясь маргинализированными.

Оценки горожанами уровня благополучности/неблагополучности районов города напрямую зависят от их криминогенности (количество совершаемых правонарушений). И наоборот, криминогенность отдельных городских районов обусловлена в определенном смысле их негативными оценками со стороны общественности, что приводит к маргинализации городского пространства.

Практическая значимость изучения маргинализации городских пространств обусловлена необходимостью контроля маргинальных районов в части распространения в них различных социальных девиаций, а также потребностью прогнозирования тенденций маргинализации.

К элементам научной новизны нашего исследования следует отнести выработку авторской дефиниции маргинализации городского пространства и актуализацию проблематики территориальной стигматизации применительно к изучаемому предмету.

Выводы

Предпринятая нами попытка провести корреляцию между процессом маргинализации городского пространства и оценками локаций проживания горожанами показала амбивалентность маргинализации: с одной стороны, она оказывает влияние на оценку, с другой стороны, - оценка зависит от ее проявлений.

Хабаровск, являясь периферийным городом, отражает наиболее характерные тенденции процесса маргинализации городского пространства в условиях Дальнего Востока ввиду усиления, с одной стороны, оттока местного населения в районы центральной России и прироста численности мигрантов из ближнего зарубежья, с другой. Слабо управляемые масштабные миграционные перемещения, вынужденная социальная мобильность

приводят к социальному напряжению и территориальной стигматизации жителей маргинальных районов города.

Обобщая результаты проведенного исследования, используем предложенный выше алгоритм определения маргинализации городского пространства (на примере Хабаровска).

Во-первых, к числу наиболее значимых объективных причин маргинализации городского пространства следует отнести исторический опыт формирования городской территории и сложившуюся криминогенную обстановку в отдельных районах города.

Во-вторых, сущность процесса маргинализации выражается в территориальной стигматизации и социальном исключении проживающих в отдельных городских локациях, что формирует маргинальный (пограничный) образ ряда вернакулярных районов.

В-третьих, осуществление процесса маргинализации непосредственно связано с формированием специфической (негативной) идентичности жителей указанных районов.

В-четвертых, наиболее наглядным последствием маргинализации городского пространства выступает распространение девиантных практик, вплоть до криминальных, что приводит к социальному напряжению и дальнейшей маргинализации соответствующих районов.

Библиография

1. Туркулец С.Е., Листопадова Е.В., Мерецкая Н.А. Маргинализация как форма социальной стигматизации // Миссия конфессий. – 2024. – Т. 13.-№ 3 (76). – С. 91-97.
2. Китаева М.П. Маргинальность как причина психологического отчуждения в цифровом обществе // Актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2023. – Т. 4. № 12. – С. 78-85.
3. Ростокинский А.В., Аккаева Х.А. Рискованное поведение как фактор становления личности подростка // право и управление. – 2022.-№ 11. – С. 177-181.
4. Динов Е.Н. Аккультурация как механизм культурной социализации трудовых мигрантов // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-2.-С. 435-438.
5. Холщевников О.Г. Факторы, влияющие на развитие тревожных состояний // Достижения науки и образования. – 2024.-№ 6 (97).
6. Алексеенко А.Н., Аубакирова Ж.С., Дятлов В.И. Город в проектах нациестроительства: советская автономия в Сибири и суверенный Казахстан // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2022.-№15(2). С. 204-219.
7. Дятлов В.И. Столицы сибирских автономий – миссия нациестроительства (динамика функций, статуса и этнизации городского пространства) // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. – 2024.-№ 2 (3). – С. 8-28.
8. Ихсанов А.У. Кризис национальной культуры и идентичности человека в условиях глобализации // Бюллетень науки и практики.-2023.-Том 9.-№ 3.-С. 484-487.
9. Поломошнов А.Ф., Бахурец А.П. Идентичность и маргинальность в контексте социокультурной транзитивности // Вестник Донского государственного аграрного университета.-2020.-№ 2-2 (36).-С. 21-26.
10. Гатиатуллина Э. Р., Орлов А. Н. Маргинализация как социальный феномен в контексте современных глобализационных процессов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – 2013.-№ 4 (6).-С. 63-68.
11. Сайнаков Н. А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томского государственного университета. – 2013.-№ 375.-С. 97-101.
12. Иванова М. С. Маргинализация и ее динамика в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013.-№ 2(14).-С. 162-169.

13. Зайцев И. В. Маргинальность как предмет социально-философского анализа // Вестник Омского университета. 2002.-№ 2.-С. 53–69.
14. Шебзухова Ф. А., Волкова А. А. Маргинальность как духовная и социальная проблема современного российского общества // Социально-гуманитарные знания. – 2016.-№ 7. С. 32–39.
15. Банникова Л. М. Маргинальность как социально-патологическая форма адаптации населения к меняющимся условиям жизни (к постановке проблемы) // Ползуновский альманах. – 2000.-№ 2.-С. 23.
16. Юрков С. Е. Истоки и формы современного социального маргинализма // Известия Тульского государственного университета. – 2018.-№ 3.-С. 107–116.
17. Преображенский Ю. В. Пространственная маргинализация: подходы и уровни исследования // Вестник ТвГУ. Серия: География и геоэкология. – 2020.-№ 2.-С. 5–12.
18. Вакан Л. Городская маргинальность грядущего тысячелетия // Неприкосновенный запас. – 2010.-№ 2.-С. 70.
19. Казакова А. Ю. Жилищная депривация и территориальная стигма как атрибуты маргинальности. Дисс. ... д-ра социол. наук (22.00.04). – Ставрополь, 2021.
20. Казакова А. Ю. Современные городские трущобы: социальный портрет и образ жизни обитателя // Современные научные исследования. – 2013.-Вып. 1. Концепт.-№ 3.-С. 2531–2535.
21. Казакова А. Ю. Миграционная проницаемость и территориальная стигма городских районов. Итоги повторно-сравнительного исследования микрорайонов Калуги // Современные проблемы управления и регулирования: теория, методология, практика: монография. Пенза: Наука и Просвещение, 2016.-С. 126–159.
22. Казакова А. Ю. Город как пространство рисков: надёжность оценок личной безопасности // Ойкумена. – 2017.-№ 4.-С. 105–123.
23. Новицкая В. В. Маргинальная культура: анализ феномена в социальной структуре городского пространства // Теория и практика общественного развития. – 2017.-№ 12.-С. 65–68.
24. Кемалова Л. И. Влияние маргинальности на обустройство нового общества // Таврійські студії. Історія. – 2012.-№ 2.-С. 43.
25. Wacquant L., Slater T., Pereira, V. B. Territorial Stigmatization in Action // Environment and Planning A: Economy and Space. 2014. Vol. 46(6). P. 1270–1280.
26. Jensen S. Q., Christensen A. D. Territorial stigmatization and local belonging: A study of the Danish neighbourhood Aalborg East // City. Vol. 2012. 16(1–2). P. 74–92.
27. Туркулец С.Е., Туркулец А.В., Гареева И.А., Слесарев А.В. Территориальная стигматизация молодежи (на примере Дальневосточного региона) // Социодинамика. 2019. № 6. С.82-90. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.6.29859 URL: https://e-notabene.ru/pr/article_29859.html
28. Стигматизация и ее проявления в современном обществе: монография /под общей ред. С.Е. Туркулец. – М.: Научный консультант, 2020. – 192 с.
29. Пузанов К. А. Социально-пространственная сегрегация в современном городе: исследование районов Хабаровска // Городской альманах: вып. 4. М.: Фонд «Институт экономики города», 2009.-С. 221–235

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье хорошая и понятная внутренняя структура: имеется введение, методология

исследования, обзор литературы, результаты исследования, обсуждение результатов исследования, выводы.

В статье нет четкого описания предмета исследования.

В статье рекомендуется более четкое изложение научной новизны, хотя содержится довольно большое количество ее элементов. Например, явной научной новизной обладает приводимая в статье дефиниция маргинализации городского пространства, а также анализ территориальной стигматизации.

В методологическом разделе довольно подробно описываются эмпирические методы, но вместо описания теоретических методов просто постулируется: "используются методы научно-теоретического анализа". Таких методов в социологической науке довольно много. Рекомендуется большая степень методологической детализации, тем более, что статья находится на стыке социологии города и урбанистики.

В статье необязательно было указывать годы жизни исследователей, тем более, что не у всех ученых указывается, когда они родились.

Рекомендуется фамилии всех упоминаемых в статье ученых приводить на русском языке, тем более, что некоторые (Л. Вакан) указываются и на русском, и на английском.

Сильной стороной статьи является подробный анализ научной литературы: приводятся все основные подходы и научные школы.

В оформлении статьи используется курсив и жирный шрифт.

Большим плюсом для статьи является большое количество используемых эмпирических данных, использование таблиц, диаграмм, карт - схем и рисунков. Это придает концептуальным аргументам необходимую наглядность.

Поскольку самоочевидно, что Хабаровск – это город, указание на это является плеоназмом.

В статье приводится анализ уровня криминогенности в Хабаровске в контексте выбранных видов правонарушений. Поскольку городская маргинальность – это понятие более широкое, то рекомендуется пояснить, почему анализируется именно уровень криминогенности.

Выводы в статье делаются в более широком ракурсе, чем это показывают приведенные данные социологических исследований: в частности, указывается, что Хабаровск находится в ситуации социокультурного кризиса, вынужденной социальной мобильности, утраты идентичности. Однако маргинальность в той или иной степени присуща любому периферийному городскому пространству. Поэтому требуются более убедительные аргументы в поддержку тезиса, что в Хабаровске действительно происходит социокультурный кризис, вынужденная социальная мобильность, утрата идентичности.

Еще отдельным вопросом является недостаточная коррелируемость маргинализации городского пространства и распространения девиантных практик: могут быть как отдельные маргинальные группы, в целом, в благополучных районах, так и благополучные жители, в целом, маргинального городского пространства.

Библиографический список литературы включает в себя 29 научных источника, как на русском языке, так и на английском. В статье достаточное количество современных источников за 2021 – 2024 годы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование статья «Маргинализация городского пространства (опыт социологического исследования на примере Хабаровска)» посвящена очень

актуальной теме современной России - анализу процесса маргинализации городского пространства. Особая ценность исследования заключается в его прикладном характере, поскольку построено на примере Хабаровска.

Практическая значимость изучения маргинализации городских пространств обусловлена необходимостью контроля маргинальных районов в части распространения в них различных социальных девиаций, а также потребностью прогнозирования тенденций маргинализации.

Методологию исследования составили: научно-теоретического анализ отечественных и зарубежных исследований проблем маргинализации, анкетирование, экспертные интервью, метод вернакулярного районирования.

Автор анализирует феномен маргинализации и феномен маргинализации применительно к городскому пространству, опираясь на отечественных и зарубежных авторов, в том числе: Гатиатулину Э.Р., Орлова А.Н., Сайнакова Н. А., Ивановой М. С., Преображенского Ю.В., Казаковой А.Ю., Л.Ваквана, Т. Слейтера, В. Перейра и др.

Для наиболее полного определения процесса маргинализации городского пространства автор предлагает использовать алгоритм: причины – сущность – осуществление – последствия.

Данный алгоритм позволяет автору дать следующее определение маргинализации городского пространства: «это конкретно-исторический, объективный социокультурный процесс, характерный для трансформационного или аномийного социального состояния, причинами которого выступают конфликт с устоявшимися в обществе нормами, утрата (потеря) идентичности, вынужденная социальная мобильность, суть которого заключается в появлении новых социальных практик, в отчуждении человека от привычной среды и в социальном исключении индивидов, проживающих в определенных локациях, в осуществлении территориальной стигматизации и формировании пограничного образа отдельных локальностей города».

Эмпирическую часть исследования составил экспертный опрос и опрос жителей во всех пяти административных районах Хабаровска.

Результаты исследования представлены в рисунках, таблицах и графиках.

На основе проведенного эмпирического исследования автором была составлена карта-схема города Хабаровска с указанием на ней вернакулярных районов и критерии оценки маргинализации городских районов.

В заключении статьи представлены авторские выводы, среди которых наиболее важен следующий - «амбивалентность маргинализации: с одной стороны, она оказывает влияние на оценку, с другой стороны, - оценка зависит от ее проявлений».

На наш взгляд, вывод важен в организации деятельности региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

Статья структурирована, написана научным языком.

Библиографический список включает 29 источников, что достаточно для освещения заявленной темы.

Рекомендуем статью к публикации после доработки методологии исследования по нашим рекомендациям:

1. Указать критерии отбора экспертов и их число.
2. Указать особенности анкеты для экспертов. Присутствовали ли общие блоки вопросов, в совокупности отражающие предмет исследования, и вариативные, соответствующие специфике исследуемого объекта.
3. Указать, какая формула использовалась для расчёта требуемого объема выборочной совокупности.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья, представленная на рецензирование, посвящена важной и интересной тематике в социологии города, а именно маргинализация городского пространства. Автор в своей работе представил как анализ теоретико-методологических подходов в исследовании данной проблематики, так и результаты эмпирического социологического исследования, что дает представление о статье как целостной научной работе. Автор представляет интегративный подход к рассмотрению предмета своего исследования - маргинализации -, анализируя отечественные и зарубежные исследований по данной проблематике, и справедливо отмечает, что при наличии множества различных подходов к определению маргинальности и маргинализации наблюдается отсутствие устойчивых определений данных понятий. В связи с чем предлагается собственный алгоритм рассмотрения проблемы маргинализации через причины, сущность, осуществление и последствия. Что касается эмпирического исследования, то автор использует три метода: анкетирование, экспертные интервью, метод вернакулярного районирования. Такое сочетание методов с обозначенным методологическим подходом представляется эвристичным.

Следует отметить, и актуальность представленного в работе исследования, поскольку в России, как и во всем мире, наблюдается рост городского населения и городов, что влечет за собой огромное количество социально-экономических проблем, в том числе связанных с маргинализацией. Автор на примере районов города Хабаровска показывает, как происходит их стигматизация жителями по признакам благополучный-неблагополучный, кроме этого приводится анализ правонарушений в городских районах. Далее на основе полученных данных автор формирует карту-схему города Хабаровска с обозначением расположения вернакулярных районов и критериев оценки маргинализации городских районов. Все это в совокупность обеспечивает новизну исследования и его практическую значимость.

Что касается стиля, структуры и содержания представленной работы , то они вполне соответствуют жанру научной статьи и не вызывают нареканий. Библиографический список соответствует содержанию статьи, полон и оформлен в соответствие с требованиями.

В целом, данная научная статья представляет собой полное и оригинальное исследование, представляющее потенциальный интерес как у представителей органов муниципальной власти и местного самоуправления, занимающихся вопросами территориального развития и планирования , так и у органов власти, занимающихся профилактикой социального неблагополучия и преступности. Помимо этого обозначенный и реализованный в статье научный подход к рассмотрению проблематики маргинализации городского пространства дает возможность изучения этой же проблемы в других городах. Резюмируя анализ представленной статьи, отметим, что она соответствует предъявляемым требованиям, используемый в ней научный аппарат и выводы достоверны и не подвергаются сомнению. Отметим, что существенным преимуществом результатов данного исследования является и практикоориентированность. Таким образом, статью можно считать рекомендованной к публикации.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Константинов М.С. Мировоззренческие модели современных россиян (по результатам анкетного опроса 2023 г.) // Социодинамика. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.12.72694 EDN: VQSTYK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72694

Мировоззренческие модели современных россиян (по результатам анкетного опроса 2023 г.)

Константинов Михаил Сергеевич

ORCID: 0000-0003-2781-789X

кандидат политических наук

доцент; кафедра теоретической и прикладной политологии; Институт философии и социально-политических наук; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

✉ konstantinov@sfedu.ru

[Статья из рубрики "Идеология и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2024.12.72694

EDN:

VQSTYK

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2024

Дата публикации:

16-12-2024

Аннотация: В статье представлены некоторые результаты анкетного опроса, проведённого сотрудниками кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета при участии коллег из других образовательных и научных центров в ноябре-декабре 2023 г. по общероссийской репрезентативной выборке (N=1600). Целью исследования стало уточнение, доработка и апробация авторской методологии анализа мировоззренческих моделей общественного сознания современных россиян в поколенческом и региональном измерениях. Объектом исследования выступили процессы формирования мировоззрений в сознании поколений современной России, предметом – мировоззренческие модели россиян в поколенческом и региональном измерениях. В

качестве теоретической базы выступила концепция самокатегоризации Дж. Тёрнера, а также принцип «метаконтракта». В статье представлены результаты самокатегоризации поколений в соответствии с указанным принципом. Базовым методом сбора эмпирических данных стал анкетный опрос в восьми регионах России. Для исследования были выделены четыре основные возрастные когорты: 18–24, 25–39, 40–59 и 60+ лет. Анкетный опрос предварялся серией фокус-групп с целью выявления ключевых характеристик самокатегоризации поколений. Полученные данные обрабатывались средствами корреляционного анализа в программе SPSS. Как было установлено в процессе исследования, в сознании россиян обнаруживаются некоторые мировоззренческие константы, объединяющие все поколения как в их самокатегоризации, так и в противопоставлении другим поколениям, а также в когнитивно-ценностных предпочтениях. Эти же константы проявляются и в противопоставлении собственного поколения другим – более молодому и старшему – поколениям. При этом старшие поколения явно выступают в роли проекции собственных представлений о должном: все возрастные когорты наделяют более старшие поколения превосходными качествами (работоспособность, ответственность, бережливость, терпеливость, чувство долга и др.). Такое однообразие в описании более старших поколений также позволяет скорее говорить о культурных константах мировоззренческих моделей, проецирующихся на образ старшего поколения, чем о реальных поколенческих различиях.

Ключевые слова:

мировоззрение, мировоззренческая модель, массовое сознание, групповое сознание, ценностные константы, идеология, идеологический концепт, поколения России, поколенческий анализ, идентичность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности, проект № FENW-2023-0059, тема «Когнитивно-ценностная структура мировоззренческих моделей современного россиянина: поколенческие и региональные различия»)

Введение

Мировоззрение современных обществ представляет собой крайне любопытный феномен, который, с одной стороны, достаточно наглядно манифестирует себя в неких инвариантных константах, которые затрудняют проведение тех или иных изменений в обществе, в случае если проводимая политика диссонирует этим константам, но с другой стороны демонстрирует впечатляющую лабильность, достаточную для того, чтобы самым причудливым образом сочетаться с различными идеологическими концептами вроде традиционалистского революционизма, породившего феномен консервативной революции в Германии 20–30-х гг. XX в. [см., например: 1, 2]. Соответственно, крайне затейливые перипетии взаимообусловленности мировоззренческой базы и идеологических дериватов не раз становились объектами исследований различных учёных [см., например: 3–13 и др.] Однако данная работа в качестве теоретико-методологической базы использует теорию самокатегоризации исследования мировоззренческих моделей современного российского общества стал принцип «метаконтракта» в теории самокатегоризации [14, 15 и др.] В соответствии с данным принципом категоризация самого себя и своей группы («ингруппы», в терминах Дж. Тёрнера) происходит на основе сравнения со значимыми другими индивидами и

«аутгруппами», и на основании выявленных контрастов происходит рефлексия самого себя и своей социальной группы. Соответственно, выявление представлений индивидов о себе и наиболее значимых для них социальных группах производится на основании принципа «метаконтраста» – выявления представлений индивида о самом себе, своей «ингруппе» и «аутгруппах» с целью определения тех характеристик, которыми индивид наделяет самого себя и свою группу. На этой концептуальной базе было подготовлено социологическое исследование, основные результаты которого изложены ниже. Объектом исследования выступили четыре основных поколения современной России, а в качестве предмета – мировоззренческие модели этих поколений.

Материалы и методы

Социологическое обследование мировоззрения россиян проводилось в ноябре-декабре 2023 г. сотрудниками кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета при участии коллег из Финансового университета при правительстве РФ, из Рязанской областной универсальной научной библиотеки им. Горького, а также из Луганского государственного университета им. В. Даля.

Поскольку в соответствии с целями проекта в качестве генеральной совокупности было принято всё российское общество [согласно данным Росстата на 01.01.2023 г. всё население России составило 146 447 424 человек. См.: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>], репрезентативную выборочную совокупность составили 1600 респондентов, что при доверительной вероятности в 95 % составляет погрешность в 2,45 %. В соответствии с задачами исследования, выборка проектировалась вероятностной и стратифицированной. Стратификация выборки предполагалась по двум критериям: возрастному и региональному (по месту проживания). В соответствии с этими критериями были опрошены четыре возрастные когорты по 400 респондентов в каждой, распределённых пропорционально на восемь российских регионов (по 200 респондентов в каждом).

Для исследования были выделены следующие возрастные когорты, соотносящиеся с четырьмя ключевыми поколениями современной России:

- 18–24 лет («поколение Z», «зумеры», «айдженеры» [см., например: 16 и др.] – родившиеся в «нулевых» годах XXI в.);
- 25–39 лет («поколение Y», «последерестроенное» [см., например: 17 и др.], «миллениалы» [см., например: 18, 19 и др.] – рождённые с 1984 г. до конца 90-х гг. XX в.);
- 40–59 лет («поколение X», «перестроенное» [см., например: 17 и др.] – родившиеся со второй половины 60-х и до середины 80-х гг. XX в.);
- 60 лет и старше («поколение "беби-бумеров"», «застоя» [см., например: 16 и др.] – родившиеся с середины 40-х до середины 60-х гг. XX в.).

Географию опроса составили следующие регионы:

- Владивосток и Приморский край;
- Екатеринбург и Свердловская область;
- Казань и Республика Татарстан;

- Луганск и Луганская область (ЛНР);
- Москва и Московская область;
- Новосибирск и Новосибирская область;
- Ростов-на-Дону и Ростовская область;
- Рязань и Рязанская область.

В половине регионов (Московская область, Ростовская область, Луганская область (ЛНР), Рязанская область) опрос проводился интервьюерами в поле, но с частичным использованием конструктора анкет сервиса онлайн-опросов «Анкетолог» [см.: <https://anketolog.ru/>] (оставшуюся часть составили распечатанные анкеты); в половине (Новосибирская область, Приморский край, Свердловская область, Республика Татарстан) использовалась панель респондентов сервиса «Анкетолог».

Полученные результаты обрабатывались в программе SPSS.

Результаты

Анализ сопряжений позволяет выявить достаточно чёткую структуру связей мировоззренческих моделей россиян. В соответствии принципом метаконтраста, в анкету опроса была заложена матрица из 34-х ответных позиций, которая составила основу для трёх вопросов, - характеристики собственного поколения; - характеристики более молодого поколения и - характеристики более старшего поколения. Респондентам предлагалось выбрать 5 ключевых характеристик поколения, с которым они себя идентифицируют, из 34 предложенных. Полученные результаты уже позволяют произвести соответствующую типологизацию мировоззренческих моделей, поскольку во взглядах респондентов обнаружились необходимые различия (см. рис. 1).

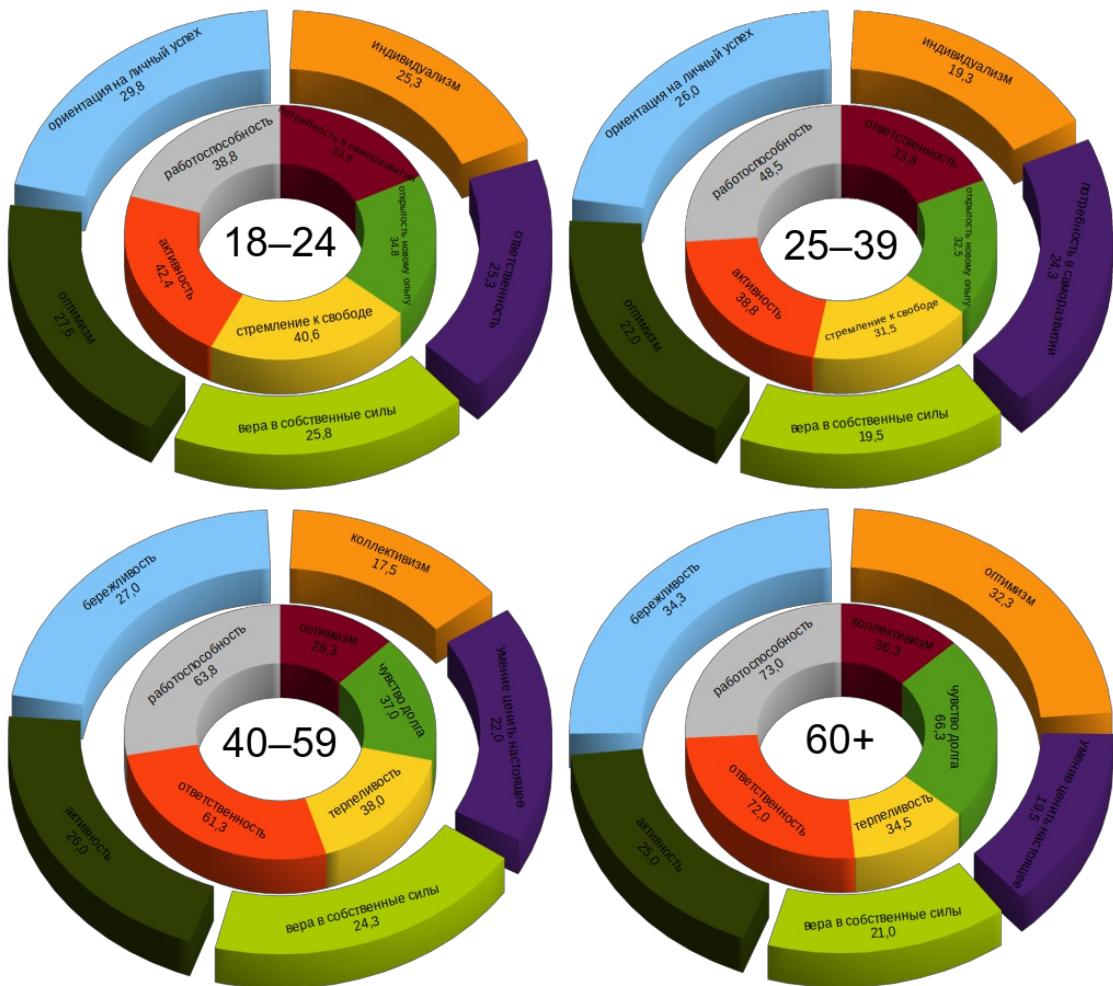

Рисунок 1. Структура самокатегоризации поколений в сравнении (значения приведены в процентах)

На рисунке 1 приведено сопоставление специфики самокатегоризации поколений («ингрупп» [12]) в исследованных возрастных когортах. При анализе структуры мировоззрения поколений образцом выступал морфологический анализ идеологий, предложенный М. Фриденом [см., например: 20], в соответствии с которым в идеологиях выделяется ядро, окружённое смежным поясом концептов, который в свою очередь окружён периферийными концептами. При этом самым важным в этой схеме является взаимная деконTESTация концептов – «подстройка» их смысловых значений друг к другу с целью достижения логической связности. Основные элементы этой схемы (ядро и смежный пояс; периферийные концепты для экономии места пришлось опустить) реализованы на диаграмме на рис. 1. Но в отличие от М. Фридена, полагавшего, что ядро идеологии составляет один-два наиболее значимых концепта, вокруг которых выстраивается вся идеологическая структура, в данном подходе отражён выбор респондентами пяти наиболее значимых характеристик собственного поколения, поколения более молодого и более старшего. Соответственно, смежный пояс также составили пять концептов, которые менее значимы в структуре категоризации поколений.

Итак, мы видим, что ядро представлений молодёжи возраста от 18 до 24 лет о собственном поколении составили 5 ключевых характеристик: на первое место они поставили активность (42,4 %), затем стремление к свободе (40,6 %), работоспособность (38,8 %), открытость новому опыту (34,8 %), а также потребность в саморазвитии (33,6 %). В смежном пояссе оказались самохарактеристики тоже с достаточно высокими показателями: ориентация на личный успех (29,8 %), оптимизм (27,6 %), вера в

собственные силы (25,8 %), ответственность (25,3 %) и индивидуализм (25,3 %). Однако по мере взросления происходит очень интересная вещь: ещё относительно молодые люди 25–39 лет в основных моментах сохраняют структуру мировоззренческого ядра, хотя и с некоторыми сдвигами в ценностной значимости выбранных характеристик (на первое место выдвигается работоспособность (48,5 %); активность с первого места смещается на второе со значением 38,8 %; стремление к свободе со второго места переходит на четвёртое (31,5 %); третье место занимает ответственность, которая со значением 33,8 % из смежного пояса переходит в ядро, заменив потребность в саморазвитии, характерную для возрастной когорты 18–24; наконец, на пятое место с четвёртого переходит открытость новому опыту со значением 32,5 %). Никаких других значимых сдвигов в мировоззренческой структуре между поколениями 18–24 и 25–39 ещё нет, за исключением отмеченного обмена ответственности и потребности в саморазвитии между ядром и смежным поясом: во всех остальных мировоззренческих концептах смежный пояс поколения 25–39 повторяет структуру мировоззрения поколения 18–24.

Но этот сдвиг, обмен ценностной значимостью между тягой к экспериментаторству, открытостью к новому опыту и т. д. в пользу ответственности представляет собой весьма значимое начало, которое производит ценностный сдвиг во всей структуре мировоззрения по мере взросления: вместе с ответственностью, которая в мировоззренческом ядре поколения 40–59 занимает уже второе место со значением 61,3 % сразу после работоспособности (63,8 %), придут терпеливость (третье место со значением 38,0 %) и чувство долга, которое со значением в 37,0 % занимает пока ещё четвёртое место (но у поколения 60 лет и старше выйдет уже на третье место). На пятом месте оказывается оптимизм (28,3 %), который, безусловно, является обратной стороной терпеливости и чувства долга. Существенные изменения происходят и в смежном поясе мировоззрения поколения 40–59: ориентацию на личный успех, характерную для более молодых поколений, сменяет бережливость (27,0 %); оптимизм, перешедший в ядро, – активность (26,0 %); потребность в саморазвитии, коррозия которой началась уже у поколения 25–39, заменяется на умение ценить настоящее (22,0 %), а индивидуализм – коллективизмом (17,5 %).

Отмеченные ценностные сдвиги усиливаются у поколения 60+: из его мировоззренческого ядра исчезает оптимизм, а ему на смену приходит коллективизм (36,3 %), проникший в смежный пояс мировоззрения ещё у поколения 40–59, хотя коллективизм занимает лишь четвёртое место (перед терпеливостью – 34,5 %), уступая два первых места тем же концептам, которые и у поколения 40–59 занимали первые места (работоспособность – 73,0 % и ответственность – 72,0 %), а также чувству долга (66,3 %), которое вышло на третье место в ядре, потеснив терпеливость. В смежном поясе также происходит только одна замена: из ядра мировоззрения 40–59-летних в смежный пояс переходит оптимизм, на место перешедшему в ядро у 60+-летних коллективизму, и теперь структура смежного пояса включает следующие концепты: бережливость (34,3 %), оптимизм (32,3 %), активность (25,0 %), вера в собственные силы (21,0 %) и умение ценить настоящее (19,5 %).

То есть, мы наблюдаем постепенное уменьшение значимости ценностей свободы, саморазвития, открытости к экспериментам и новому опыту, которые начинают вытесняться категориями ответственности и связанными с ней чувством долга, терпеливости, бережливости и умением ценить настоящее. Этот процесс начинается в достаточно молодом возрасте и набирает силу по мере всё большей интеграции в общество, обрастием социальных связей, создания семьи, получения постоянного

места работы и т. д. Это скорее возрастные характеристики, чем поколенческие (хотя в данном случае одно не исключает другое, но окончательный ответ на этот вопрос можно будет дать только после анализа соответствующих мировоззренческих ценностей). Но что обращает на себя внимание уже сейчас, это достаточно высокая значимость индивидуализма и ориентации на личный успех в среде молодых (18–24 и 25–39), которые сочетаются с оптимизмом, активностью и верой в собственные силы и которые полностью заменяются на противоположные мировоззренческие ценности коллективизма и бережливости, которые оказываются в том же концептуальном окружении, но на противоположном мировоззренческом полюсе в отношении ценностей сообщества. Подобный сдвиг возрастом уже не объяснишь, здесь скорее культурные особенности (но тогда эти ценности в той или иной мере были характерны для всех поколений), либо, что более вероятно, именно поколенческие, а не возрастные или культурные.

Если же за описанной возрастной мировоззренческой динамикой попытаться увидеть некие константы, то мы сразу обнаруживаем таковых два: в ядре концепт работоспособности, высоко ценимый всеми поколениями (видимо, это следует отнести на счёт культурных особенностей населения России, поскольку по мере взросления поколений изначальная высокая значимость данного концепта лишь усиливается с возрастом – от «стартового» значения в 38,8 % до 73,0 % у поколения 60+ и 56,0 % в среднем по выборке), а в смежном поясе – вера в собственные силы, значимость которого колеблется у всех поколений в районе 20–25 % (в среднем по выборке – 22,6 %). Видимо, эти два концепта представляют собой культурные доминанты, структурирующие саморепрезентации всего российского общества.

Кроме того, можно увидеть, что основной межпоколенческий раскол пролегает между двумя младшими (18–24 и 25–39) и двумя старшими (40–59 и 60+) поколениями: в ценностно-мировоззренческом плане молодые поколения гораздо ближе друг к другу, чем к любому из старших; то же можно сказать и о старших поколениях. Объяснить это можно тем, что социализация молодых поколений пришлась на период перемен в нашей стране, в то время как старшие поколения социализировались в СССР, система воспитания которого транслировала иные ценности, по сравнению с системой воспитания новой России.

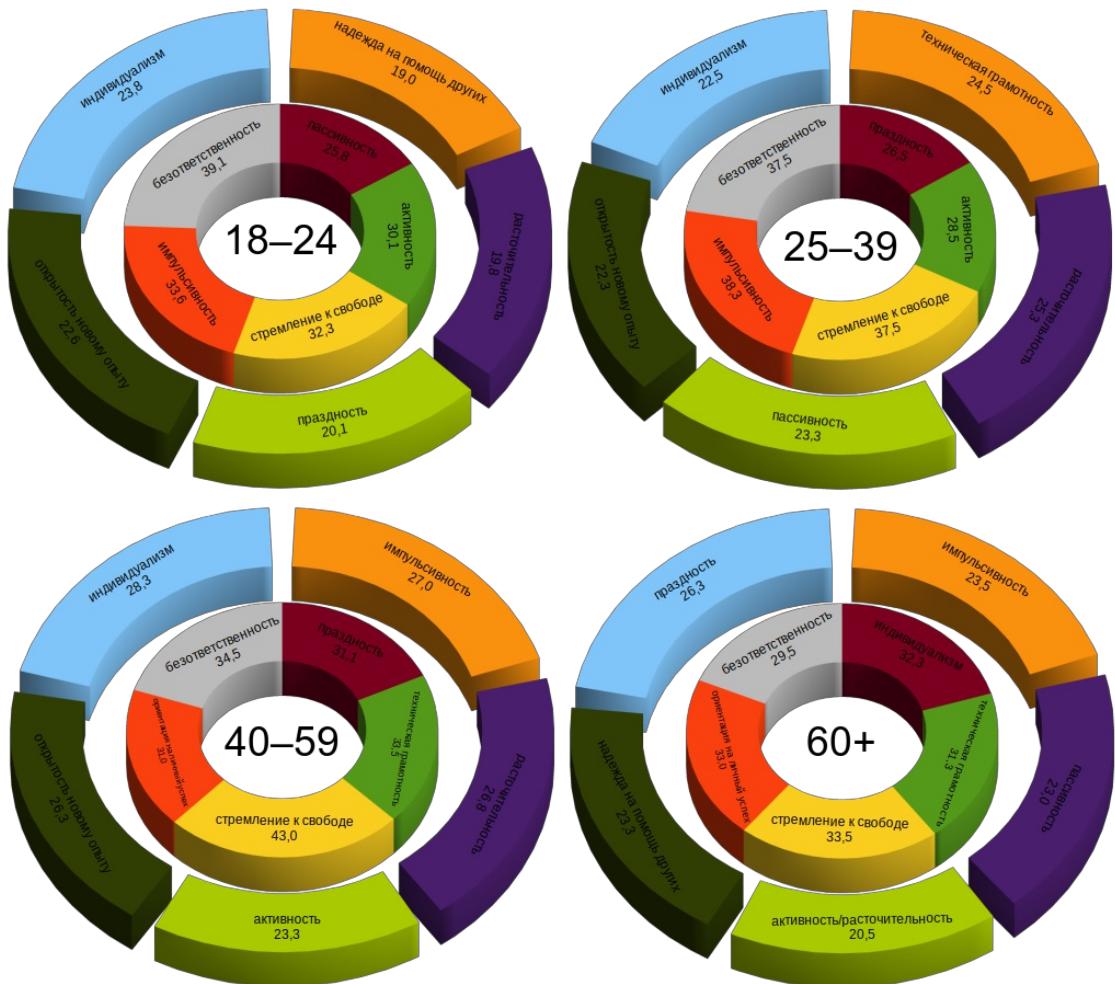

Рисунок 2. Структура категоризации более молодого поколения в сравнении (значения приведены в процентах)

В отношении к молодому поколению (ответ на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали более молодое (по отношению к Вашему) поколение в современной России?») мы также наблюдаем весьма любопытное преломление ценностей (см. Рис. 2) и возрастную ценностную динамику. Прежде всего, в глаза бросается достаточно снобистское в поколенческом аспекте отношение молодёжи (когорт 18-24 и 25-39) к более молодым людям. Так, в ядро представлений о более молодом поколении в возрастной когорте 18-24 входят безответственность (39,1 %) и импульсивность (33,6 %). Такое «старческое ворчание» не может не удивлять, поскольку вообразить, что 18-летний человек действительно и всерьёз осуждает безответственность и импульсивность 16-летних (или ещё более юных), достаточно трудно. Навряд ли молодые люди в этом возрасте живут представлениями о необходимости быть ответственным и терпеливым, параллельно осуждая отсутствие таких качеств у более молодого поколения. Напротив, здесь можно предположить (в соответствии с теорией самокатегоризации Дж. Тёрнера [\[14\]](#)), что ментальное пространство представлений о собственном поколении («ингруппа», в терминологии Дж. Тёрнера) формируется, в том числе, посредством сравнения самих себя с *alter ego* – с более старшими (в качестве репрезентативной структуры *должного*) и более младшими (в качестве проекции представлений об «ошибках прошлого», о «неразумной юности», о том, как, возможно, было когда-то и с кем-то из знакомых, но быть не должно). Если эта гипотеза верна, то на следующем шаге нашего анализа – в исследовании структуры представлений о более старших поколениях – мы увидим проекцию *должного* на старших (кстати, сам этот факт, если он подтвердится, может говорить о сохранении в российском обществе традиционалистскихrudиментов,

связывающих образы дўлжного со старшими поколениями; в обществах, утративших традиционалистский фундамент, старшие поколения уже не выступают в качестве образцов для формирования представлений о дўлжном, даже наоборот, в подобных обществах (США, Канада, некоторые страны Европы) имеет место своеобразный эйджизм, наделяющий особой ценностью молодость; старшие поколения в подобных обществах также стремятся выглядеть более молодо, соответственно, полюса формирования дўлжного меняются: молодые и успешные начинают диктовать свои представления о жизни в качестве образцов для подражания – молодящийся дедушка в подобных обществах более типичен, чем ворчащий по-стариковски о «разнудзданной и безответственной молодёжи» 18-летний юноша).

В таком контексте отношение к более молодым зеркалирует собственные представления о своих «ошибках молодости», о том, от чего удалось избавиться (кстати, подобная установка характерна для более молодых людей [см., например: 21]; с возрастом критичность в этом отношении сглаживается). И здесь крайне показательно, что антиценность безответственности входит в ядро представлений о более молодых поколениях во всех возрастных когортах – все они считают более молодых безответственными. Таким образом, антиценность безответственности культурно «зеркалирует» культурные ценности работоспособности и (в значительной степени) ответственности. Что скорее всего также говорит не о поколенческих различиях, но скорее об общекультурных константах.

Антиценность импульсивности входит в ядро представлений двух более молодых когорт (18–24 и 25–39), вытесняясь у более старших (40–59 и 60+) ориентацией на личный успех. И это также весьма симптоматичный момент: как мы видели выше, для молодых людей от 18 до 39 лет ориентация на личный успех не является антиценностью, напротив, они собственное поколение характеризуют при помощи этой ценности (хотя и в смежном поясе, а не в ядре). И здесь мы явно видим поколенческий, а не только культурный раскол.

Не менее интересно наличие стремления к свободе в ядре представлений о более молодом поколении всех возрастных когорт. Здесь, судя по всему, при сохранении самой ценности, по мере взросления меняется её полюс: как было установлено выше, данная ценность входит в ядро самокатегоризации двух возрастных когорт – 18–24 и 25–39; более старшие же поколения не включали данную ценность даже в смежный пояс самокатегоризации. На этом основании можно предположить, что проекция стремления к свободе со стороны молодых людей (от 18 до 39 лет) на более молодое поколение выступает в роли объединяющей ценности, в отличие от антиценностей безответственности и импульсивности, на основании которых молодёжь противопоставляет себя более молодым поколениям. Для старших же поколений ценность стремления к свободе по мере взросления утрачивает позитивную окраску, деконструируясь в окружении индивидуализма и ориентации на личный успех. Похожая ситуация и с индивидуализмом, который для поколений Z и Y, судя по всему, имеет вполне положительные коннотации, в то время как для более старших поколений начинает оцениваться всё более негативно, смещаясь из смежного пояса у поколения X в ядро у поколения «беби-бумеров». Окончательно эту гипотезу можно будет подтвердить или опровергнуть ниже, по результатам анализа отношения к старшим поколениям, а также наличия или отсутствия корреляций с другими мировоззренческими ценностями. Здесь же пока отметим ещё один момент: в ядро представлений возрастной когорты 18–24 о более молодом поколении одновременно входят и активность (30,1 %), и пассивность (25,8 %), в то время как у более старшей группы молодёжи – 25–39 –

пассивность уходит из ядра в смежный пояс, вытесняясь праздностью. Здесь можно увидеть начала того тренда, который в качестве гипотезы приводился выше: формирование концептуального каркаса, деконтекстуализирующего стремление к свободе в контексте мировоззренческих концептов праздности, индивидуализма и ориентации на личный успех.

Теперь сравним эту критическую проекцию с репрезентацией представлений о должном в связи с более старшим поколением (ответ на вопрос в анкете: «Как бы Вы охарактеризовали более старшее (по отношению к Вашему) поколение в современной России?»).

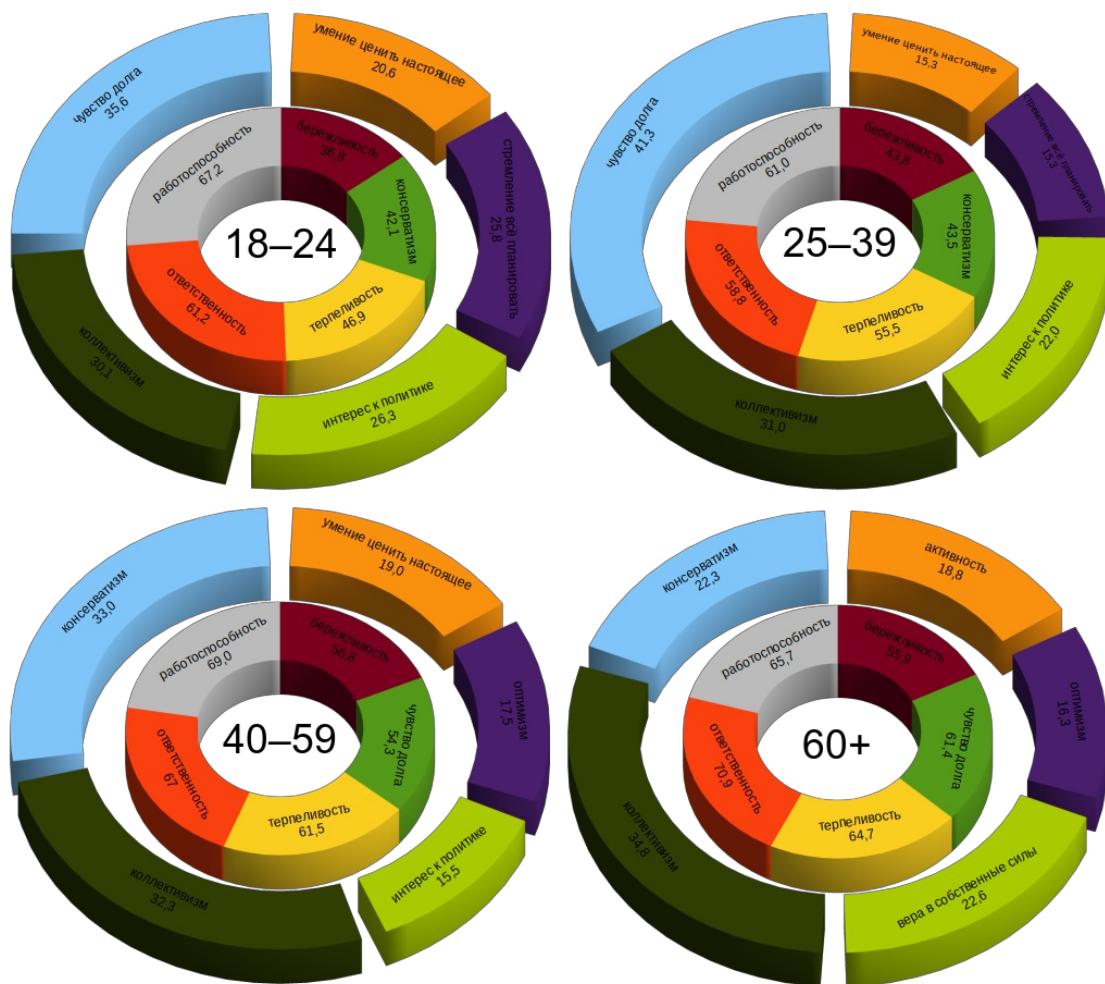

Рисунок 3. Структура категоризации более старшего поколения в сравнении (значения приведены в процентах)

Здесь (см. Рис. 3) обращает на себя внимание факт удивительного единообразия представлений о старшем поколении: четыре из пяти характеристик в ядре (работоспособность, ответственность, терпеливость и бережливость) воспроизводятся во всех возрастных когортах; расхождения касаются только пятой характеристики: то, что молодыми людьми (от 18 до 39 лет) воспринимается как консерватизм, более старшие связывают с чувством долга. Не менее интересны также сходства в смежном пояссе: все четыре возрастные когорты видят в старшем поколении коллективизм, три из четырёх поколений (Х, Y и Z) – умение ценить настоящее и интерес к политике; молодёжь (18–24 и 25–39) отмечают стремление всё планировать, а старшие (40–59 и 60+) – оптимизм.

Удивителен сам факт воспроизведения некоего набора характеристик относительно более молодых и более старших поколений, который воспроизводится несмотря на

возрастные различия, что не может не наводить на мысль о том, что этот набор характеристик – не объективно присущие этим поколениям качества, но некоторая проекция собственного культурно обусловленного представления о должном. Разве может поколение, скажем, нынешних 40–59-летних, быть одновременно безответственным, индивидуалистичным, ориентирующимся на личный успех, праздным, импульсивным и т. д. (как оно характеризуется представителями возрастной когорты 60+), и при этом работоспособным, бережливым, ответственным, терпеливым, консервативным и т. д. (как оно характеризуется представителями возрастной когорты 25–39 лет)? Разумеется, нет. Именно об этом и говорит теория самокатегоризации через значимых других: представления о других группах являются проекцией собственных представлений о должном, в результате чего формируется (конструируется) представления о собственном поколении («ингруппе», в терминах Дж. Тёрнера).

Заключение

Как было установлено в процессе исследования, в сознании россиян обнаруживаются некоторые культурные константы, объединяющие все поколения как в их самокатегоризации, так и в противопоставлении другим поколениям, а также в когнитивно-ценностных предпочтениях. Так, работоспособность и вера в собственные силы как характеристики собственного поколения выделили представители всех исследованных возрастных когорт, что позволяет говорить о культурных инвариантах, а не поколенческих различиях. Эти же константы проявляются и в негативном смысле – в противопоставлении своего поколения более молодому, которому приписываются качества безответственности и импульсивности всеми возрастными когортами, включая даже самых молодых (18–24). При этом стремление к свободе как характерную для более молодых поколений также отметили представители всех возрастных когорт, но смысл, который вкладывается в это понятие, явно отличается у разных когорт: более молодые явно вкладывают позитивный смысл, в то время как более старшие сочетают концепт стремления к свободе с индивидуализмом, импульсивностью и др. антиценностями.

Старшие поколения, напротив, явно выступают в роли проекции собственных представлений о должном: все возрастные когорты наделяют более старшие поколения такими качествами, как работоспособность, ответственность, бережливость, терпеливость, чувство долга и консерватизм. Такое однообразие в описании более старших поколений также позволяет скорее говорить о культурных константах, проецирующихся на образ старшего поколения, чем о реальных поколенческих различиях. Тем не менее, таковые различия (а в некоторых вопросах даже расколы) тоже имеются, манифестируя существующие поколенческие различия.

Библиография

1. Молер А. Консервативная революция в Германии 1918–1932. Москва: Тотенбург, 2017. 312 с.
2. Руткевич А.М. Консерваторы XX века. Москва: Изд-во РУДН, 2006. 180 с.
3. Дробышева Т.В., Войтенко М.Ю., Дробышева М.М. Образ своего поколения в представлениях разных групп россиян (на примере поколений «беби-бумеров», «Х» и «Миллениум») // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. Т. 1, № 3(51). С. 220–230.
4. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 71–85.

5. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Комплексное исследование коллективных переживаний социальных проблем: количественные и качественно-количественные методы // Социальная психология и общества. 2018. Т. 9, № 3. С. 166–175.
6. Емельянова Т.П., Мишарина А.В. Различия в коллективной памяти поколений: социально-психологический подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, № 4(32). С. 334–340.
7. Нестик Т.А. Социальная психология времени. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2014. 496 с.
8. Нестик Т.А. Дробышева Т.В., Емельянова Т.П. Писаренко П.Ю. Коллективная память и образ будущего: межпоколенческие различия // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2018. С. 783–790.
9. Поцелуев С.П., Константинов М.С., Лукичёв П.Н., Внукова Л.Б., Николаев И.В., Тупаев А.В. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодёжи Ростовской области. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 432 с.
10. Константинов М.С., Поцелуев С.П., Подшибякина Т.А., Лукичёв П.Н., Внукова Л.Б. Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов : монография. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. 282 с.
11. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations. 2nd ed. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 2001. 596 p.
12. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival. New York & London: McGraw-Hill Companies, Inc., 2010. 561 p.
13. Schwartz S.H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Zanna M. (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology. Volume 25. New York: Academic Press, 1992. P. 1–65.
14. Тёрнер Д. Социальное влияние. Москва: Питер, 2003. 256 с.
15. McGarty C., Penny R.E.C. Categorization, Accentuation and Social Judgement // British Journal of Social Psychology. 1988. Vol. 22. P. 147–157.
16. Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. Москва: Рипол Классик, 2019. 464 с.
17. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2006. Москва: Новое издательство, 2006. С. 33–44.
18. Твенге Д. Поколение селфи. Кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык. Москва: Бомбара, 2018. 336 с.
19. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 221 с.
20. Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press, 2006. 592 p.
21. Эриксон Э. Детство и общество. Москва: Летний сад, Речь, Университетская книга, 2000. 416 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Научная статья "Мировоззренческие модели современных россиян (по результатам анкетного опроса 2023 г.)" представляет собой изложение результатов довольно большого сложного прикладного социологического исследования, предметом которого является мировоззрение различных поколений российского общества. Авторы предприняли успешную попытку рассмотрения данного феномена через призму теории самокатегоризации, согласно которой категоризация самого себя и своей группы происходит на основе сравнения со значимыми другими индивидами и так называемыми «аутгруппами», и на основании выявленных контрастов между ними происходит рефлексия самого себя и своей социальной группы. Данное явление в обозначенной теории получило название принципа «метаконтрата». Следует отметить, что в целом изучение мировоззренческих основ российского общества является значимой и актуальной задачей, в связи с теми социально-политическими процессами которые происходят как в мире, так и в нашей стране, которая стремится сегодня занять место одного из центров многополярного мирового порядка, обеспечить себе неприкосновенность суверенитета и возможность развития по своему собственному цивилизационному сценарию И, конечно, путь к этой целей невозможен без знания того, какие ценности лежат в основе мировоззренческих моделей поколений россиян. В исследовании заявлена широкая эмпирическая база, вполне отвечающая требованиям репрезентативности для количественных исследований, в данном конкретном случае, для массового опроса. Подход к формированию выборки выбранный метод исследования обеспечили новизну результатов и выводов, представленных в статье. Авторы, рассматривая и сравнивая значимые ценности в структуре мировоззренческих моделей четырех поколений, приходят к выводу о том, что в сознании россиян присутствуют константы, которые объединяют все поколения как в их самокатегоризации, так и в противопоставлении другим поколениям. Кроме того, авторы делают вывод о том, что "представления о других группах являются проекцией собственных представлений о должном, в результате чего формируется (конструируется) представления о собственном поколении", что объясняет выявленный в исследовании феномен, когда одни и те же ценности используются респондентами как характеристики собственного поколения и одновременно в противопоставлении своего поколения более молодому. По своему содержанию и структуре статья выдержана и полностью соответствует жанру научной. Однако стиль изложения материала требует доработки и внимательной вычитки. Например, в начале текст есть предложение: " Однако данная работа в качестве теоретико-методологической базы использует теорию самокатегоризации исследования мировоззренческих моделей современного российского общества стал принцип «метаконтрата» в теории самокатегоризации", смысл которого понятен, однако требует стилистической корректировки. Подобные моменты встречаются в тексте. Что касается библиографии, то в целом количество присутствующих в нем наименований источников представляется достаточным. В целом статья производит благоприятное впечатление, ее выводы и содержание могут представлять интерес для специалистов в области воспитательных, просветительских, образовательных технологий, а также управленцев в области коммуникаций и формирования государственно-гражданской идентичности. Статья требует небольших доработок по стилю изложения, после чего может быть рекомендована к публикации.

Социодинамика*Правильная ссылка на статью:*

Саютина И.П., Черепанова М.И. Демографическая безопасность Алтайского края: результаты статистического анализа // Социодинамика. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.12.72519 EDN: XDJCME URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72519

**Демографическая безопасность Алтайского края:
результаты статистического анализа****Саютина Ирина Петровна**

ORCID: 0009-0005-6802-2307

аспирант; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет
Начальник управления; Управление социальной защиты населения по Шелаболихинскому району

659050, Россия, Алтайский край, село Шелаболиха, ул. Пушкина, 22

✉ irinasauti@rambler.ru**Черепанова Мария Ивановна**

ORCID: 0000-0001-8892-837X

доктор социологических наук

профессор; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

659002, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ленина, 105, кв. 26

✉ cher_67@mail.ruСтатья из рубрики "Демография и статистика"**DOI:**

10.25136/2409-7144.2024.12.72519

EDN:

XDJCME

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2024

Дата публикации:

19-12-2024

Аннотация: Объектом исследования является демографическая безопасность российского приграничного региона. В статье представлены краткие результаты статистического исследования, проведенного в Алтайском крае, типичном дотационном

регионе российского общества. Предметом исследования явились социальные механизмы депопуляционных тенденций человеческого капитала, а именно уровень рождаемости, смертности и особенности миграционной убыли населения края. Исследование проводилось на территории Алтайского края, являющегося приграничным регионом и испытывающего значительное влияние комплексных факторов на свою демографическую ситуацию. Результаты исследования могут быть использованы для выработки эффективных мер по стимулированию рождаемости и снижению смертности населения, а так же для разработки и реализации направлений улучшения демографической ситуации в крае и в других регионах России с аналогичными проблемами.

Методология исследования основана на мультидисциплинарном комплексном анализе, включила структурно-функциональный, демографический подходы в совокупности с вторичным статистическим анализом основных воспроизводственных показателей жизнедеятельности населения региона. Новизна исследования заключается в описании территориальной специфики негативных тенденций одного из приграничных регионов страны в теоретическом сопоставлении с общероссийскими и мировыми трендами. Описаны региональные тенденции снижения рождаемости, флюктуации уровня смертности, особенности и причины процессов миграционной убыли населения Алтайского края. Сделаны выводы о том, что демографическая безопасность – это главный фактор устойчивого развития общества и государства. Современная региональная и общероссийская социальная политика должна быть направлена не только на анализ рисков, связанных с демографическими изменениями, но и минимизацию их негативных последствий. Тенденции в сфере рождаемости, смертности, миграции населения Алтайского края свидетельствуют об его ускоренной депопуляции. Необходимы своевременные инновационные научно обоснованные подходы по формированию интегрированной политики, направленной на укрепление демографической безопасности российского региона.

Ключевые слова:

воспроизводственные механизмы, демография, демографическая безопасность, рождаемость, смертность, здоровье, здоровье нации, социальное благополучие, приграничные территории, человеческий капитал

Введение

Социальная значимость и своевременность научного дискурса исследования депопуляционных тенденций обусловлена увеличением темпов сокращения российского населения, особенно приграничных регионов, составляющих более 70 % территории страны. Естественная убыль населения, а также интенсивный миграционный отток из приграничных территорий страны в ее европейскую часть, позволяет говорить об «обнулении» российских регионов.

На 1 января 2024 года, по данным Росстата, Россия имела постоянное население в размере 146,2 миллиона человек. Это численность уменьшилась по сравнению с рекордно высоким показателем в почти 148,6 миллиона человек, зафиксированным в начале 1993 года. Именно в 1993 году, впервые после Второй мировой войны, было отмечено снижение численности населения, после чего начиная с 1994 года наблюдалось ее стабильное уменьшение, достигшее 142,7 миллионов к началу 2009 года [11]. Следующий за ним период замедленного роста населения только временно прервал

перманентную тенденцию к снижению численности жителей, в связи с чем демографические проблемы переместились из области периферийных вопросов в центр политических обсуждений [\[2\]](#).

В 2006 году в своем обращении к Федеральному собранию, Президент Российской Федерации поднял вопрос о демографических вызовах, описывая их как критические и указывая на демографическую проблему как на наиболее значительную для страны на тот момент [\[3\]](#). В ответ на этот призыв, в октябре 2007 года, был одобрен план действий с целью улучшения демографической ситуации, изложенный в Концепции демографической политики до 2025 года. Среди инициатив, призванных мотивировать население к деторождению, можно отметить введение материнского капитала. Начиная с 2007 года, это стало значительным стимулом для многих молодых семей. Между 2009 и 2017 годами, было зафиксировано устойчивое увеличение населения России, которое выросло на 1,8 миллиона человек, достигнув 144,5 миллионов к началу 2018 года, что представляет собой рост на 1,3%.

Использование материнского капитала оказалось мотивирующим фактором для ряда семей, стремящихся улучшить свои жилищные условия. По мнению ряда ученых-демографов, включая В.В. Елизарова, государственные меры поддержки, направленные на стимулирование рождаемости, хотя и незначительно, но оптимизируют показатели рождаемости в регионах страны [\[4\]](#).

Например, анализ статистики показал рост коэффициента суммарной рождаемости с 2007 года до 2015 года с 1,416 до 1,777. Однако уже с 2016 года коэффициент совокупной рождаемости медленно пошел на спад.

Таким образом, демографическая ситуация в России характеризуется снижением рождаемости и незначительным увеличением продолжительности жизни.

В Алтайском крае наблюдаются свои особенности демографической ситуации, отличающиеся выраженным оттоком населения из сельской местности и более низкими темпами рождаемости в сравнении с общероссийским уровнем.

Алтайский край имеет определенный региональный потенциал для экономического развития территории. В частности, развитый аграрно-промышленный комплекс региона может оптимизировать современную политику импортозамещения. Развитие туристического кластера также является одним из преимуществ территории края. Однако региональный рынок труда на протяжении последних десятилетий сталкивается с острым дефицитом квалифицированных кадров, численность трудоспособного населения региона постоянно снижается [\[5\]](#).

Таким образом, системное научное исследование демографической ситуации в Алтайском крае является необходимым условием для принятия эффективных управленческих решений. Результаты статистического анализа особенностей региональной депопуляции представляют научно обоснованные условия и факторы по разработке целевых программ оптимизации демографических процессов в Алтайском крае.

Обзор научной литературы, отечественных и зарубежных исследований

В рамках анализа текущей социально-экономической ситуации, ключевое внимание следует уделить прямой корреляции между уровнем социально-экономического развития

и устойчивостью национальной и региональной безопасности [6]. На сегодняшний день динамика экономических показателей, таких как ВВП, уровень инфляции, безработица и доходы на душу населения, напрямую влияют на социальное благополучие общества, способность государства обеспечивать базовые нужды граждан, а также на его международный авторитет и обороноспособность. Современная экономическая динамика характеризуется высокой степенью волатильности, вызванной разнообразными причинами [7]. Ключевым вызовом в этом контексте является цифровизация экономики, которая требует значительных инвестиций в технологическое развитие, но в то же время предоставляет новые возможности для роста. Активизация процессов глобализации и регионализации экономики ставит перед государствами задачу адаптации к изменяющимся мировым условиям, что требует гибкости внутренней и внешней политики.

Демографическая ситуация оказывает базовое влияние на социально-экономическую стабильность и безопасность страны и ее регионов. Исследования отечественных и зарубежных ученых, подтверждают взаимосвязь между демографической ситуацией и национальной безопасностью, выявляя разнообразные и глубокие последствия демографических изменений. Так И.А. Ветренко считает, что демографическая безопасность – это потенциальная способность общества сохранять свой национальный генофонд и наращивать его в соответствии с теми нормами, которые характеризуют средний мировой уровень» [8].

Зарубежные исследования описывают тесную корреляцию между демографической ситуацией и национальной безопасностью в регионе. Например, RAND Corporation (2018) в исследовании "The Demographics of National Security" доказала, что снижение рождаемости и старение населения может привести к уменьшению численности рабочей силы, снижению экономической конкурентоспособности и ослаблению обороноспособности страны [9]. Исследователи Global Strategic Affairs (2020) в работе "The Demographic Challenge to National Security" подчеркнули, что изменение соотношения полов, в результате непродуманной демографической политики "одного ребенка" в Китайской народной республике, детерминировало эскалацию социальной напряженности и стимулировало новые вызовы национальной безопасности страны [10]. В исследовании "The Future of the World Economy" (2021), отмечается, что увеличение продолжительности жизни и старение населения приведут к росту расходов на пенсии и здравоохранение, что может ослабить экономику и создать угрозу национальной безопасности страны [11].

Представленные нами исследования демонстрируют тесную взаимосвязь между демографической ситуацией и национальной безопасностью. Следовательно, демографические изменения детерминируют значительное влияние на экономику, социальную структуру, обороноспособность и устойчивое развитие любой страны в целом. Например, ускоренное старение населения, сокращение рабочей силы, миграционные процессы – все это не только меняет социальную структуру общества, но и стимулирует проблемы экономического развития региона или страны. В частности, увеличение числа пожилых людей требует увеличения расходов на здравоохранение и социальное обеспечение, что в условиях ограниченных бюджетных ресурсов может приводить к сокращению инвестиций в другие ключевые секторы экономики [12].

Проблема миграции, как важный компонент демографической ситуации, заслуживает особого внимания. С одной стороны, миграционный прирост способен компенсировать негативные демографические тенденции в развитых странах и депрессивных регионах

России, с другой — может приводить к социальным конфликтам, усилию националистических настроений и увеличению нагрузки на социальные системы, что в целом снижает уровень национальной и региональной безопасности [\[13\]](#). Таким образом, миграционные процессы, способствуя решению проблемы дефицита рабочей силы, создают новые вызовы адаптации и интеграции мигрантов, что может привести к социальной напряженности и конфликтам. Подобные демографические вызовы требуют от государств и международных организаций принятия мер по привлечению квалифицированных мигрантов и разработке сбалансированной миграционной политики.

Сокращение численности населения, вызванное естественными процессами, является базовым фактором, влияющим на экономическую и социальную стабильность регионов. Сокращение населения приводит к ослаблению экономического потенциала и снижению обороноспособности страны.

В сегодняшнем социуме, где глобализация и международная интеграция играют ключевую роль в развитии государств, социально-экономические факторы приобретают особую значимость в контексте национальной и региональной безопасности [\[14\]](#). Взаимосвязь между социально-экономическим развитием и безопасностью становится все более очевидной, поскольку низкий уровень жизни, высокая степень социального неравенства и безработица могут привести к социальной напряженности, внутренним конфликтам и даже угрозе суверенитета государства. Рассматривая социально-экономические факторы как компоненты национальной и региональной безопасности, следует отметить, что устойчивое экономическое развитие является основополагающим условием для обеспечения стабильности в обществе. Экономический рост способствует увеличению доходов населения, снижению бедности и улучшению общественного благосостояния, что обусловливает снижение конфликтогенного потенциала и минимизирует социальную напряженность. Таким образом, экономические инициативы, направленные на улучшение качества жизни, могут рассматриваться как инвестиции в безопасность государства.

Подводя итоги теоретической части предложенной публикации, необходимо констатировать, что социально-экономическая и демографическая ситуация играет ключевую роль в обеспечении национальной и региональной безопасности. Эффективная экономическая, социальная и демографическая политика, направленная на поддержание устойчивого развития, служит важным фундаментом для укрепления внутренней и внешней безопасности государства.

Методология и методы исследования

Предметом исследования явились социальные механизмы депопуляционных тенденций человеческого капитала, а именно уровень рождаемости, смертности, и особенности миграционной убыли населения Алтайского края. Методологическая основа исследования включает комплексный подход в анализе функционирования человеческого капитала в региональном контексте. Были апробированы следующие базовые принципы: системность и взаимозависимость всех показателей демографического развития региона; взаимосвязь количественных и качественных детерминант, связанных с жизнедеятельностью населения в крае; учет социально-экономической обусловленности региональных демографических тенденций.

Предложенное в статье исследования основано на мультидисциплинарном комплексном анализе, включило структурно-функциональный, демографический подходы в совокупности с вторичным статистическим анализом основных воспроизводственных

показателей жизнедеятельности населения региона. Методика и техника исследования включила анализ статистической информации. Кроме того, были использованы следующие методы исследования: теоретический анализ, вторичный анализ российских и зарубежных социологических и демографических исследований, статистический анализ основных демографических показателей, прогнозирование. Предложенная методологическая и методическая основа исследования позволила выявить региональные особенности развития социально-демографических процессов населения Алтайского края, прогнозировать социально-демографические тренды в регионе, обосновать актуальные направления государственной демографической политики.

Результаты исследования

Представим краткие результаты статистического исследования, проведенного в Алтайском крае, типичном дотационном регионе российского общества. Информационную базу исследования составили данные региональной статистики, собранные из официальных источников. Основными источниками информации стали: данные Росстата за период с 2018 по 2023 год, включающие показатели численности населения, естественного движения (рождаемости, смертности), миграции, а также сведения о социально-экономическом развитии Алтайского края.

Статистические сборники и отчеты Алтайкрайстата за тот же период, содержащие более детальную информацию о демографических процессах в крае, включая базовые социально-демографические показатели, такие как: пол, возраст, уровень рождаемости, смертности и пр.

В Алтайском крае, по данным официальной государственной статистики, на 1 января 2024 года насчитывалось порядка 2317 тыс. человек [\[1\]](#).

Динамика численности населения в Алтайском крае с 2018 по 2023 гг. отражена в таблице 1.

Таблица 1.

Динамика численности населения в Алтайском крае с 2018 по 2023 гг.

2018	2019	2020	2021	2022	2023
2 384 812	2 376 774	2 365 680	2 350 080	2 332 813	2 317 153

Как представлено в таблице 1, с 2018 года численность населения края неуклонно снижается. Фиксируется хроническая негативная тенденция убыли населения, причем с каждым новым годом скорость депопуляции населения растет.

В Сибирском федеральном округе самые урбанистические регионы – это, в порядке нарастания, Иркутская, Новосибирская и Кемеровская области, где подавляющее большинство населения живет в городах. Удельный вес горожан в них составляет от 79% и до 86% всех жителей. Алтайский край, напротив, по удельному весу сельского населения по СФО занимает высшую строчку (22,9%) и шестую по стране в целом (2,7%). Доля сельского населения в 2022 г. составила 43,3% от общей численности. Данная особенность обуславливает, на наш взгляд, сложную демографическую ситуацию в регионе.

Более детальную картину демографической ситуации Алтайского края раскрывает анализ возрастно-половой структуры населения.

Численность мужчин и женщин на начало 2024 г. отражена в таблице 2.

Таблица 2.

Численность мужчин и женщин на начало 2024 г. в Алтайском крае

Годы	Мужчины, человек	Женщины, человек	На 1000 мужчин приходится женщин
2022	1074192	1256744	1170
2023	1064322	1249494	1174

Как представлено в таблице 2, для региона характерен дисбаланс численности мужчин и женщин, что также может объяснять специфику демографических тенденций в крае.

Половой дисбаланс не способствует улучшению ситуации на рынке брака и труда. Сниженная численность мужчин отражает менее активное их участие в трудовой и профессиональной деятельности, характеризующее обычно мужское население.

По многочисленным данным социально-демографических российских исследований доказано, что лица мужского пола имеют заметно меньшие показатели средней продолжительности жизни, чем лица женского пола [\[15\]](#). Эта тенденция подтверждается и для Алтайского края.

Региональные демографические тренды подтверждают общероссийские и заключаются в следующем:

- численность населения среднего возраста превышает другие численные когорты населения;
- выявлено преобладание численности женского населения над мужским;
- с возрастом дисбаланс численности мужчин и женщин в крае значительно увеличивается;
- Алтайский край лидирует по старшим возрастным группам населения 55-69 и 80+. Таким образом старение населения в регионе идет более быстрыми темпами.

Доля трудоспособного населения (15-59 лет) в России составляет 0,32, а в Алтайском крае - 0,35. Доля пожилого населения (60 лет и старше) в России составляет 0,27, а в Алтайском крае - 0,29. Доля детей (до 15 лет) в России составляет 0,27, а в Алтайском крае - 0,29. Общая демографическая нагрузка (сумма доли пожилых и детей) в России составляет 0,60, и соответственно в Алтайском крае - 0,64.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Алтайском крае по сравнению с Россией в целом несколько выше доля пожилого населения и соответственно выше общая демографическая нагрузка.

Городское население составляет 56,7% от общей численности населения Алтайского края, что на 13,4% больше, чем доля сельского населения. Другими словами, в Алтайском крае городское население превышает сельское только на 13,4%.

Доля лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения края составляет 21% (в РФ - 20,1%). Согласно международному критерию (по шкале Божё - Гарнье) - уровень старения населения в Алтайском крае очень высок. Выявленная тенденция усугубляется отрицательным балансом естественного прироста населения региона на

протяжении последних 10 лет, а также значительным миграционным оттоком населения в европейские регионы страны [\[16\]](#).

В Алтайском крае в 2023 году зафиксировано снижение смертности на 9,5% по сравнению с 2022 годом. В частности, в январе - декабре 2022 года в регионе умерло 33 924 человека, а в том же периоде 2023 года - 30 382 человека. В Алтайском крае за 2023 год естественная убыль населения составила 13 750 человек, что на 2597 человек меньше, чем в 2022 году за аналогичный период. Иными словами, в регионе наблюдается незначительная положительная тенденция сокращения естественной убыли населения.

Основными причинами смертности в Алтайском крае являются: сердечно-сосудистые заболевания (597,3 на 100 тысяч населения); новообразования (237,9); внешние причины (135,9), в том числе: ДТП (10,4); отравление алкоголем (3,3); самоубийства (18,6); убийства (6,1).

В Алтайском крае в январе-декабре 2023 года зафиксировано снижение младенческой смертности. Число детей, умерших в течение первого года жизни, составило 67 человек, что на 4 младенца меньше, чем за аналогичный период 2022 года (71 младенец).

Однако, на фоне тенденции незначительного снижения смертности, в регионе наблюдается снижение рождаемости на 4,9%. Так, за январь - декабрь 2023 года в регионе родилось 16 632 младенца, что на 945 меньше, чем за аналогичный период 2022 года.

Показатели естественного движения населения в Алтайском крае отражены в таблице 3.

Таблица 3.

Показатели естественного движения населения

		Январь-декабрь					
		человек			на 1000 человек населения		
		2022	2023	прирост, снижение (-)	2022	2023	2023 в % к 2022
Родившиеся	17577	16632	-945	12,7	7,8	61,42	
Умершие	33924	30382	-3542	23,8	14,3	60,08	
в том числе дети в возрасте до 1 года	71	67	-4	3,7	3,9	105,4	
Естественный прирост (убыль)	-16347	-13750	x	-7,1	-6,6	x	
Зарегистрировано, ед.:							
Браков	15660	13905	-1755	7,4	6,5	87,8	
Разводов	10791	10843	+52	6,5	5,1	78,5	

Таким образом, естественное движение населения в Алтайском крае демонстрирует сложную картину, где снижение рождаемости негативно влияет на общий прирост населения. Кроме того, к этой ситуации добавляется еще один фактор, который оказывает существенное влияние - миграция.

В 2023 году общая миграционная убыль населения составила 1708 человек (8,0 человека в расчете на 10 тыс. человек населения). За этот год выбыло за пределы Алтайского края 61861 человек. Миграционный прирост оказался отрицательным и составил - 3180 человек (14,9 человек в расчете на 10 тыс. человек населения). Международная миграция напротив увеличилась (1472 человека) и составила: прибывшие - 6027 человек, выбывшие - 4555 человек. Похожая картина наблюдается со странами дальнего зарубежья. Здесь наблюдается прирост в 115 человек. Несмотря на ряд положительных тенденций убыль населения из региона остается высокой.

Обсуждение результатов

Снижение численности населения в Алтайском крае является частью общероссийской тенденции. Согласно данным Росстата, численность населения России ускоренно сокращается уже второй год подряд. Иными словами, уменьшение населения наблюдается не только в Алтайском крае, но и в других территориях РФ.

Важным фактором демографического развития территории, является уровень брачности населения. По данным Росстата, в Алтайском крае отмечается падение числа зарегистрированных браков и соответственно разводов. В 2023 году зафиксированы 13905 заключивших брачный союз и 10843 расторжений брака (в 2022 году – 15660 и 10791 соответственно).

В контексте анализа тенденций брачности населения, особую актуальность приобретает вопрос повышения рождаемости, которая в Алтайском крае остается ниже среднероссийского уровня. Правительство Российской Федерации, включая президента, уделяет большое внимание вопросам рождаемости и поддержки семей с детьми. Принимаемые меры направлены, прежде всего, на экономическое стимулирование таких семей [\[17\]](#).

Государство ставит своей приоритетной задачей улучшение демографической ситуации в стране. Для этого предпринимаются меры по преодолению негативных тенденций, связанных со снижением рождаемости и увеличением смертности, а также принимаются меры по обеспечению роста численности населения.

Иными словами, улучшение демографических показателей является одним из главных направлений государственной политики РФ на современном этапе развития общества [\[18\]](#).

Необходимым условием для достижения демографических целей является повышение рождаемости до уровня, который обеспечивает расширенное воспроизводство населения [\[19\]](#).

Подводя итоги обсуждения статистического анализа демографических процессов в крае, можно констатировать, что в Алтайском крае усиливается тенденция к естественной убыли населения. В 2022 году этот показатель составил 11667 человек. По предварительным данным Росстата, на 1 января 2023 года численность населения региона сократилась до 2 317 522 человека. Причиной убыли населения является высокая смертность, которая превышает рождаемость. За последние 30 лет в Алтайском крае ни разу не было зафиксировано превышение рождаемости над смертностью. Последний раз естественный прирост населения наблюдался в 1990 году и составил 4 847 человек.

Алтайский край имеет определенную специфику в экономике современной России, внося

определенный региональный вклад в развитие различных секторов. Например, может быть потенциальным центром сельскохозяйственного производства, снабжая страну экологически чистыми продуктами питания. Следовательно, скорейшее решение демографических проблем в Алтайском крае имеет важное значение для развития не только региона, но и всей страны. Улучшение демографических показателей позволит использовать имеющийся потенциал региона, что положительно отразится не только на самом крае, но и на России в целом.

Заключение

В заключение, можно утверждать, что демографическая безопасность – это не просто статистические показатели, а сложный комплекс взаимосвязанных факторов, влияющих на устойчивое развитие общества. Эмпирический анализ факторов национальной безопасности требует комплексного подхода, включающего анализ социально-экономических, политических и культурных факторов, влияющих на численность и структуру населения регионов и страны в целом.

Теоретический анализ проблем демографической безопасности в Алтайском крае в комплексе с анализом современной региональной статистики, позволил сделать следующие выводы:

1. С 2018 по 2023 гг. в Алтайском крае выявлена хроническая негативная тенденция убыли населения, причем с каждым новым годом скорость депопуляции населения растет.
2. Доля сельского населения в Алтайском крае в 2022 г. составила 43,3% от общей численности населения, что усугубляет сложную демографическую ситуацию в регионе.
3. В регионе зафиксирован дисбаланс численности мужчин и женщин, который значительно увеличивается с возрастом.
4. В Алтайском крае по сравнению с Россией в целом, старение населения идет более высокими темпами, что увеличивает общую демографическую нагрузку.
5. В последнее десятилетие уровень рождаемости в Алтайском крае остается ниже среднероссийского уровня.
6. По данным Росстата, в Алтайском крае с 2022 по 2023 гг. отмечается падение числа зарегистрированных браков и рост разводов.
7. Ускоренное сокращение численности населения Алтайского края обусловлено значительной ежегодной миграционной убылью населения. В последние 10 лет в крае фиксируется отрицательный миграционный баланс.

Таким образом, демографическая ситуация в Алтайском крае отличается от общероссийской тенденции более выраженным оттоком населения из сельской местности, снижением рождаемости и увеличением смертности. Эти факторы приводят к серьезным социально-экономическим последствиям, угрожая устойчивому развитию региона.

Для решения демографических проблем в Алтайском крае необходима комплексная и продуманная демографическая политика, направленная на стимулирование рождаемости, создание благоприятных условий для жизни и работы населения, предотвращение оттока молодых людей из региона и создание более благоприятной среды для жизни в сельской местности. Базовыми рекомендациями для оптимизации

демографической ситуации в Алтайском крае могли бы стать: системное и всестороннее повышение социально-экономического благополучия жителей региона; введение для анализа нового демографического показателя, такого как "ожидалась продолжительность здоровой жизни" для оценки анализа качества жизни граждан; формирование системы мотивации к долгой и продуктивной социально активной жизни у разных возрастных категорий граждан; формирование новой оптимальной культуры здоровья и здорового образа жизни.

Библиография

1. Аверин А.Н., Понеделков А.В., Стельмах С.А., Омельченко И.В. Анализ результатов экспертного опроса по проблемам демографического развития России. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2021, №7, С.14-18.
2. Алтайкрайстат [Электронный ресурс]. - Заглавие с экрана. - Режим доступа: <https://akstat.gks.ru>. (дата обращения: 02.11.2024).
3. Бердыева А.Х. Повышение уровня образования экономического роста. Молодой ученый. 2023. 40 (487). С.79-81.
4. Ветренко И.А., Понеделков А.В., Воронцов С.А. Современная Российская демографическая политика через призму национальной безопасности. Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 3 (7). С.90-96.
5. Вотинова Е.М. Демографическая ситуация и демографическая политика России. Символ науки: международный научный журнал. 2017. Т.1. №2. С.40-43.
6. Гончарова Н.П. Проблемы результивности российской демографической политики в оценках экспертов. Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2021. № 19. С. 14-19.
7. Елизаров В.В., Кочкина Е.В. Государственная семейная и демографическая политика в России: к разработке эффективных мер повышения рождаемости. ИСЭПН РААН. 2014. С.162.
8. Казакова М.Н. Региональная безопасность в системе национальной безопасности России. Журнал Регионология. №3 (76). С.40-46.
9. Barakat B., Basten S. Modelling the constraints on consanguineous marriage when fertility declines//Demographic Reseearch. 2014. Vol.30. No1. pp.277-312.
10. Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: a Third Demographic Transition//Population and Development Review. 2006. Vol.322. No.3. pp.401-446.
11. Deery S., Walsh J., Zataich C.D. A moderated mediation analysis of job demands, presenteeism and absenteeism. Journal of occupational and organizationall psychology. 2014. 87(2). pp.352-369.
12. Население Алтайского края: численность, крупные города. [Электронный ресурс]. - Заглавие с экрана. - Режим доступа: <http://www.statdata.ru/naselenie/altaiskogo-kraya>. (дата обращения: 20.11.2024).
13. Панькова Н.С. Актуальные проблемы демографической политики РФ и их пути реализации в условиях сложившейся экономической и политической ситуации. Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. 1-2(95). с.58-61.
14. Региональные проекты. [Электронный ресурс]. -Заглавие с экрана.- Режим доступа: https://www.altairegion22.ru/projects/novosti_demografi. (дата обращения: 20.11.2024).
15. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Князькова Е.А., Данилова Е.О. Разработка инструментария для проведения контент-анализа федеральных и региональных СМИ в России по вопросам отражения демографической ситуации и политики. Logos et Praxis. 2020. Т.19. №2. С.56-73.
16. Сибирский федеральный округ. [Электронный документ]. - Заглавие с экрана. -

- Режим доступа: <https://rost.ru/filials/sibirskiy-fo>. (дата обращения: 20.11.2024).
17. Титова А.В. Влияние демографии на социально-экономическое развитие России. Столыпинский вестник. 2023. Т.5 №12.
18. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. - Заглавие с экрана. - Режим доступа: <https://www.gks.ru>. (дата обращения: 20.11.2024).
19. Mayntz R. Mechanisms in the analysis of social macro-phenomena. Philosophy of the Social Science. 2004. 34(2). pp.237-259.
20. Stock R.M., Oezbek-Potthoff G. Implicit leadership in an Intercultural Context: theory extension and empirical investigation. International Journal of Human Resource Management. 2014. 25(12). pp.1651-1668.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

У статьи есть четкая структура: введение, обзор, практическая часть, заключение.

В статье можно было бы указать на нехватку квалифицированных кадров и человеческого капитала в России как один из аргументов обоснования актуальности.

Концептуальные положения в статье подкрепляются несколькими таблицами, что придает теоретическим аргументам необходимую наглядность.

В статье нет четкого описания предмета исследования.

В статье нет четкого описания методологии. Рекомендуется пояснить, какие именно методы использовались при написании статьи. В частности, является очевидным из содержания статьи, что при написании использовался анализ статистики.

В статье приводятся данные нескольких исследований, на которые нет ссылок: исследования RAND Corporation "The Demographics of National Security", Global Strategic Affairs "The Demographic Challenge to National Security", "The Future of the World Economy".

В статье хорошо продуманная практическая часть: приводится анализ данных статистики за период с 2022 по 2023 годы.

В статье делается много важных выводов относительно характера демографической ситуации в Алтайском крае: подчеркивается руральный характер Алтайского края, что обуславливает сложную демографическую ситуацию в регионе, указывается, что в Алтайском крае выше доля пожилого населения и выше общая демографическая нагрузка.

Некоторые тезисы в статье выглядят поверхностными и недостаточно проработанными. Например: "Алтайский край играет важную роль в экономике современной России, внося значительный вклад в развитие различных секторов, являясь важным центром сельскохозяйственного производства, промышленности, туризма и энергетики. Скорейшее развитие демографических проблем в Алтайском крае имеет важное значение для развития региона и всей страны". Во-первых, эти тезисы следовало бы поместить в тот раздел, где обсуждается актуальность статьи. Во-вторых, подобные тезисы следовало бы подкрепить ссылками на статистику и/или научные публикации. Иначе непонятно, действительно ли вклад Алтайского края является значительным в области сельского хозяйства, промышленности, туризма и энергетики? И что означает "значительный вклад" с точки зрения конкретных цифр?

В статье нет подробного описания рекомендуемых комплексных мер в области демографической политики, хотя в заключительном разделе указывается, что "для решения демографических проблем в Алтайском крае необходима комплексная и

продуманная демографическая политика, направленная на стимулирование рождаемости, создания благоприятных условий для жизни и работы населения". Библиографический раздел представлен списком из 20 научных источников, которые включают в себя научные источники как на русском языке, так и на английском. Все слова в английских названиях, кроме артиклей, союзов и коротких предлогов, пишутся с заглавной буквы.

В статье рекомендуется исправить грамматику.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является демографическая безопасность Алтайского края на основе результатов статистического анализа.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках междисциплинарного подхода были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа исследований, метод статистического анализа, метод сравнения, метод прогнозирования.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях социальных изменений вопросы обеспечения безопасности выходят на первый план. Безопасность как научная категория является комплексной и рассматривается в рамках различных научных направлений и отраслей науки. Особое значение приобретает проблема демографической безопасности как во всей России, так и в отдельных ее регионах. С этих точек зрения изучение демографической безопасности Алтайского края на основе результатов статистического анализа представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике демографической безопасности Алтайского края на основе результатов статистического анализа, а также описании полученных результатов исследования.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также демонстрацией результатов исследования с помощью использования табличных форм.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет отмеченная в теоретической части исследования тенденция, что «Взаимосвязь между социально-экономическим развитием и безопасностью становится все более очевидной, поскольку низкий уровень жизни, высокая степень социального неравенства и безработица могут привести к социальной напряженности, внутренним конфликтам и даже угрозе суверенитета государства. Рассматривая социально-экономические факторы как компоненты национальной и региональной безопасности, следует отметить, что устойчивое экономическое развитие является основополагающим условием для обеспечения стабильности в обществе. Экономический рост способствует увеличению доходов населения, снижению бедности и улучшению общественного благосостояния, что обуславливает снижение конфликтогенного потенциала и минимизирует социальную напряженность».

Библиография содержит 20 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы. В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие аспекты безопасности и факторы, оказывающие влияние на ее

обеспечение. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «демографическая безопасность – это не просто статистические показатели, а сложный комплекс взаимосвязанных факторов, влияющих на устойчивое развитие общества. Эмпирический анализ факторов национальной безопасности, требует комплексного подхода, включающего анализ социально-экономических, политических и культурных факторов, влияющих на численность и структуру населения регионов и страны в целом. Демографическая ситуация в Алтайском крае отличается от общероссийской тенденции более выраженным оттоком населения из сельской местности, снижением рождаемости и увеличением смертности. Эти факторы приводят к серьезным социально-экономическим последствиям, угрожая устойчивому развитию региона. Для решения демографических проблем в Алтайском крае необходима комплексная и продуманная демографическая политика, направленная на стимулирование рождаемости, создание благоприятных условий для жизни и работы населения, предотвращение оттока молодых людей из региона и создание более благоприятной среды для жизни в сельской местности».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и работниками министерств, ведомств и организаций к ведению которых относятся вопросы демографии и разработки демографической политики, демографами, социологами, регионоведами, консультантами, аналитиками и экспертами. Рукопись рекомендуется к публикации..

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Бучкова А.И. Нейтрализация негативного воздействия цифровых устройств и интернета на детей до 11 лет // Социодинамика. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.12.72592 EDN: XJBGLE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72592

Нейтрализация негативного воздействия цифровых устройств и интернета на детей до 11 лет

Бучкова Алла Ивановна

ORCID: 0009-0004-6841-0265

кандидат социологических наук

доцент; кафедра политического анализа и социально-психологических процессов; Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 28, к. 1, ауд. 340

life.pmr@gmail.com

[Статья из рубрики "Семья и общество"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2024.12.72592

EDN:

XJBGLE

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2024

Дата публикации:

20-12-2024

Аннотация: Работа посвящена проблеме чрезмерного воздействия цифровых устройств и интернета на подрастающее поколение. Предметом исследования выступило цифровое потребление детьми до подросткового возраста. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как особенности приобщения детей к цифровым устройствам и интернету, позитивные и негативные последствия цифровой социализации, предпочтаемые детьми формы контента, социализирующие функции и культура цифрового потребления у детей, а также роль взрослых в процессе формирования последней. Отмечается, что раннее приобщение к цифровым устройствам стало обязательной частью современного воспитания детей. Основное внимание уделяется гармонизации цифровой социализации подрастающего поколения в условиях стремительного развития технологий и

информационных потоков. Автором проведен социологический анализ цифрового потребления детьми до 11 лет. В работе представлены результаты анкетирования 207 семей из Москвы и Московской области в 2023 году, а также экспертного опроса 12 экспертов в сфере воспитания детей, дошкольного и младшего школьного образования в 2024 году. Исследование выявило приобщение детей к цифровым устройствам, начиная с полутора-двух лет. Среди негативных последствий отмечены нарушения здоровья и развития, в то время как позитивное влияние связано с повышением конкурентоспособности и развитием когнитивных навыков ребенка. Новизна исследования заключается в том, что автором предложены конкретные рекомендации по гармонизации цифрового потребления. Они касаются соблюдения возрастных норм количества времени перед экранами и аудиоканалами, правил безопасного просмотра, профилактики переутомления ребенка, самостоятельного выбора родителями соответствующего возрасту контента, формирования у детей навыков безопасного поведения в интернете, а также как можно более раннего введения четких правил пользования ими, альтернативных активностей в качестве профилактики гаджет-зависимости. Сделан вывод о необходимости формирования культуры цифрового потребления с раннего возраста, а также о роли родителей и педагогов как медиаторов в процессе цифровой социализации. Важность повышения медиакомпетентности всех участников процесса отмечена как ключевой фактор в нейтрализации негативного воздействия цифровых технологий.

Ключевые слова:

цифровое потребление, цифровые устройства, интернет, цифровая социализация, культура цифрового потребления, ребенок, воспитание, влияние на развитие, влияние на здоровье, безопасность в интернете

Введение

Современный мир характеризуется стремительными изменениями во всех областях, ростом технологий, развитием искусственного интеллекта и все большим поглощением людей информационными потоками. Подрастающее поколение, социализирующееся в настоящем обществе, как никто другой гибко и быстро адаптируется к постоянно возникающим нововведениям. Дети сегодня другие. Они растут, погружаясь в бесконечные потоки яркой и насыщенной информации. Они переносят принципы действия онлайн-режима и сенсорных дисплеев в реальную жизнь. Происходит уникальный процесс: реальность познается через цифровой мир и с помощью информационных устройств. Достаточно много исследований посвящено психологическому анализу потребления информации детьми, при этом практически не исследованным оказывается цифровое потребление с социологической точки зрения, прежде всего с позиции системного и структурно-функционального походов. В этой связи социологический анализ последствий цифрового потребления детей в возрасте до 11 лет, а также выявление основных направлений нейтрализации негативного воздействия цифровых устройств и интернета и, как следствие, выработка рекомендаций по гармонизации цифровой социализации подрастающего поколения представляются актуальными.

Целью нашего исследования стал социологический анализ последствий цифрового потребления и основных направлений нейтрализации негативного воздействия цифровых устройств и интернета на детей в возрасте от одного года до одиннадцати лет.

Выбранный возрастной диапазон отражает социально-демографические группы, которые в наибольшей степени подвержены влиянию со стороны взрослых. Двенадцатилетний возраст знаменует переход к подростковому периоду, во время которого происходят существенные изменения в структуре цифрового потребления, но самое главное – подрастающее поколение становится более ориентированным на мнение сверстников. Одновременно с этим значительно ослабевает влияние взрослых, и если не сформировать соответствующую культуру потребления к 11 годам, то после сделать это достаточно проблематично. В данном случае речь уже будет идти о коррекции закрепленных привычек потребления цифрового контента.

Новизну исследования определило выделение особенностей цифрового потребления детьми до 11 лет в стремительно меняющемся современном мире на основании обзорно-аналитического исследования, а также результатов авторского анкетирования и экспертного опроса 2023-2024 гг., позволивших сосредоточить внимание не только на негативных, но и на позитивных последствиях такого потребления, предложить комплексные рекомендации по гармонизации цифрового потребления детьми.

Предметом исследования выступило цифровое потребление детьми до подросткового возраста. Были использованы теоретические методы (анализ, синтез, обобщение) и эмпирические методы (социологический опрос в форме анкетирования и экспертный опрос).

Проблемы использования цифровых устройств и интернета в детском возрасте и влияние такого потребления на развитие ребенка рассматриваются такими отечественными и зарубежными учеными, как А. Н. Алексин, К. И. Пульцина^[1], О. А. Бондарчук^[2], А. А. Гофман, А. С. Тимошук^[3], Э. Килби^[4], А. В. Короленко, А. А. Шабунова^[5], Е. В. Семенова, Т. Г. Ханова^[6], О. Г. Федоров^[7], Д. Р. Андерсон, Т. А. Пемпек^[8], Р. Дж. Хайер^[9], Д. А. Христакис^[10, 11], Ф. Дж. Зиммерман^[12] и другими.

Основные результаты исследования

В рамках происходящей цифровой социализации подрастающего поколения все больше растет доля цифрового потребления, под которым мы понимаем регулярное использование ребенком цифровых устройств и интернета и получение с их помощью различных видов информации. Это иное восприятие окружающей действительности, которое соответствует современности и делает детей конкурентоспособными. Оно несет как вред, так и пользу. И вектор воздействия информационных технологий детерминирован возрастом ребенка, социальной средой и тем контентом, с которым он взаимодействует^[13].

Цифровая социализация представляет собой процесс формирования ценностных суждений подрастающего поколения об использовании цифровых медиа и интернета.

О. В. Дудина выделяет 4 компонента в структуре цифровой социализации: культура (идеологические и организационные ценности), обучение (грамотность и навыки), развитие личности и воспитание^[14, с. 146].

Ю. С. Барышева указывает на высокую динамичность современных информационно-коммуникационных систем, изучение которых в контексте их влияния на детей требует постоянных социологических срезов^[15, с. 174].

Проведенные автором в 2023 году обзорно-аналитическое и эмпирическое исследования

(социологический опрос «Цифровое потребление детьми», в котором приняло участие 207 семей с детьми до 11 лет из г. Москвы и Московской области; возраст опрошенных родителей колебался в границах от 27 до 45 лет, средний возраст составил 37 лет; большинство семей имели удовлетворительные условия проживания и отмечали удовлетворительное материальное положение, 97% семей полные; выборка была сформирована методом снежного кома) позволили установить, что:

- Наблюдается раннее приобщение детей к цифровым устройствам и интернету, чаще всего начиная с полутора – двух лет, но в последнее время даже с года и раньше. На это указало более 95% опрошенных семей. Как отмечает С. Е. Титор, в данном возрасте подрастающее поколение особенно уязвимо для негативного контента [\[16\]](#).
- Приобщение к цифровым устройствам стало обязательной частью современного воспитания детей.
- Среди негативных последствий цифрового потребления в детском возрасте выделяют: нарушения зрения и слуха; дисфункции в развитии восприятия, внимания, памяти, мышления, воображения и речи; переутомление, агрессия, нервное перенапряжение ребенка; нарушения в развитии опорно-двигательного аппарата и пищевого поведения; уменьшение времени совместного времяпрепровождения со значимыми взрослыми, опосредованное цифровым контентом взаимодействие со сверстниками; формирование зависимостей от цифровых устройств и интернета [\[1, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23\]](#).

Так, А. Н. Алехин, К. И. Пульцина указывают на то, что до младшего школьного возраста дети не способны переносить опыт из виртуального пространства в реальный мир [\[1, с. 366\]](#). Ф.Дж. Зиммерман и Д. А. Христакис отмечают, что регулярное потребление видеоконтента в детском возрасте затормаживает развитие способности к концентрации, выделению приоритетных стимулов, планированию и самоконтролю [\[10, 12\]](#). Ю. А. Романова доказывает повышение вероятности задержки речи при нарушении норм цифрового потребления у подрастающего поколения [\[22, с. 73-76\]](#). А. А. Осипова отмечает уменьшение количества времени общения и совместной деятельности современных детей со значимыми взрослыми за счет увеличения доли потребления цифровых устройств и сети интернет [\[21, с. 278-279\]](#).

- Наиболее популярными формами контента для детей до поступления в школу являются мультфильмы. Им отдают предпочтение 42% принявших участие в исследовании семей. К младшему школьному возрасту наряду с мультфильмами растет доля просмотра видеороликов в интернете и электронных игр, которая впоследствии только увеличивается. Их выбирают 23,1% детей до 11 лет. Происходит переход от коротких информационных и обучающих роликов к видео со знаменитостями, познавательными сериалами и продолжительными мастер-классами, а также использование интернета для учебы.
- Более 50% детей до 11 лет ежедневно проводят перед экранами от 30 минут до 1,5 часов, четверть находится перед экранами более 1,5 часов в день, выходя за пределы рекомендованных норм.
- Средняя продолжительность одномоментного контакта с экранами также колеблется в пределах 30 минут – 1,5 часов. И уже треть детей до 11 лет проводят за цифровыми устройствами единовременно более 1,5 часов.
- И дошкольники, и младшие школьники используют социальные сети, однако последние

делают это чаще самостоятельно, создают личные аккаунты, активно общаются [\[24, с. 22-24\]](#).

- К позитивному влиянию цифрового потребления на детей исследователи относят повышение конкурентоспособности среди сверстников и в будущей профессиональной деятельности, благодаря освоению новейших цифровых технических устройств с детства. При соблюдении возрастных норм и гигиены контакта с экранами к положительным последствиям также можно отнести развитие познавательных процессов, координации движений и моторики, планирования сложных стратегий поведения, расширение возможностей образования и знакомства с окружающим миром, обогащение личного опыта [\[1, 2, 6, 13\]](#).

Так, О. А. Бондарчук подчеркивает, что развитые навыки цифрового потребления определяют как минимум статус принятого в коллективе сверстников [\[2, с. 137\]](#). А. Н. Алексин, К. И. Пульцина указывают на то, что при соблюдении возрастных норм и правил потребления развивающего контента и игр развивается зрительно-моторная координация и навыки стратегического планирования [\[1, с. 366\]](#).

Как отмечают А. Я. Фейгина, Е. И. Агузарова, А. И. Коровина, М. М. Русакова, подрастающее поколение не только испытывает на себе влияние цифровой среды, но и, в свою очередь, определяют ее формирование на индивидуальном и групповом уровне. В результате происходит становление норм, правил, ценностей, практик, установок и моделей поведения, касающихся потребления в цифровом пространстве [\[25, с. 50\]](#).

- Электронные устройства выполняют важную социализирующую функцию, могут выступать в качестве виртуальных нянь, предоставлять пространство для реализации ведущих видов деятельности – игры и учения [\[24, с. 22-24\]](#).
- В зависимости от условий цифрового потребления как негативные, так и позитивные его последствия могут стать нейтральными, в связи с чем первостепенное значение имеет формирование культуры цифрового потребления в детском возрасте.

Для исследования основных направлений нейтрализации негативного воздействия цифровых устройств и интернета на детей до 11 лет и формирования в семьях культуры цифрового потребления в апреле – мае 2024 г. был проведен экспертный опрос, в котором приняли участие 12 экспертов в сфере воспитания детей, дошкольного и младшего школьного образования, социологов образования. Таким образом были охвачены все ступени системы образования Российской Федерации в равных долях, профессиональный стаж экспертов – от 9 до 23 лет, средний стаж составил 12,6 лет.

С учетом результатов проведенного социологического исследования можно предложить следующие рекомендации для уменьшения негативного влияния информационных технологий на современных детей:

1. Соблюдение возрастных норм в отношении количества времени, проведенного детьми перед экранами.

Начинать приобщение к цифровому контенту рекомендуется не ранее двух лет. Исключения составляют видеочаты [\[24, с. 22-24\]](#). Если приобщение происходит раньше, то рекомендуется организовывать контакт ребенка с цифровыми устройствами не чаще 3 – 4 раз в неделю и не более, чем на 10 – 15 минут. И чем позже это произойдет, тем лучше.

В настоящее время акцент делается на одномоментном просмотре видеоконтента, не превышающем рекомендованные возрастные нормы. Среднее время будет колебаться от 10 минут для детей до пяти лет до 30 минут для младших школьников. Желательно ежедневный объем цифрового потребления разделить на несколько сессий в рамках обоснованных учеными и медиками норм. Чаще всего эксперты указывают на нормы до 1 часа в день для детей до 5 лет и до 1,5 часов для детей с 6 лет [26].

2 . Самостоятельный выбор родителями контента, соответствующего возрасту, и максимальное ограничение сцен с насилием.

Исследователи отмечают, что взаимодействие детей с цифровыми устройствами не компенсирует традиционных форм деятельности даже при внешнем сходстве. Выявлены негативные последствия в виде дефицита информационного питания мозга, снижения скорости и интенсивности освоения нового и обеднения личного опыта ребенка.

Взаимодействуя с планшетом, смартфоном, ноутбуком, компьютером и другими устройствами, дети становятся пассивными исполнителями заданных программ. В результате снижается самостоятельность и инициативность ребенка. В реальном мире они поддерживаются субъектностью деятельности подрастающего поколения и возможностью выбирать стратегию поведения, получать удовольствие от процесса, оценивать результат, познавать себя и свои особенности.

В этой связи эксперты в числе наиболее предпочтительного формата контента предлагают короткие программы, без «увлекающего» сюжета. Речь идет об игровых развивающих мини-заданиях, дающих возможность выполнить их за 10 – 15 минут, получить результат своей активности и оценку или поощрение со стороны программы [23, с. 42-49].

Оптимально самим родителям заранее тестировать игры, отсматривать мультфильмы и прочий контент [13]. Основные задачи контента для детей до 11 лет связаны с воспитанием, образованием и просвещением, расширением кругозора, передачей культурно-нравственных норм, уважения к различным нациям, религиям и культурным традициям, развитием интеллектуальных и социальных навыков. Особое внимание контенту рекомендуется уделять в связи с все возрастающей глобализацией медиаобразов, которые могут отличаться от представлений значимых взрослых и способны отрицательно повлиять на формирование национально-культурной идентичности ребенка [27, с. 183].

3. Усиление роли взрослого как медиатора в процессе цифровой социализации детей.

Значимый взрослый выполняет важную функцию знакомства и приобщения ребенка к цифровому потреблению. В этой связи исследователи отмечают необходимость родительского присутствия при контакте с различными экранами и аудиоканалами у детей до шести – семи лет. Для младших школьников родительская медиация уже включает в себя сочетание ограничений с обучением пользования цифровыми технологиями, знакомством с различными способами защиты в интернет-пространстве, выбора и использования безопасных онлайн-платформ. Добавляется актуальная и полезная для ребенка онлайн- занятость и альтернативные цифровые формы совместного семейного досуга.

4. Формирование навыков безопасного поведения в интернете.

В настоящее время остро встают вопросы безопасности дошкольников и младших школьников, особенно самостоятельно исследующих интернет-пространство. Уязвимыми оказываются и дети, и их семьи.

Обозначенные угрозы определяют необходимость формирования компетентности использования интернет-пространства, начиная с детского возраста. Так, на опыт столкновения с онлайн-рискаами указывает 46% детей до 7 лет и 60% детей младшего школьного возраста. Лидирующие позиции среди детей до 11 лет занимают контентные и технические риски: столкновение с пугающим или порнографическим контентом, включение случайных видео, всплывающая реклама, заражение вредоносными программами. 12% младших школьников встречаются с коммуникационными рисками.

На современном этапе взрослые в большинстве случаев уделяют внимание обучению ребенка цифровым навыкам. Одновременно с этим родители нередко оказываются недостаточно компетентны в вопросах информационной грамотности и интернет-безопасности. Особенно страдает направление, связанное со снижением технических рисков [\[24, с. 22-24\]](#).

5. Формирование у ребенка культуры потребления электронных цифровых устройств и интернета в целом.

Речь идет прежде всего о принятых в семье правилах цифрового потребления и личном примере родителей. А также о введении семейного ритуала совместного просмотра цифрового контента. Присутствие, разъяснение и комментирование мультфильма или игры со стороны значимых взрослых может стать увлекательным семейным занятием [\[18\]](#). Чем старше ребенок, тем больше внимания уделяется выработке у него рационального и критического подхода к восприятию информационных потоков [\[28, с. 156\]](#). Родителям важно принимать активное участие в приобщении детей к коммуникационным платформам, формируя культуру безопасного общения в социальных сетях [\[29, с. 50 – 51\]](#).

Эксперты указывают на критически важное значение развития культуры цифрового потребления или медиакомпетентности у всех членов семьи, и у детей, и у взрослых. Только в этом случае родители будут способны осуществлять грамотное образование своих детей в этой сфере, помогать ориентироваться и адаптироваться в цифровом мире, отделять вымысел от реальности, формировать навыки критического потребления контента, его анализа и интерпретации, а также культуру цифрового потребления в целом [\[27, с. 183\]](#).

6. Введение четких правил пользования цифровыми устройствами и интернетом, которые обозначаются ребенку с самого начала и претерпевают незначительные, также обоснованные родителями, изменения.

Эксперты отмечают необходимость установления четких правил, касающихся времени пользования цифровыми устройствами, соответствия контента возрастным нормам, особенностей безопасного просмотра, профилактики переутомления, минимизации рисков в интернет-пространстве. Нередко правила устанавливаются, но довольно легко многократно нарушаются. Особенно если родителям необходимо чем-то занять ребенка или отвлечь его. То или иное правило в большинстве случаев вводится уже как следствие чрезмерного увлечения определенным контентом или нарушения зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата, познавательных процессов, злоупотребления временем просмотра [\[30\]](#).

Следовательно, в связи с неустойчивой и противоречивой позицией большинства родителей относительно пользования цифровыми устройствами и интернетом встает необходимость вводить правила с самого начала цифрового потребления детьми. Чтобы это стало не коррекционной, а профилактической мерой. А также способствовало формированию культуры цифрового потребления с раннего детства. По мере взросления ребенка важно обсуждать с ним целесообразность правил, обновлять и дополнять их [\[31, с. 62 – 63\]](#). И одно из первостепенных значений в данной профилактической работе имеет личный пример адекватной и осознанной культуры цифрового потребления со стороны значимых взрослых.

7. Повышение медиакомпетентности и трансформация культуры цифрового потребления родителей и специалистов системы образования.

Отдельные аспекты данной рекомендации уже обозначались ранее. При этом эксперты указывают на необходимость просвещения родителей и специалистов, работающих с детьми, относительно негативного и позитивного влияния цифровых устройств и интернета, норм и правил пользования ими. Также отмечена потребность в проведении мероприятий по повышению цифровой компетентности взрослых, которые должны становиться примером для подрастающего поколения, и осведомленности в теме интернет-безопасности, чтобы родители и эксперты по работе с детьми могли быть надежными защитниками ребенка и его проводниками в мире цифрового потребления [\[24, с. 22-24\]](#). Отдельно выделяется необходимость дальнейшей оптимизации законодательного закрепления механизмов контроля за безопасностью интернета в отношении детей и ответственности родителей за цифровое потребление детей [\[32, с. 142\]](#).

Важным направлением здесь становится полноценное, но безопасное погружение подрастающего поколения в реалии современного цифрового мира, обеспечение полноценного развития и благополучия детей, в том числе посредством формирования культуры цифрового потребления.

Заключение

Таким образом, на основании проведенных социологических исследований в форме анкетирования и экспертного опроса можно сделать следующие выводы:

- 1) отмечается тенденция раннего приобщения к цифровому потреблению, начиная с одного года;
- 2) более 25% детей находится перед экранами более 1,5 часов в день, выходя за пределы рекомендованных норм;
- 3) рекомендованные нормы одномоментного просмотра контента соблюдаются чуть меньше 20% современных семей;
- 4) негативных последствий потребления детьми цифровых устройств и интернета выявлено значительно больше, чем позитивных, что подтверждает необходимость формирования с раннего возраста культуры цифрового потребления с целью нейтрализации отрицательного воздействия цифровых устройств и интернета и усиления положительного.

Рекомендации, разработанные по итогам анкетирования семей с детьми до 11 лет и экспертного опроса, касаются соблюдения возрастных норм количества времени перед экранами и аудиоканалами, самостоятельного выбора родителями соответствующего

возрасту контента, усиления роли взрослого как медиатора в процессе цифровой социализации детей, формирования у детей навыков безопасного поведения в интернете, культуры потребления электронных цифровых устройств и интернета у детей и взрослых в целом, а также как можно более раннего введения четких правил пользования ими в качестве профилактики гаджет-зависимости и повышения медиакомпетентности родителей и специалистов системы образования.

Основная цель проведенных исследований и представленных по их итогам результатов – актуализировать особенности цифрового потребления детьми на современном этапе, предложить рекомендации по формированию у подрастающего поколения культуры цифрового потребления и нейтрализации негативного воздействия цифровых устройств и интернета на детей до 11 лет. При этом нивелировать отрицательное влияние использования цифровых устройств детьми возможно прежде всего на основе рационализации и оптимизации контактов ребенка с ними. Рекомендации будут дополняться и пересматриваться в соответствии со стремительным развитием современных цифровых технологий и искусственного интеллекта. В настоящее время дети уже сталкиваются с дополненной виртуальной реальностью, и не всегда взрослые способны быстро адаптироваться к нововведениям, чтобы вооружить подрастающее поколение всей необходимой информацией и предостеречь относительно новых рисков и угроз цифровой безопасности. В дальнейшем мы планируем сосредоточиться на разработке программы по медиаобразованию родителей, специалистов системы образования, а также детей и подростков, в основу которого лягут результаты последних социологических исследований.

Библиография

1. Алехин А. Н. Влияние информационных технологий на когнитивное развитие детей: обзор современных исследований / А. Н. Алехин, К. И. Пульцина // Психология человека в образовании. – 2020. – Т. 2. – № 4. – С. 366–371.
2. Бондарчук О. А. Особенности формирования мировоззрения дошкольника под влиянием информационных технологий / О. А. Бондарчук // Научный альманах. – 2019. – № 5–3 (55). – С. 136–138.
3. Гофман А. А., Тимощук А. С. Цифровая трансформация образовательного процесса // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования. Тезисы докладов XIV всероссийской научно-методической конференции. – Ярославль, 2020. – С. 73–75.
4. Килби Э. Гаджетомания: как не потерять ребенка в виртуальном мире. – СПб.: Питер, 2019. – 256 с.
5. Короленко А. В., Шабунова А. А. Вовлеченность детей в цифровое пространство: тенденции гаджетизации и угрозы развитию человеческого потенциала // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 430–443.
6. Семенова Е. В. Проблема «взаимодействия» детей дошкольного возраста с мобильными устройствами / Е. В. Семенова, Т. Г. Ханова // Economic Consultant. – 2019. – С. 84–90.
7. Федоров О. Г. Инновации и социальные риски современности: Монография. – М.: МГППУ, 2015. – 69 с.
8. Anderson D. R., Pempek T. A. Television and Very Young Children // American Behavioral Scientist. – 2005. – Vol. 48. – no 5. – pp. 505–522.
9. Haier R. J. MRI Assessment of Cortical Thickness and Functional Activity Changes in Adolescent Girls Following Three Months of Practice on a Visual-Spatial Task / R. J. Haier and etc. // BMC Research Notes. – 2009. – vol. 2. – article 174.
10. Christakis D. A. Early Television Exposure and Subsequent Attentional Problems in

- Children / D. A. Christakis and etc. // Pediatrics. – 2004. – vol. 113. – no. 4. – pp. 708–713.
11. Christakis D. A. Overstimulation of Newborn Mice Leads to Behavioral Differences and Deficits in Cognitive Performance / D. A. Christakis and etc. // Scientific Reports. – 2012. – vol. 2 – article 546.
12. Zimmerman F. J. Children’s Television Viewing and Cognitive Outcomes // Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine. – 2005. – vol. 159. – no. 7. – pp. 619–625.
13. Бучкова А. И. Современные гаджеты, девайсы и интернет. Как воспитывать детей в таких условиях? // Дошкольное воспитание. – 2017. – № 1. – С. 67–73.
14. Тоганова Ж. К., Сыздыкова М. Б. Цифровая социализация: дети и подростки в современном информационном пространстве // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2024. – № 1(64). – С. 144–154.
15. Барышева Ю. С. Социализация и инкультурация российских детей и подростков в цифровой среде: основные проблемы и исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 1 (856). – С. 166–176.
16. Титор С. Е. Роль сети «Интернет» в современной жизни детей и подростков: анализ социологического опроса // Вестник университета. – 2023. – № 1. – С. 213–221.
17. Nikkelen S. C. Media Use and ADHD-related Behaviors in Children and Adolescents: A Meta-Analysis / S. C. Nikkelen and etc. // Developmental Psychology. – 2014. – vol. 50. – no. 9. – pp. 2228–2241.
18. Zero to Eight: Children’s Media Use in America [Online] / Common Sense Media. – 2010. – Available at: <https://www.commonsensemedia.org/research/zero-to-eight-childrens-media-use-in-america-2011> (accessed 01.12.2024).
19. Дошкольник и компьютер: Медико-гигиенические рекомендации / под ред. Л. А. Леоновой. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – 64 с.
20. Кучма В. Р. Психофизиологическое состояние детей в условиях информатизации их жизнедеятельности и интенсификации образования / В. Р. Кучма и др. // Гигиена и санитария. – 2016. – № 95 (12). – С. 1183–1188.
21. Осипова А. А. Предпосылки формирования гаджет-зависимости в дошкольном возрасте // Педагогическое призвание: сборник статей II международного научно-методического конкурса: в 3 ч. Петрозаводск, 29 февраля 2020 года. – 2020. – С. 277–281.
22. Романова Ю. А. Развитие речи детей раннего и младшего дошкольного возраста в условиях повсеместного использования игровых электронных устройств // Общетеоретические и отраслевые проблемы науки и пути их решения: Сборник статей Международной научно-методической конференции. – 2019. – С. 73–76.
23. Смирнова Е. О. Виртуальная реальность в дошкольном детстве / Е. О. Смирнова, Н. Ю. Матушкина, С. Ю. Смирнова // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под общ. ред. Р. В. Ершовой. – 2018. – С. 364–369.
24. Солдатова Г. У. Особенности использования цифровых технологий в семьях с детьми дошкольного и младшего школьного возраста / Г. У. Солдатова, О. И. Теславская // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 4(36). – С. 12–27.
25. Фейгина А. Я., Агузарова Е. И., Коровина А. И., Русакова М. М. Потребительская социализация детей и подростков в контексте цифрового общества // Экономическая социология. – 2023. – Т. 24 – № 4. – С. 38–60.
26. Мобильный телефон и ребенок [Электронный ресурс] / ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Калининградской области». – 2024. – Режим доступа: <http://39.rosпотребnadzor.ru/print/14868> (дата обращения 01.12.2024).

27. Грищенко Е. В. Влияние Института телевидения на детей: социологический подход // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – Вып. 1 (778). – 2017. – С 175–184.
28. Соловьев в В. А. Влияние СМИ на политическую активность российской молодежи // Вестник МГЛУ. – 2015. – № 2(713). – С. 153–164.
29. Карапабан И. А. Влияние социальных интернет-сетей на социализацию молодежи // Миссия конфессий. – 2024. – Т. 13. – Ч. 1. – С. 46–51.
30. Chaudrone S. Young Children (0–8) and Digital Technology [Online] / European Commission. – 2015. – Available at: <http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC93239> (accessed 01.12.2024).
31. Антипова А. В. Гаджеты в жизни детей: влияние современных электронных средств на развитие детей дошкольного возраста и учащихся начальной школы // Социальные отношения. – 2021. – № 1 (36). – С. 59–68.
32. Титор С. Е. Роль семьи в защите несовершеннолетних от деструктивной информационной среды (анализ социологического опроса) // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2023. – № 1. – С. 138–142

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Поскольку статья направляется в социологический журнал, то является самоочевидным, что в ней используется социологический подход. Указывать это необязательно. Но вопросы, исходя из названия, возникают относительно того, какой именно из многочисленных социологических подходов в ней применяется: структурно-функциональный, институциональный и пр.? Обычно в научных статьях после двоеточия идет пояснение предметного характера относительно того, какой именно аспект проблематики затрагивается в исследовании. Поэтому рекомендуется несколько откорректировать название статьи так, чтобы было сразу ясно, какая именно методология применяется автором. Либо можно на усмотрение автора оставить следующий вариант: "Нейтрализация негативного воздействия цифровых устройств и интернета на детей до 11 лет".

В статье хорошо описан предмет исследования, но не хватает методологического раздела.

В статье отсутствует четкая структура: нет введения, основной части и заключения, по сути, статья представляет собой целостный текст.

Рекомендуется четче концептуализировать в статье научную новизну.

Также рекомендуется добавить подробные пояснения, почему анализируются именно дети до 11 лет, а не, например, до 12 лет.

В статье довольно много рекомендаций относительно того, как именно использовать цифровой контент для развития ребенка. Поэтому статья находится на стыке нескольких психологических направлений, в частности, психологии детства. Некоторые рекомендации носят даже больше медико-биологический или медико-психологический характер: в частности, рекомендации относительно созревания нервной системы ребенка, нагрузки на анализаторы, профилактики переутомления, обсуждение произвольности психических процессов, произвольности ребенка и пр. Такие рекомендации, безусловно, полезны для читательской аудитории, прикладная направленность статьи позволяет ее использовать буквально как набор полезных ежедневных советов по приучению ребенка к цифровому контенту. Однако подобные используемые категории не являются привычными для социологической науки.

Значительная часть социологов не очень хорошо представляет себе, что такое анализаторы, и что является созреванием нервной системы. Возможно, стоило бы подумать о перепрофилировании статьи в более подходящий психологический журнал. В заключительном разделе указывается основная цель представленных рекомендаций. Однако выработка рекомендаций не может быть единственной целью научной статьи, для которой важно именно получение научной новизны и нового научного знания. Библиографический список представлен 24 научными публикациями, которые включают как русскоязычные, так и англоязычные источники. В соответствии с принятыми правилами, в англоязычных источниках все слова (за исключением служебных) должны быть с большой буквы. В статью можно было бы добавить современные источники про проблеме за 2022 – 2024 годы. Это усилит научную актуальность статьи. В статье рекомендуется проверить грамматику.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является цифровое потребление детьми до подросткового возраста. Выбор предмета исследования обусловлен не только возрастными границами, но и особенностями мировосприятия детьми разных возрастных групп. Автор выделяет в статье особенности цифрового потребления дошкольников и детей младшего школьного возраста.

В качестве основных подходов в исследовании применяются системный и структурно-функциональный. В тоже время автор ограничивается лишь обозначением данных подходов и не раскрывает их социологическую сущность при рассмотрении исследуемой проблемы. В статье рассмотрена сущность данных подходов к определению особенностей цифрового потребления детьми до подросткового возраста, что позволяет понять методологическую основу исследования. Кроме того, во введении заявлены как теоретические, так и эмпирические методы. Например, в качестве метода заявлены методы математической статистики. Желательно уточнить с помощью каких методов проводился отбор экспертов. Уточняется база исследования относительно выбора семей по социально-демографическим, социально-экономическим и другим критериям, а также метод выборки.

Актуальность заявленной темы не вызывает сомнения, так как проникновение цифровизации во все сферы жизнедеятельности общества и во все социально-демографические группы меняет сам механизм мировосприятия и формирования когнитивного, эмоционального, ценностно-волевого, коммуникативного и деятельности компонентов личности, в итоге преобразуя воспринимаемую картину мира.

В качестве научной новизны автор указывает особенности цифрового потребления детьми до 11 лет. Кроме того, уделяется внимание как позитивным, так и негативным последствиям такого потребления. Автор акцентирует внимание на том, что исследование проводится с социологической точки зрения, которая дополняет психолого-педагогическую и культурологическую повестки рассматриваемой проблемы.

Статья написана научно-популярным стилем, понятным языком. Структура статьи выдержана и представлена введением, основными результатами исследования, заключением и библиографией. Содержательная сторона статьи в основном соответствует заявленной теме.

Библиографический список содержит 27 источников, что в достаточно для научной

публикации. Однако из общего количества источников лишь 2 опубликованы за последние 3 года.

В статье приводятся ссылки на все источники из библиографического списка.

Выводы соответствуют содержанию работы и отражают представленный материал. Несомненно, работа заслуживает внимания и интереса читательской аудитории.

Социодинамика*Правильная ссылка на статью:*

Пирожкова С.В. Деятельностное и эпистемологическое значение принципа участия в практике форсайтинга // Социодинамика. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.12.72790 EDN: YCAOPY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72790

Деятельностное и эпистемологическое значение принципа участия в практике форсайтинга

Пирожкова Софья Владиславовна

ORCID: 0000-0003-4477-4422

кандидат философских наук

старший научный сотрудник; Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

✉ pirozhkovasv@gmail.com[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7144.2024.12.72790

EDN:

YCAOPY

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2024

Дата публикации:

22-12-2024

Аннотация: В статье представлены результаты исследования развития такой формы прогнозирования, планирования, социального проектирования и управления социальными процессами, как форсайт. Рассмотрены основные особенности этой практики и условия, в которых она формировалась. Исходя из полученных результатов, в качестве основного предмета исследования выбран так называемый принцип участия, или партисипативный подход, предполагающий участие в профессиональных видах деятельности (к каковым традиционно относятся и социальное прогнозирование, социальная инженерия, управление социальными системами и т.д.) социальных акторов, не имеющих должной подготовки. В фокусе анализа – идейное содержание этого принципа, сферы его действия как нормы научной практики, его организационно-

деятельностный и эпистемологический смысл, оценка уровня его реализации в практике форсайта, ограничения и перспективы этой реализации. Исследование проводится путем терминологического, социально-философского, эпистемологического и философско-деятельностного анализа, с использованием авторских теоретических разработок в области анализа и концептуализации форсайта как предмета философии науки, социальной эпистемологии и социальной философии, а также с привлечением концептуального инструментария названных областей. Показано, что форсайт одновременно претендует на статус комплексной деятельности, интегрирующей традиционные виды деятельности, реализующие познавательное и деятельностно-активное отношение к будущему и выступает идейной рамкой, объединяющей упомянутые виды деятельности, не интегрируя их в деятельностное целое. Выявлены запросы, в ответ на которые формировался форсайт, показано, что релевантность им требует от него целенности на интеграцию различных ресурсов, задействованных в процессах управления социальными системами. Показано, что в свете этой задачи конститутивным для форсайта выступает принцип участия. Дано развернутая характеристика последнего, приведены примеры его функционирования в области социальных наук и практики. Обосновано, что реализация принципа участия объясняет, почему форсайт выходит за границы специализированной научно-исследовательской и социально-инженерной деятельности, не превращаясь при этом в социальную технологию. Выявлено, что форсайт характеризуется полиагентной структурой, которая с эпистемологической точки зрения является и полисубъектной, но позволяет также переходить к коллективной субъектности. В заключение дана авторская оценка границам и перспективам применимости принципа участия в практике форсайтинга.

Ключевые слова:

форсайт, социальные науки, социальное прогнозирование, принцип участия, партисипативность, эпистемическая субъектность, социальная технология, трансдисциплинарность, управление, полисубъектность

Предмет и методы исследования: специфика форсайта и релевантные подходы к его изучению. При философско-научном изучении такого феномена, как форсайт (англ. Foresight), центральными выступают вопросы о его природе, методах, формах организации и агентной структуре. Как ранее было показано [1], форсайт – гетерогенное явление, допускающее несколько дефиниций, каждая из которых имеет и дескриптивный, и нормативный характер. Эта особенность сохраняется и по сей день, несмотря на то, что данная деятельность существует уже несколько десятилетий. Форсайт функционирует как в качестве особого методологического подхода к социальному прогнозированию и планированию и особой формы организации прогнозных исследований и планово-проектных мероприятий, так и в форме социальной технологии и инструмента управленческой деятельности, а также особой социальной практики [2]. При этом его нельзя приравнять к одному из названных видов деятельности, то есть определять в качестве только новой формы социального предвидения или определенной социальной технологии. В случае с форсайтом мы имеем дело со сложным социально-эпистемическим феноменом, который не позволяет четко и однозначно отделить знания от коммуникаций и производства и воспроизводства социальной реальности. Более того, если пытаться аналитически вычленить различные компоненты этого сложного целого, исследуя каждый в отдельности как самодостаточный и эволюционирующий в соответствии с собственными независимыми

механизмами, результат будет нерелевантным, поскольку эпистемические качества форсайта обуславливаются социальными и даже социально-политическими условиями и нормами его реализации, и наоборот – форсайт как социальная практика определяется эпистемологическими характеристиками познания социальной реальности.

С учетом сказанного целесообразно сформулировать наиболее общую дефиницию, руководствуясь задачей созиания эмпирического многообразия не по критерию самоназвания – «назвался форсайтом, значит форсайт», но по содержательному критерию. Тем не менее анализ показывает, что одной дефиницией обойтись не удастся, их потребуется как минимум две. Это связано с тем, что нам необходимо фиксировать как существующую практику, так и тот идеальный и методологический нарратив, в который она погружена. Первый вариант отражает претензию на формирование форсайта как комплексной деятельности, которая интегрирует традиционные виды деятельности, реализующие познавательное и деятельностно-активное отношение к будущему, и опирается на ряд представлений о будущем, не составляющих сегодня законченной системы, но в перспективе способных ее сформировать. Второй вариант принимает в расчет, что в целом ряде случаев форсайт не представляет собой такую деятельность, но выступает лишь парадигмальной рамкой, внутри которой интегрируются традиционные практики предвидения и конструирования будущего, сохраняя при этом свою автономность. В этом смысле о форсайте сложно говорить как о сложившейся методологической парадигме, скорее речь идет о формировании такой парадигмы, что в свою очередь требует проработки целостной концепции, включающей онтологию и гносеологию будущего. Когда речь идет о форсайте как о деятельности, а не о методологическом подходе или парадигмальной рамке, мы будем также говорить о форсайтинге, подчеркивая процессуальность и деятельностную природу этого феномена.

Если мы рассматриваем форсайт как комплексную деятельность, то можем говорить о совокупность используемых в ходе ее реализации методов. Так поступает Р. Поппер, трактующий форсайт как целостное явление, располагающее широким массивом методов работы с будущим – от экстраполяции трендов до включения персональной способности воображения в рамках футурологической эссеистики [\[3\]](#). При этом, как показывает анализ конкретных форсайтов, в зависимости от задач в его структуре начинает доминировать та или иная деятельностная составляющая – прогнозная, плановая, проектная, рефлексивная, социально-технологическая, а значит, те или иные методы и организационные форматы выходят на первый план (подробнее см.: [\[1\]](#)).

Последний вывод принципиально важен в плане исследовательских подходов к изучению и концептуализации форсайта и говорит в пользу необходимости в первую очередь смотреть не столько на методологическое или деятельностное своеобразие данного феномена, сколько на условия его формирования и те социальные и научные запросы, на которые он был призван ответить. Форсайт сформировался в условиях: 1) ставшей очевидной неэффективности количественного прогнозирования для решения задач социального предвидения, 2) слабой обоснованности новых методов так называемого качественного прогнозирования – экспертных методов формирования предположений о будущем на основании профессионального опыта и личной прозорливости; 3) краха проекта футурологии – науки о будущем, аналогичной истории и способной предоставлять обоснованные выводы о состоянии социума и различных его подсистем в будущем (подробнее см.: [\[4\]](#)). Все перечисленные подходы по отдельности оказывались нерелевантными, а пути их интеграции были неясны. Кроме того, обнаружился разрыв между производством знания о будущем и использованием этого знания в управлеченской практике – ни одна иная область научного познания не

характеризовалась столь сильной рефлексивностью предсказаний, как социально-экономические дисциплины [\[5\]](#). Все это требовало разработки не просто новых подходов, но новой стратегии, которая позволила бы не только предвидеть в области социального познания, но успешно действовать, эффективно управляя социальными процессами и развитием общества в целом.

Обозначенный запрос определяет специфику форсайта как одновременно познавательной деятельности и социального конструирования, исследовательской и управлеченческой практики. Одним из наиболее ярких примеров амбивалентности форсайта является конститутивный для него принцип участия, итоги анализа которого представлены в данной работе. Далее будет показано, что принцип участия выступает как эпистемологической, так и организационно-деятельностной нормой, а методологическое разнообразие подкрепляется эпистемическим – разнообразим источниками знания, и агентным – разнообразием участников, задействованных в выработке прогнозов, планов и проектов.

Кто и как реализует форсайты? – вопрос, не имеющий однозначного ответа. Вместе с тем, именно он принципиально важен, поскольку именно при попытке ответить на него большинство представителей эпистемологии и философии науки делают вывод, что речь идет не о научно-исследовательской деятельности, а, например, о социальной технологии [\[6\]](#). Форсайт может быть принят на вооружение правительственными структурами на федеральном и местном уровне и в этом случае выполняться в рамках специальных подразделений. В качестве примеров можно привести Центр стратегических перспектив (The Centre for Strategic Futures) в Сингапуре [\[7\]](#) и Комитет по будущему (The Committee for the Future) при парламенте Финляндии [\[8\]](#). Форсайт может реализовываться и специальными научными институциями либо подразделениями при уже существующих научных учреждениях. Так, в Японии, считающейся родоначальницей в организации форсайтов, за их проведение уже более тридцати лет отвечает Национальный институт научно-технической политики (National Institute of Science and Technology Policy) [\[9\]](#), а в России действует специальное структурное подразделение Института статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики» – Международный научно-образовательный Форсайт-центр [\[10\]](#). Форсайт имеет место в организациях, где его могут проводить как ее сотрудники при экспертной поддержке со стороны, так и определенные подразделения (см., например, [\[11\]](#)). Кроме того, форсайтинг практикуют различные общественные организации, в России его, например, широко использовало Агентство стратегических инициатив, даже развивая собственные методики [\[12\]](#).

При этом агентная структура форсайта весьма необычна – в форсайтинге могут быть задействованы не только профессионалы в области экономического, технологического, политического прогнозирования, но и представители соответствующих сфер деятельности, не являющихся прогнозистами или управленцами.

Отсутствие фиксированного субъекта превращает форсайт в совокупность предписаний, указывающих что и как делать для получения того или иного результата, и это позволяет определять его в качестве социальной технологии (определение социальной технологии см. в [\[13\]](#)). Продуктом форсайта оказываются знания (прогнозы), предписания (планы, программы), социальные взаимодействия и связи (знакомства, коллaborации, проектные группы), социальные институции. Научная деятельность, будь то исследовательская или инженерная, тоже технологична, но исполнение соответствующих предписаний в случае

науки требует наличия определенных субъектов – специально подготовленных и объединенных в рамках одного социального института. Форсайт опирается на принципиально иной подход к производству знаний и проектов, именно он и создает видимость универсального инструментария, применяя который каждый может получить желаемый результат. Однако опыт мирового форсайтинга говорит о том, что эта деятельность изначально строится как профессиональная, точнее, конструируется специалистами как профессиональная инновация, и привлечение к ней непрофессионалов является элементом такой инновации, а не примером применения социальной технологии. Чтобы понять, каким образом и на каких основаниях это происходит, нужно проанализировать одну из конститутивных идей форсайта.

Партиципативность как организационный принцип форсайт-деятельности. Одна из существенных черт форсайта – реализация «партиципативного» подхода (participative approach) в отношении эпистемических и деятельностных ресурсов [\[14, р. 8\]](#). Термин «participation» можно переводить по-разному. Как представляется, уместным является слово «участие» – наиболее общее по объему. Иные аналоги, такие как соучастие или партнерство, сужают смысл партиципации, которая применительно к форсайту предполагает ту или иную форму вовлечения широкого круга, с одной стороны экспертов, с другой – заинтересованных лиц (стейкхолдеров), в различных видах деятельности, направленной на будущее, – прогнозировании, планировании, рефлексии, проектировании. Не вполне подходит и слово «сотрудничество», поскольку предполагает паритетные, а главное, состоявшиеся отношения, тогда как участие – только первый шаг к сотрудничеству.

Суть партиципативности, или принципа участия, заключается в императиве привлечения и вовлечения в специализированную деятельность – т.е. деятельность, отличающуюся определенными формами процессуальности и требующую от субъекта определенной подготовки, знания общих норм и конкретных приемов, – тех кто не проходил специальную подготовку, не обладает опытом и навыками и профессионально занят в других сферах деятельности, но так или иначе связан с исследуемым, прогнозируемым, обсуждаемым, конструируемым объектом.

Развитие партиципативности мотивировано двумя соображениями. Первое связано с социальными и управлеченческими задачами, с идеей социальных преобразований, создания новых социальных контактов, сетей взаимодействия, институций. Второе – с необходимостью интегрировать множество знаний, по большей части не объективированных, не воплощенных в каких-то текстах или привычных видах практики, а жестко связанных с так называемым личностным знанием – тем знанием, которым располагают отдельные люди в силу имеющегося у них опыта, особенностей их жизни и деятельности, в том числе когнитивной. Велика доля такого рода знаний в общей совокупности знаний, которыми обладают те, кого принято определять в качестве экспертов. Эксперты знают то, что еще не объективировано, и даже то, что сами могут быть не в состоянии четко вербализировать, по крайней мере, вне процедур экспертного анализа каких-то проблем. Чем сложнее проблема, чем она комплекснее, тем в меньшей степени ее можно решить с привлечением одного эксперта. Так формируется практика коллективной экспертизы – сначала дисциплинарной, потом поли- и междисциплинарной, и наконец, метанаучной (трансдисциплинарной) [\[15\]](#).

В самих по себе экспертных практиках дисциплинарного и междисциплинарного типа, впрочем, нет ничего нового, чего-то такого, что потребовало бы введения нового термина. Появление понятия партиципативности связано с идеей расширения состава

участников тех видов деятельности, субъектность которых жестко определена. Если речь идет о научной деятельности, то ее индивидуальный субъект – ученый, коллективный – научное сообщество. Когда проводится прогнозное исследование, его субъект – коллектив специалистов в области определенного предметного вида прогнозирования. Принцип участия описывает не подобные коллективные формы научного познания и научно фундированной деятельности (например, управления), но такие формы, которые трансформируют представление об агенте познания и действия. Примерами подобной трансформации могут служить:

- партисипационные исследования (participatory action research) в социогуманитарных науках, предполагающие, с одной стороны, вовлеченность исследуемого в порождение знания ни в качестве объекта, а в качестве субъекта исследовательского процесса, а с другой – вовлеченность ученого-исследователя в прагматический контекст, делающий получаемые знания практически ценными для исследуемого [\[16\]](#);
- гражданская наука (citizen science), основанная на участии в научно-исследовательской деятельности ученых-любителей и непрофессионалов [\[17\]](#);
- оценка научно-технических проектов и инноваций (technological assessment), осуществляемая широким кругом лиц – ученых, управленцев, предпринимателей, представителей различных социальных групп, религиозных институтов и т.д.;
- выработка управленческих решений с участием различных заинтересованных сторон (participative management) [\[18\]](#);
- коалиционная выработка рамочных условий или проектов развития с привлечением широкого круга так или иначе причастных и заинтересованных акторов (participatory development) [\[19\]](#).

Кроме того, имплицитно принцип участия присутствует также в:

- технонаучной программе развития науки;
- концепции постакадемической формы науки;
- концепции трансдисциплинарного диалога как модели выработки коллективного видения проблем метанаучного характера.

Во всех перечисленных практиках и трех названных концепциях наблюдается размыкание замкнутых научных и профессиональных обществ, выступающих в виде замкнутых эпистемических групп, формирование общего эпистемического поля. Этот процесс наиболее точно схватывается в идее трансдисциплинарности как ее развивает Л.П. Киященко [\[20\]](#). В пространстве трансдисциплинарности как едином эпистемическом пространстве наука выступает не выделенной, а лишь одной из многих познавательных инстанций. Целый ряд проблем и задач может быть решен только в такой перспективе, при этом речь идет и о прагматических, и о мировоззренческих задачах, и тем самым отрицается исключительность научного или какого-то другого вида познания как в качестве производящего однозначные критерии приемлемости того или иного решения, так и в качестве главной основы мировоззрения современного человека.

В более широком деятельностном горизонте трансдисциплинарность превращается в делиберативную стратегию политического и управленческого процессов. Каждый имеет право голоса не только в силу изначального равенства прав и свобод, но в силу

ценности его локальных познавательных и деятельностных возможностей (индивидуальных, обусловленных спецификой социокультурного положения, особенностями профессиональной занятости или исключительного личного опыта). Каждый видит и может сделать то, что не замечают и не могут реализовать другие. Подчеркнем, что речь идет не об эпистемологическом плюрализме или релятивизме и не о доминирующей ценности локального знания, а фактически об «ассимиляции» этих явлений классической эпистемологической позицией, подразумевающей такие структурообразующие понятия, как истина и объективность. Это «ассимиляционное» движение опирается на осознание того факта, что существование сообществ – начиная с небольших социальных групп и кончая национальными и, наконец, глобальным – требует преодоления эпистемологического релятивизма и связанной с ним и, казалось бы, неизбежной локальности любого знания. Это преодоление не есть преодоление многообразия. Оно, наоборот, предполагает работу с многообразием, но такую, которая не ведет к эпистемологическому релятивизму. Удерживать многообразие удается только в условиях постоянного диалога и перехода от одних консенсусных решений к другим. Общая картина мира оказывается мозаичной, но не отрицательном смысле. Как мозаика передает образ репрезентируемого объекта, так же и реальность должна представлять в многообразии перспективистских знаний, которыми обладают различные акторы. Принципиальное отличие от инкрустированного изображения состоит в стационарности последнего и динамичности системы представлений, основанной на интеграции различных эпистемических перспектив. Эта динамичность связана не только с постоянным обновлением каждого кусочка мозаики в силу его собственного развития, но и благодаря взаимодействию всех кусочков друг с другом.

Формирование широкого эпистемического пространства имеет своим следствием более тесное переплетение познавательного и деятельностно-преобразовательного отношения, что также находит отражение в ряде научных практик, например, упомянутых партисипационных исследованиях, и концепциях развития науки. Это обусловлено тем, что например, обыденное познание отличается большей укорененностью, встроеннostью в совокупность практических потребностей. Принцип участия можно, скажем так, развернуть в иную сторону и говорить уже не об участии иных субъектов в научных, в частности прогнозных или планово-проектных мероприятиях, но о более активном участии науки в жизни общества.

Подведем итог разбору содержания и функционала принципа участия: этот принцип отвечает, с одной стороны, на эпистемологические, с другой – на социальные вызовы, обусловленные развитием общества – повышением общего уровня образованности, гуманности и социального участия, которое в свою очередь базируется на возрастании доступности широким слоям населения эпистемических и социальных ресурсов. В новых реалиях перестают работать многие классические стратегии социального действия, в том числе управлеченческие, инженерные, исследовательские паттерны. Форсайт, опираясь на принцип участия, выступает комплексным ответом на эти трансформации в одной из областей социального познания и действия – области предвидения и конструирования будущего. С учетом такого генезиса форсайта, определять его исключительно как социальную технологию значит упрощать реальность, игнорируя системный социально-эпистемический характер форсайта как продукта развития общества знаний.

Реализация принципа участия и агентная структура форсайта. Как было показано в [21], большинство научных практик, воплощающих принцип участия (например, научный краудсорсинг), не приводит к эффектам партнерства обобщенных ученого и неученого как носителей специфических эпистемических компетенций. Поэтому и о формировании

коллективного субъекта, не тождественного с научным сообществом, говорить невозможно. Но если мы обращаемся к общезначимым знаниям мировоззренческого и практического характера, то здесь оценка уже не может быть столь однозначной, поскольку формирование подобного знания происходит в упомянутом широком эпистемическом пространстве, а не путем трансляции научных знаний, и предполагает выход науки за собственные эпистемические границы, попытку установить контакт и точки соприкосновения с другими видами знания. Общезначимые знания – необходимый фундамент трансдисциплинарного диалога. При всем различии мировоззрений, нужно иметь общее поле знаний.

Однако вспомнив, что мировоззрение и категориальный строй культуры оказывают влияние на нормы и идеалы научной деятельности, мы обнаружим трансфер и в обратном направлении. Поэтому ретроспективно коллективный субъект, стоящий за научным познанием, но не редуцируемый к научному сообществу, может быть обнаружен. Тем не менее это явно не совсем то, что мы подразумеваем под агентом научной деятельности. Сегодня, когда интерактивным каналом такого трансфера выступает техноэкспертиза и научная политика с участием общественности, ситуация несколько меняется и отчасти неученый также оказывается субъектом развития науки. В чем же принципиальная разница? В том, что в рамках техноэкспертизы не утрачиваются индивидуальные или групповые коллективности, на основании которых формируется более широкий коллектив.

Форсайт как комплексная деятельность, реализующая и познавательный, и проектный интерес в отношении будущего, востребована, конечно, не только в рамках реализации программ партисипативного управления и партисипативного развития, а также техноэкспертизы трансдисциплинарного типа. Форсайт может быть и междисциплинарным, таким, при котором вовлечение знаний непрофессионалов строится традиционным путем – посредством социологических опросов [\[22\]](#). Хотя внимание к различным социальным акторам оказывается и в этом случае большим, чем при традиционном социально-экономическом прогнозировании, никакого расширения субъектности при этом не происходит. В полной мере принцип участия реализуется в делиберативных и интерактивных формах форсайта (конференции, общественные слушания, игровое моделирование и др.).

При форсайтах, включающих других социальных акторов и их мнения путем опросов, анкетирования и т.д., связь между мнением респондента и итоговым результатом форсайта – прогнозом или дорожной картой – является довольно опосредованной. Знакомясь с таким результатом, респондент фиксирует какие-то совпадения с собственными ожиданиями и чаяниями, но не более того. Казалось бы, если речь идет о прогнозе, скажем развития городской среды, в такой ситуации нет ничего вызывающего у респондента неудовлетворенность – он и не претендует на знание целостной картины. Однако сегодня в условиях декларируемых демократичности и доступа к принятию социально значимых решений, открытости информации и наличия в публичном пространстве множества экспертов, растолковывающих то, что может оказаться недоступным для понимания, в отношении социальных объектов каждый причастный к ним актор имеет «картину целого». Поэтому городской житель (образованный, социально активный и любознательный) способен критически оценить прогноз и высказать ему недоверие. Еще очевиднее возможность претензий в случае дорожных карт, исходящих не только из наличного, но и из желательного.

Несогласием граждан с полученными прогнозами или проектами только на первый

взгляд можно пренебречь. Потому что реализация зафиксированного будущего зависит от каждого – хотя бы в форме уплаты налогов и поддержки властей на выборах. Недемократичность процедур формирования стратегий и проектов развития может дорого обойтись управленцам. Кроме того, как показывает Ф. Хайек, даже при согласии граждан план или проект могут оказаться неэффективными в случае некорректного учета той информации, которой располагают жители [\[23\]](#). Эта информация может не подлежать передаче в статистической форме уже в силу того, что опросники формируются теми, кто не обладает опытом проживания в тех или иных районах и условиях и просто не задаст респондентам необходимые вопросы. При открытых вопросах (типа «перечислите важнейшие технологические нововведения, в которых нуждается Ваш район/город») возникает проблема интерпретации – как респондентом вопроса, так и аналитиком собранных ответов.

Обозначенные ограничения снимаются в рамках делиберативных форм реализации форсайта. Личностные знания и точки зрения городских жителей не то, что не превращаются в статистику, а предстают аутентично. В ходе дискуссии носители локального опыта лучше осознают его и формулируют знания в виде, более подходящем для коллективного пользования. Тем самым форсайт формирует полиагентную среду, которой и предстоит работать над картиной будущего – в принципе возможного и наиболее для всех агентов приемлемого. Полиагентная структура в начальной точке форсайта является и полисубъектной. Однако выработка общего видения, интеграция знаний, согласование мнений и интересов позволяет переходить от полисубъектности к коллективной субъектности. Ее основанием выступает с одной стороны проектная идентификация [\[24\]](#), с другой – формирующиеся ценностные императивы.

Заключение: оценка степени и пределов реализации принципа участия в практике форсайтинга. Итак, отвечая на проблемы социального предвидения и управления социальными системами, социальная наука и социальная практика в конце прошлого века двинулись по пути усложнения своего инструментария. Это в полной мере соответствует закону Эшби, в соответствии с которым управление может быть эффективным только в том случае, когда управленческая система достаточно сложна (имеет достаточный уровень разнообразия) по отношению к сложности объекта управления. Принцип участия в этом контексте выступает деятельностной нормой, направленной на вовлечение в управленческий процесс наибольшего количества эпистемических и деятельностных ресурсов. С этой точки зрения, методологическое разнообразие форсайта является лишь одним из проявлений приверженности данной идеи – на уровне конкретного инструментария. При этом такой инструментарий включает не только научные методы, но все возможные способы конструирования человеком образов будущего, и вслед за расширением агентности форсайта за пределы науки и профессионального сообщества расширяет его за границы обоснованного знания.

Последнее показывает, что при своей всей эвристичности принцип участия как принцип организации коллективной познавательной деятельности таит угрозу релятивизации и хаотизации этого процесса. Здесь могут быть сформулированы те же опасения, о которых писал А.П. Назаретян применительно к закону Эшби: если разнообразие является безусловной ценностью, то в области социального это ведет к отрицанию всякой регуляции общественной жизни [\[25, с. 225\]](#). В самом деле, этические и юридические нормы снижают уровень разнообразия, а потому должны быть признаны вредными. Ответить на эту дилемму может принцип иерархических компенсаций, или закон Седова (Е.А. Седов – советский кибернетик и философ), предполагающий, что разнообразие иерархически распределено в системе и при высоком разнообразии на высших уровнях

требуется низкое разнообразие на низших и наоборот [26, с. 119–139]. Можно сказать, что форсайт отвечает и этому принципу: разнообразие точек зрения на социальное будущее, возникающее из разных социальных и эпистемических перспектив, должно свестись к консенсусной позиции коллективных прогноза, плана и социального проекта. Таким образом, принцип участия действует на уровне индивидуальных и групповых субъектов, тогда как на уровне выработки результата – эпистемического и деятельностного – мы имеем дело с редукцией сложности и менее разнообразным, но операционально более эффективным результатом. Подобный результат, включающий знания, позиции, установки, предписания и социальные договоренности, позволяет так организовывать действия социальных агентов, чтобы минимизировать нежелательные состояния социальной системы и максимизировать желательные, т.е. реализовывать основную функцию управления.

В дополнение к сказанному стоит признать, что на практике принцип участия действует в ограниченном масштабе. Форсайты, проводимые в разных странах (подборку отчетов и анализ которых можно найти на русском языке в журнале «Форсайт») показывает, что он по-прежнему тяготеет либо к академическим, либо, по крайней мере, к профессионализированным формам, в то время как делиберативные формы работают как социальные технологии адаптации общества к быстро меняющейся социальной реальности. Но на уровне парадигмальной рамки и соответствующего дискурса форсайт позиционируется именно как один из примеров реализации партисипативного подхода, а значит, есть все основания полагать, что практика будет постепенно трансформироваться в сторону нормативного идеала.

Библиография

1. Пирожкова С.В. Форсайт («Foresight») как форма социального проектирования // Философия науки и техники. 2019. Т. 24. № 2. С. 109–123.
2. Foresight as a Strategic Long-Term Planning Tool for Developing Countries. Singapore: UNDP Global Centre for Public Service Excellence, 2014.
3. Popper R. Mapping Foresight. Revealing how Europe and other world regions navigate into the future. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2009. 128 p.
4. Пирожкова С.В. Прогнозные и футурологические исследования: к вопросу разграничения компетенций // Философские науки. 2016. № 8. С. 100–113.
5. Grunberg E. Predictability and Reflexivity // American Journal of Economics & Sociology. 1986. Vol. 45(4). P. 475–488.
6. Розин В.М. Социальная технология «форсайт» или политика и общество? // Политика и Общество. 2014. № 11. С.1419–1441. URL: https://en-notabene.ru/psmag/article_54310.html
7. Centre for Strategic Futures. Official Website. URL: <https://www.csf.gov.sg/>
8. Committee for the Future. Special section on Parliament of Finland' Website. URL: <https://www.eduskunta.fi/EN/valiokunnat/tulevaisuusvaliokunta/Pages/default.aspx>
9. National Institute of Science and Technology Policy. Official Website. URL: <https://www.nistep.go.jp/en/>
10. Форсайт-центр. Официальная страница. URL: <https://foresight.hse.ru/>
11. Березной А. Корпоративный Форсайт в стратегии транснационального бизнеса // Форсайт. 2017. Т. 11. № 1. С. 9–22.
12. Форсайт-флот. Создавая реальное будущее вместе. 2012–2016. URL: <https://asi.ru/foresighttrip/> (дата обращения: 12.08.2019).
13. Касавин И.Т. Об эмпирической базе исследования социальных технологий: типологические соображения // Наука и социальные технологии / Отв. Ред. И.Т.

- Касавин. М.: ИФ РАН, 2011. С. 3–8.
14. Coates V., Farooque M., Klavans R. et al. On the future of technological forecasting // *Technological Forecasting and Social Change*. 2001. Vol. 67(1). P. 1-17.
15. Pirozhkova S.V. Socio-Humanistic Support for Technological Development: What Should It Be Like? // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Vol. 88(3). P. 210–219.
16. The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice / Ed. by P. Reason and H. Bradbury. London: Open University Press, 2008. 720 p.
17. Haklay M. Citizen Science and Policy: A European Perspective. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2015. 67 p.
18. Halal W.E., Brown B.S. Participative management: myth and reality // *California Management Review*. 1981. Vol. XXIII. No. 4. P. 20–32.
19. Kyamusugulwa P.M. Participatory Development and Reconstruction: a literature review // *Third World Quarterly*. 2013 Vol. 34. No. 7. P. 1265–1278.
20. Киященко Л.П. Философия трансдисциплинарности: подходы к определению // Трансдисциплинарность в философии и науке. Подходы. Проблемы. Перспективы / Под ред. Р. Шольца, В. Бажанова. М.: Навигатор, 2015. С. 109–135.
21. Пирожкова С.В. Принцип участия и современные механизмы производства знаний в науке // Эпистемология и философия науки / *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018. Т. 55. № 1. С. 67–82.
22. UNIDO Technology Foresight Manual. Vol. 1. Organization and Methods. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2005. 247 p. URL: https://forschungsnetzwerk.ams.at/dam/jcr:a7d1fdce-a692-4652-841d-f87f31f79881/unido_volume1_unido_tfores_manual.pdf (дата обращения 30.10.2024).
23. Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society // *The American Economist Review*. 1945. No. 4. P. 519–530.
24. Лепский, В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Когито-Центр», 2019. 340 с.
25. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование.) 2-е изд. М.: Мир, 2004. 367 с.
26. Седов Е.А. Одна формула и весь мир. Книга об энтропии. М.: Знание, 1982. 176 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье можно выделить две составляющих. С одной стороны её можно рассматривать как обобщающую картину такого явления современной социальной и интеллектуальной жизни, как форсайт. С этой точки зрения можно говорить об актуальности работы как весьма квалифицированного опыта представления широкому кругу читателей итогов «философско-научного изучения» (выражение автора) рассматриваемого феномена. Автор справедливо указывает в этой части статьи на сложность и комплексный характер форсайта, склоняясь даже к мнению о естественности положения, при котором специалисты не могут согласовать свои принципиально различные определения этого явления. Последнее обстоятельство, впрочем, не может не вызвать замечания, что отсутствие в научном сообществе согласия по поводу определения этого «рамочного» понятия (вспомним, что определение – выражение в речи сущности понятия) свидетельствует о том, что само понятие остаётся до сих пор неотрефлектированным, оно используется как формальная

метка, скрывающая от широкого круга читателей под «модным» словом отсутствие смыслового единства, то есть отсутствие «понятия» в непосредственном значении этого термина. Конечно, можно возразить, что всякое понятие проходит некий «период оформления», в продолжение которого его смысл «кристаллизуется», прежде чем слиться в действительное единство. И в данном случае автор, конечно, справедливо указывает на невозможность отделить в рассматриваемой деятельности «знания от коммуникаций и производства и воспроизведения социальной реальности», указывает на то, что «форсайт функционирует как в качестве особого методологического подхода к социальному прогнозированию и планированию и особой формы организации прогнозных исследований и планово-проектных мероприятий, так и в форме социальной технологии и инструмента управленческой деятельности, а также особой социальной практики». «Наивный» читатель, однако, может спросить, а следует ли «покрывать» всё подобное разнообразие и даже «разнородность» социальной практики одним словом? Не препятствует ли подобный подход осмыслению столь разных видов деятельности, ведь, очевидно, «аналитический этап» становления понятия должен предшествовать концептуальному синтезу? С другой стороны, статья может быть определена как оценка автором «принципа парсипативности» форсайта. В этой части автор предлагает читателю свои размышления о факторах, которые способствуют необходимости привлечения внимания к указанному принципу (актуальность социальных и управленческих задач, необходимость осмыслиения тенденций «социальных преобразований, создания новых социальных контактов, сетей взаимодействия, институций»; «необходимость интегрировать множество знаний, и т.д.»). Признание всей важности «принципа парсипативности» не мешает, однако, автору видеть и связанные с акцентированием внимания на нём опасности: «принцип участия как принцип организации коллективной познавательной деятельности таит угрозу релятивизации и хаотизации этого процесса». Оценка автором «принципа парсипативности» как естественной «точки зрения» на изучение форсайта, в отличие от первой части статьи, рассчитана, скорее, не на широкий круг читателей, а на специалистов, которые могли бы включиться в обсуждение проблемы. Вряд ли правильно утверждать, что статья носит новаторский характер, а её содержание может быть представлено как исключительно оригинальное, но во всех других отношениях она заслуживает самой высокой оценки. Представленный текст отличают компетентность и взвешенность оценок, в процессе знакомства с ним почти не возникает замечаний относительно стилистики, пунктуации, и т.п. Рецензируемая статья заслуживает публикации в научном журнале.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Зотов В.В., Гаврильченко К.Э., Губанов А.В. Оценка влияния рисков социотехнической конвергенции на процесс цифровой маргинализации // Социодинамика. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.12.72582
 EDN: YMRIUZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72582

Оценка влияния рисков социотехнической конвергенции на процесс цифровой маргинализации

Зотов Виталий Владимирович

ORCID: 0000-0003-1083-1097

доктор социологических наук, кандидат философских наук

профессор; Учебно-научный центр гуманитарных и социальных наук; Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)

141701, Россия, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., 9

✉ om_zotova@mail.ru

Гаврильченко Кирилл Эдуардович

ORCID: 0009-0003-4424-2423

аспирант; кафедра социальных технологий и государственной службы; Белгородский государственный национальный исследовательский университет
 младший научный сотрудник; Учебно-научный центр гуманитарных и социальных наук; Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)

141701, Россия, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., 9

✉ gavril4e@yandex.ru

Губанов Александр Владимирович

ORCID: 0000-0003-4810-6165

кандидат социологических наук

старший научный сотрудник; Учебно-научный центр гуманитарных и социальных наук; Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)

141701, Россия, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., 9

✉ aleksandrgubanov1@mail.ru

[Статья из рубрики "Мораль и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2024.12.72582

EDN:

YMRIUZ

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2024

Дата публикации:

24-12-2024

Аннотация: В статье рассматривается феномен социотехнической конвергенции, обуславливающей гибридизацию социального пространства, в котором одновременно разворачивается взаимодействие людей друг с другом как в цифровом, так и в реальном пространстве. Предметом исследования стало влияние данного феномена на процесс цифровой маргинализации, выражаяющуюся в переходе индивидов в промежуточное состояние между названными социальными пространствами. Люди, которые ограничивают использование цифровых сервисов, устройств и технологий или отказываются от них вовсе, могут в той или иной степени оказаться исключёнными из цифрового формата жизни современного общества. При изучении процессов цифровой маргинализации части населения важно учитывать опасности и риски социотехнической конвергенции, влияющие на этот процесс. Цель данного исследования заключается в оценке воздействия разнообразных рисков социотехнической конвергенции на процесс маргинализации населения. Методологические основы исследования цифровой маргинализации – концепция социокультурной маргинализации и отечественная концепция структурной маргинализации, адаптированными к новым реалиям гибридного социального пространства. Методологические основы исследования рисков социотехнической конвергенции связаны с концепцией конвергенции опасностей в риски. Методом эмпирического исследования стал экспертный опрос специалистов, связанных в своей профессиональной деятельности с цифровой трансформацией. В ходе исследования было установлено, что основными рисками социотехнической конвергенции являются технико-технологические, социотехнические риски и риски социальной уязвимости. Согласно экспертным оценкам, технико-технологические и социотехнические риски, которые ведут к нарушению безопасности использования цифровых сервисов и технологий, становятся критически важными, поскольку именно отсутствие безопасности в гибридном цифровом пространстве приводит к тому, что люди склонны либо ограничить использование цифровых устройств, технологий и сервисов, либо отказаться от них, что способствует их маргинализации. Риски социальной уязвимости, усугубляющие процесс маргинализации, включают внутреннее сопротивление изменениям, недостаток умений и знаний для использования цифровых устройств, технологий и сервисов, а также отсутствие необходимых технических средств для работы с ними.

Ключевые слова:

социотехническая конвергенция, цифровая маргинализация, гибридизация социального пространства, опасность, риск, экспертный опрос, цифровое общество, маргинализация, социокультурная маргинализация, структурная маргинализация

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00716 «Цифровая маргинализация в условиях социотехнической конвергенции»)

Введение

Термин «социотехническая конвергенция» обозначает процесс взаимодействия технических и технологических элементов цифровых услуг, устройств и технологий с человеческими агентами, что приводит к формированию новой социотехнической реальности. Эта реальность не может быть адекватно проанализирована исключительно через призму социальных или технических факторов, поскольку она представляет собой сложную систему взаимозависимостей между технологическими инновациями и социальными практиками.

В результате социотехнической конвергенции происходит гибридизация социального пространства — смешанное взаимодействие людей друг с другом в виртуальных и реальных средах. Пример такого гибридного социального пространства можно наблюдать в ситуации, когда люди общаются одновременно в рамках реальной встречи и через социальные сети или мессенджеры, создавая единый поток общения, который включает элементы обоих миров. Таким образом, мы сталкиваемся с новой гибридной реальностью, где реальный и виртуальный миры соединяются, а технические и социальные системы сосуществуют и взаимодействуют.

В условиях современной повседневности цифровые сервисы, устройства и технологии играют все более значимую роль. Сегодня их применение является необходимым условием адаптации к стремительно изменяющимся реалиям окружающего мира. Часть людей активно воспринимает инновации и использует их с большим интересом, однако другая часть относится к новым технологиям с осторожностью, иногда и неприязнью. Результатом этого становится ситуация, когда индивид начинает менять свои связи и отношения в привычной среде своего обитания на их цифровой формат, чтобы адаптироваться к условиям гибридного социального пространства. На этот период он, в сущности, остаётся в пограничном состоянии между цифровой и физической реальностями. В социологии такое пограничное, переходное состояние между двумя образами жизни, связанными с различными социальными группами/общностями, традиционно называют маргинальным положением. Но есть и те, кто не принимает данные изменения. Они могут оказаться за пределами активно развивающейся «гибридной реальности» и в той или иной мере быть исключены из жизни общества. Здесь мы уже имеем дело с отчуждением человека от общества, равно как и общества от человека.

В контексте современных реалий феномен маргинальности требует пересмотра, что обуславливает потребность в уточнении факторов, влияющих на его эволюцию. Среди последних, согласно нашей гипотезе, необходимо выделить риски социотехнической конвергенции. Отсюда крайне актуальным представляется при изучении процессов возможной маргинализации части населения в условиях интенсивно развивающейся цифровой среды понимать влияние рисков социотехнической конвергенции на возникновение данного явления.

Объектом исследования выступил феномен социотехнической конвергенции, обуславливающей гибридизацию социального пространства, благодаря которой разворачивается одновременное взаимодействие людей друг с другом и в цифровом, и в реальном пространстве. **Предметом** исследования стало влияние данного феномена на процесс цифровой маргинализации, которая предстает как переход индивидов в промежуточное состояние между этими двумя социальными пространствами. **Цель** данного исследования заключается в оценке воздействия разнообразных рисков социотехнической конвергенции на процесс маргинализации населения.

Теоретико-методологические основы исследования

В силу новизны исследования влияния феномена социотехнической конвергенции на процессы цифровой маргинализации, необходимо обратиться к теоретико-методологическим основаниям анализа как самой маргинализации, так и оценки социотехнических рисков.

1. Понятие "маргинальность" было введено в социологию в 1920-х годах Р.Э.Парком, который был представителем Чикагской школы социологии города [19]. Он, исследуя иммиграントские сообщества в американских городах и расовое межкультурное взаимодействие, поставил вопрос о «пограничном» типе человека, ведущего своё существование на границы различных культур. Он считал, что явление маргинальности связано с процессом адаптации мигрантов, оказавшихся в новом, непривычном для себя социокультурном этнопространстве. По мнению Р. Парка, маргинальный человек проживает одновременно в двух мирах – в своём, традиционном, и новом, приобретённом. Поэтому его социальные позиции в социуме сравнительно шаткие. В этом случае маргинальная личность представляет собой результат этносоциальных трансформаций в глобализирующемся мире. Феномен маргинальности рассматривается переходное состояние от одного образа (уклада) жизни – к другому, от одной культуры – к другой [12]. Идеи Р. Парка, в частности, продолжает развивать М.Д. Напсо. Согласно её взглядам, маргинальность (маргинальное положение) индивида оказывает влияние на его сознание, образ жизни и поведение весьма противоречивым образом [9].

В отечественной науке, чаще считается, что феномен «маргинализации» детерминирован процессами изменений в социальной структуре, поэтому этот процесс определяется как вытеснения индивидов или целых социальных групп за пределы существующей социальной структуры в результате общественных трансформаций [7], резкого социально-экономического и социально-культурного переструктурирования общества [10]. Исходя из этого основной тенденцией трансформации социальной структуры современного российского общества – это углубление неравенства по экономическим, политическим, социальным и другим показателям [11, с.128]. Особенность образования маргинальных позиций можно связать с изменениями социального статуса, социальных связей, социокультурного окружения, потерей прежней самоидентификации, а также ценностных ориентаций. При этом в современном социально-гуманитарном дискурсе маргинальность нередко рассматривается как отрицательная черта, которую надо искоренять [2; 11].

Научное исследование маргинальности и маргинализации не утратило своего значения и в настоящее время, поскольку в ходе цифровой трансформации происходит становление гибридной социальной реальности. На наш взгляд, именно концепция социокультурной маргинализации Роберта Парка и отечественная концепция структурной маргинализации, адаптированные к новым реалиям гибридного социального пространства, могут стать методологическими основами исследования цифровой маргинализации современного общества.

По мере более глубокого погружения в «цифровую эпоху», растёт исследовательский интерес к пониманию и решению проблем маргинализации представителей отдельных уязвимых групп, обусловленных социальной изоляцией, цифровым разрывом и неравенством, неадаптированностью цифровых сервисов к особым запросам представителей этих групп [3;13;14;15;16;17;20]. К уязвимым группам населения обычно относятся женщины и дети, мигранты и беженцы, малые этнические группы и коренные народы, бездомные и пожилые люди. При этом анализ публикаций позволяет

утверждать, что исследования взаимосвязи процесса маргинализации в связи с развитием цифровых технологий практически не проводились.

2. В настоящее время существует множество различных точек зрения относительно того, как следует социологически определять опасности и риски, включая те, которые связаны с процессом цифровой трансформации.

Опасности носят объективный характер [8]. Поэтому определение опасности связывает её с объектом, то есть в нашем случае с процессом социотехнической конвергенции, ведущим к становлению гибридного социального пространства цифрового социума. Опасность есть комплекс различных факторов и условий, которые могут оказывать дестабилизирующее, деструктивное и/или дисфункциональное воздействие непосредственно на человека, его сознание или на среду его обитания. Это экзогенные, объективно обусловленные факторы и поэтому независящие от воли индивида.

В отличии от опасностей риски возникают как следствие восприятия и представления опасностей в сознании человека, то есть они субъективны. «Индивид учитывает лишь те вероятности, которые он себе представляет, а не те, какие существуют в действительности. При этом нет никакого основания полагать, что субъективные вероятности должны быть равны вероятностям объективным» [1]. При этом риск относится к субъекту, который принимает решение и действует в неопределённых условиях проявления опасностей [18, р. 23]. Таким образом, опасность связана с объектами, независимыми от индивида, который не может контролировать их или выбирать модели поведения. Риск возникает в момент выбора определённой модели поведения в конкретной ситуации проявления риска. «Риск – это конвертация опасностей, то есть процесс осознания и оценка уровня опасностей с позиций их влияния на самого человека, его повседневное поведение» [6, С.10]. Например, оценка вероятности возникновения пожара в квартире из-за неисправной электропроводки. Человек осознает опасность короткого замыкания, оценивает вероятность этого события и принимает меры для минимизации риска, такие как проверка состояния проводки или установка автоматических выключателей. На наш взгляд, будет вполне обоснованно определить «риск как экспекцию человеком проявления определённых опасностей, которые могут привести к деструкции сложившихся социальных практик повседневной жизни» [6, С.11]. А признание высокой доли вероятности наступления риска запускает процесс ограничения индивидами своего использования цифровых устройств, сервисов и технологий, или даже отказа от них. В итоге человек оказывается на границе цифрового мира, лишая себя более высокого уровня жизни.

Опасности социотехнической конвергенции можно классифицировать в зависимости от уровня субъектности на сервисные, интенциальные и ментальные [6].

Сервисные опасности связаны с техническими сбоями и ошибками в работе цифровых устройств, сервисов и технологий, то есть возникают без участия человека. Появление таких опасностей определяется ненадёжностью аппаратуры, отсутствием профилактики и несовершенством алгоритмов. К таковым опасностям следует отнести ошибки хранения, сбора, учёта, обработки данных, причиной которого становятся сбои в программном обеспечении и работе аппаратной части, а также любое иное нарушение алгоритмов работы систем искусственного интеллекта. Считается, что алгоритмы часто не справляются с маргинальными группами, отказывая им в доступе общественным благам и, тем самым, закрепляя существующее неравенство. Такие опасности при их конвертации превращаются в технико-технологические риски.

Но во многих случаях люди, а не технологии, образуют самое слабое звено в безопасности цифрового общества. Этим обстоятельством могут воспользоваться определённые «некороющие» субъекты цифрового пространства. **К интенциональным опасностям** относятся те, что вызваны преднамеренными действиями этих злоумышленников в отношении других его пользователей с целью нанесения вреда или ущерба. Они связаны с несанкционированным и неправомерным доступом к персональной информации как путём разработки и использования вредоносного программного обеспечения, так и посредством применения методов социальной инженерии. При конвертации такие опасности трансформируются и становятся социотехническими рисками.

Ментальные опасности представляют собой опасности, обусловленные особенностями когнитивного восприятия индивидами новой цифровой среды и их поведенческими паттернами в формирующемся гибридном социальном пространстве, которые зависят от наличия или отсутствия определённых ресурсов, таких как технические устройства, доступ к сети Интернет и различным цифровым сервисам. В данной ситуации человек своими действиями (или их отсутствием) делает свою жизнь значительно менее комфортной и безопасной. Данные опасности в рамках процесса конвергенции приобретают характер рисков социальной уязвимости.

Методы исследования

Для оценки влияния социотехнической конвергенции на процессы цифровой маргинализации был использован метод экспертных оценок. Как отмечают М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги, этот метод эффективен для оценки состояния объекта или ситуации, уровня отклонения их параметров, прогнозирования тенденций развития явлений и процессов, выработки форм и методов решения проблем, а также анализа причин явлений или процессов [\[4, С.140\]](#).

В качестве экспертов были выбраны специалисты, которые в своей деятельности сталкиваются с различными аспектами цифровой трансформации в целом и дискриминационными процессами в частности. В декабре 2024 года был проведён экспертный опрос среди специалистов посредством рассылки ссылок на анкету через электронную почту. Анкетирование было организовано при помощи сервиса Яндекс. В рамках данного исследования основное внимание уделялось изучению технико-технологических и социально-технических рисков, которые оказывают влияние на процессы маргинализации, а также анализировались социальные уязвимости, способные усиливать этот процесс.

Выборка была сформирована из следующих категорий: 1) государственные и муниципальные службы, занимающиеся вопросами информационных технологий (IT) и/или социальной сферы; 2) сотрудники предприятий сектора информационных технологий (IT); 3) члены политических партий, общественных организаций, а также руководители социально-ориентированных некоммерческих организаций; 4) представители научного и экспертного сообществ. Такой подбор экспертов может гарантировать соблюдение принципов типичности (выбор наиболее характерного представителя изучаемой практики) и компетентности (выбор специалиста из соответствующей области профессиональных знаний).

В общей сложности было отправлено 111 электронное писем. На эти письма были получены ответы от 106 респондентов. Далее шёл процесс отбраковки, в ходе которого из первоначального списка анкет исключались те, что либо были заполнены не по

инструкции, либо лица, их заполнившие, не подходили под критерии отбора для участия в исследовании (а именно по стажу и профилю деятельности). В итоге, после завершения процесса отбраковки, в окончательную выборку было включено 100 респондентов, чьи данные удовлетворяли всем установленным критериям и могли быть использованы для дальнейшего анализа.

Согласно программе исследования, оценка возможностей осуществлялась посредством оценивания различных вариантов. Оценивание было выполнено через выставление экспертами баллов по 10-балльной шкале, где у них также имелась возможность выразить собственное мнение относительно каждого варианта. Эксперты были проинструктированы о том, как следует оценивать влияние рисков на процесс маргинализации. Так, риск считался крайне важным при оценке более чем в 8 баллов; существенным – при оценке от 5 до 7 баллов; значимым – при оценке от 2 до 4 баллов; а отсутствие влияния соответствовало оценке в 1 балл.

Для основного сопоставления вариантов ответов использовалась медиана как оценка, выше которой выставили свои оценки более половины опрошенных экспертов. Для дополнительного анализа использовались – среднее значение (\bar{x}), рассчитанное путём сложения оценок каждого эксперта с последующим делением полученной суммы на их количество, а также среднее отклонение, рассчитанное следующим образом $1/n \sum |x - \bar{x}|$, где \bar{x} – выборочное среднее, а n – размер выборки. При этом, в отличие от стандартного отклонения, среднее отклонение менее чувствительно к экстремальным значениям («выбросам»). А поскольку в оценках экспертов присутствуют аномальные значения, близкие к противоположным относительно медианы, то обращение к данному показателю представляется уместным. Кроме того, следует отметить, что превышение среднего отклонения более чем на два балла свидетельствует о значительной степени расхождения во мнениях экспертов.

Результаты и обсуждение

Первоначально было оценено влияние технико-технологических рисков на процесс маргинализации (Таблица 1).

Таблица 1. – Оценка влияния технико-технологических рисков на процесс маргинализации по 10-балльной шкале.

Перечень технико-технологических рисков	Среднее значение	Среднее отклонение	Медиана
Сбой сервиса, который ведёт к утечке персональных данных пользователя	8,9	1,2	10
Утрата данных в следствии разрушения цифрового профиля пользователя	7,9	1,8	9
Чипирование (имплантация в тело микрочипов) для идентификации человека	7,2	2,4	8
Прозрачность персональных данных, собираемых цифровым сервисом, для сторонних организаций	6,9	1,8	7
Использование биометрии	6,8	2,2	7
Использование системы контроля перемещения (геолокации)	6,7	1,9	7
Предвзятость цифрового сервиса при решении проблема/запросов пользователя	6,7	1,9	7
Ошибочное принятие решений цифровым сервисом	6,7	2,1	7

Использование систем распознавания лиц	6,6	2,1	7
Непрозрачность алгоритмов принятия решений	6,4	2,1	7
Отсутствие настройки цифровых сервисов на использование людьми с особенностями развития (инвалиды, пожилые, больные и т.д.)	6,7	1,9	7
Сбой/ошибки идентификации при входе в аккаунт на цифровой платформе (сервисе)	5,2	2,2	5

Согласно представленным результатам для цифровой маргинализации наиболее существенными технико-технологическими рисками, набравшими более 8 баллов, являются следующие: «сбой сервиса, который ведёт к утечке персональных данных пользователя», «утрата данных в следствии разрушения цифрового профиля пользователя».

Следует отметить, что такой риск, как «чипирование (имплантация в тело человека микрочипов) для идентификации», также можно отнести к крайне существенным, поскольку медианное значение составило 8 баллов, то есть его выбрали в качестве такового более 50% экспертов. Однако разброс мнений экспертов по данному вопросу значителен – среднее отклонение превышает 2,5 балла. Стоит отметить, что 10% экспертов испытывали трудности при ответе на этот вопрос. Это свидетельствует о том, что имплантация микрочипов в человеческое тело – довольно спорная тема, рассуждение на которую вызывает разные реакции у экспертов. Можно согласится, что микрочипы могут значительно упростить взаимодействие с различными устройствами и сервисами (например, в случае бесконтактной оплаты, открытия прохода, аутентификации), повысить уровень безопасности и отслеживать состояние здоровья, отправляя уведомления врачам при возникновении проблем или даже автоматически регулируя дозировку лекарств. Но в данном случае открывается возможность идентификации человека по имплантированному чипу, что снижает степень свободы человека. Кроме того, многие люди испытывают страх перед внедрением новых технологий в своё тело, особенно учитывая, что в некоторых религиях и культурных традициях существует негативное отношение к вмешательству в человеческое тело.

Под оценку «значимый риск» попали все остальные предлагаемые для рассмотрения риски социотехнической конвергенции. Но некоторым из них экспертами не была дана однозначная оценка, а именно: «использование биометрии» и «сбой/ошибки идентификации при входе в аккаунт на цифровой платформе (сервисе)». Опять же, это, наверное, связано с неоднозначностью влияния данных рисков на процесс маргинализации. Например, внедрение биометрических систем можно рассматривать как одну из стратегий оптимизации взаимодействия с техническими средствами, аналогичную по своей сути имплантации микрочипов. Поэтому оценка экспертов в этом случае аналогична. А низкий уровень оценки риска сбоя/ошибок при идентификации входа в аккаунт на цифровой платформе (сервисе) для маргинализации обусловлен следующим. Проблема, возникающая вследствие сбоев или ошибок в процессе аутентификации при доступе к цифровым платформам, в настоящее время эффективно разрешается благодаря как оперативным мерам, принимаемым пользователями, обладающими необходимыми знаниями о процедуре входа, так и благодаря действиям владельцев цифровых платформ.

Таким образом, стремление к безопасности одна из основополагающих потребностей в жизни человека и общества в целом. Поэтому крайне важной оказывается безопасность использования цифрового сервиса, и при её отсутствии люди склонны ограничивать

использование цифровых технологий или отказываться от них, что и способствует их маргинализации.

Согласно представленным данным в таблице 2 наиболее существенными рисками по мнению экспертов являются следующие: «мошенническое использование чужих персональных данных для получения денежных средств граждан», «взлом аккаунта злоумышленником для дискредитации его владельца», «незаконное использование чужих персональных данных для получения выгод от компаний/государства», «создание поддельных аккаунтов (клонов) для введения мошеннической деятельности» (их средняя оценка более 8 баллов, а медианное значение - 9 баллов). Это указывает на то, что процесс маргинализации усиливается из-за деликатной деятельности некоторых участников гибридного пространства. Они используют технические и технологические возможности этого пространства для личного обогащения за счёт, как правило, уязвимых слоёв населения, тем самым усугубляя их отторжение нового гибридного мира.

Таблица 2. – Оценка влияния социально-технических рисков на процесс маргинализации по 10-балльной шкале.

Перечень социотехнических рисков	Среднее значение	Среднее отклонение	Медиана
Мошенническое использование чужих персональных данных для получения денежных средств граждан	8,7	1,4	10
Взлом аккаунта злоумышленником для дискредитации его владельца	8,6	1,4	9
Незаконное использование чужих персональных данных для получения выгод от компаний/государства	8,3	1,6	9
Создание поддельных аккаунтов (клонов) для введения мошеннической деятельности	8,2	1,6	9
Таргетирование информации на основе персонализированных данных и цифровых следов	5,9	1,8	6
Замена обращения в службу поддержки общением с виртуальными помощниками (чат-ботам)	5,6	2,0	6
Виртуализация контактов с родными, знакомыми и коллегами	5,2	2,0	5

Под оценку «значимый риск», согласно мнению экспертов попали все остальные предлагаемые для рассмотрения позиции. Отметим, что последние связаны с непосредственной деятельностью пользователя, то есть он может в этом случае добровольно отказаться от пользования виртуальными каналами в пользу иных. Например, можно отказаться от получения новостной информации через сеть Интернет и предпочесть просмотр новостей по телевизору. Вместо того чтобы общаться с друзьями, коллегами или родственниками посредством различных онлайн-платформ и социальных сетей, стоит выбрать живое общение лицом к лицу. Также вместо использования чат-ботов для решения вопросов, связанных с различными услугами и сервисами, лучше обратиться напрямую к реальным представителям компаний, которые могут предоставить необходимую помощь.

Таким образом, и для социотехнических рисков вопрос безопасности себя и личных данных пользователя снова ставится экспертами на первое место.

Все предложенные социальные уязвимости были признаны экспертами значимыми рисками, учитывая их потенциальную связь с отсутствием доступа к ресурсам, недостаточной поддержкой со стороны общества и государства, а также с определенными личностными характеристиками индивидов (таблица 3). Но обращает на себя внимание, что при оценке социальных уязвимостей более 50% экспертов поставили 8 баллов и выше таким позициям, как «внутреннее сопротивление, вызванное нежеланием изменений», «недостатка знаний и умений для пользования цифровыми сервисами, устройствами и технологиями», «отсутствие современной техники для работы с сервисами» (см. медианное значение).

Таблица 3. – Оценка влияния социальных уязвимостей на процесс маргинализации по 10-балльной шкале.

Перечень социальных уязвимостей	Среднее значение	Среднее отклонение	Медиана
Недостаток знаний и умений для пользования цифровыми устройствами, сервисами и технологиями	7,4	1,9	8
Внутреннее сопротивление, вызванное нежеланием изменений.	7,4	2,0	8
Отсутствие современного смартфона, ноутбука, компьютера для работы с сервисами	7,2	2,5	8
Высокая стоимость услуг, при пользовании цифровыми сервисами	6,8	2,0	7
Отсутствие настройки цифровых сервисов на использование человеком с ограниченными возможностями (пожилые, инвалиды, больные и т.д.)	6,7	1,9	7
Отсутствие широкополосного, высокоскоростного доступа в сеть «Интернет»	6,5	2,0	7
Принадлежность к социально уязвимым категориям граждан	6,5	2,0	7
Неспособность перерабатывать большое количество информации	6,4	1,9	6

Следует отметить неопределенность экспертной оценки ситуации, связанной с отсутствием технических средств для взаимодействия с цифровыми платформами (среднее отклонение – 2,5 балла). По нашему мнению, при том, что уровень проникновения цифровых устройств в повседневную жизни велик, здесь начинает проявляться тенденция роста цен на цифровую технику вследствие введения ряда экономических санкций и торговых ограничений. Кроме того, усложнение конструкции и увеличение функциональности таких устройств также оказывают влияние на их стоимость. В результате этого часть пользователей сталкивается с тем, что новейшие и наиболее эффективные технические средства становятся недоступными.

Заключение

Сегодня применение цифровых сервисов, устройств и технологий является необходимым условием нормальной жизнедеятельности в стремительно меняющемся мире. Те, кто

ограничивает их использование или отказывается от них вовсе, могут оказаться за пределами активно развивающегося «гибридного мира» и в той или иной степени быть исключёнными из общественной жизни, тем самым перемещаясь на периферию (маргинализируясь). При изучении процессов возможной маргинализации части населения в условиях интенсивного развития цифровой среды важно учитывать опасности и риски социотехнической конвергенции, способствующей этому явлению.

В настоящее время существуют различные точки зрения на то, как следует социологически определять опасности и риски, связанные с процессом цифровой трансформации. Как показывает проведённый анализ, что опасность следует рассматривать как наличие факторов, оказывающих дисфункциональное, деструктивное и/или дестабилизирующее влияние на жизнь человека в цифровом обществе, а риск как экспекцию негативного воздействия опасностей на человека, его сознание и поведение. В ходе проведенного исследования установлено, что основными рисками социотехнической конвергенции являются технико-технологические, социотехнические риски и риски социальной уязвимости. Осознание высокой вероятности возникновения одного из этих рисков приводит к тому, что люди начинают ограничивать своё использование цифровых устройств, сервисов и технологий, а иногда и полностью отказываются от них. В результате они оказываются на грани цифрового мира, лишая себя более высокого качества жизни.

Опираясь на экспертные оценки следует констатировать, что наиболее значимыми технико-технологическими рисками являются сбой работы сервисов, сопровождающийся утечками персональных данных, а также уничтожения цифрового профиля пользователя, ведущее к утрате всех его персональных данных. Таким образом, техническая безопасность использования цифровых сервисов становится критически важной, и при её отсутствии люди склонны либо ограничить использование цифровых технологий, либо отказаться от них, что также способствует их маргинализации. Экспертные оценки позволяют признать факт усиления процесс маргинализации благодаря социотехническим рискам, проявляющимся как девиантное поведение отдельных участников гибридного пространства. Эти участники используют технические и технологические возможности этого пространства для личного обогащения за счёт уязвимых, маргинальных слоёв населения, усиливая тем самым их отторжение нового гибридного мира. Экспертные оценки показывают, что социальными рисками, усугубляющими процесс маргинализации, являются внутреннее сопротивление изменениям, недостаток умений и знаний для использования цифровых устройств, технологий и сервисов, а также отсутствие необходимых технических средств для работы с ними.

Библиография

1. Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы // THESIS. 1994. Т. 5. С. 217-241.
2. Бирюкова, М. С. Меры снижения уровня маргинализации общества: социально-правовой аспект // Проблемы права: теория и практика. 2022. № 59. С. 95-105. – EDN VUDBEY.
3. Воронина Н.С. Цифровое неравенство интернет-пользователей в России и Европе: гендерный аспект // Информационно-аналитический бюллетень Ин-та социологии ФНИСЦ РАН. 2021. № 4. С. 28-51. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.3. EDN VPDVBW.
4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2003. 312 с. EDN TIGPAV.
5. Дегтева Д.В. Причины, условия и психолого-педагогические последствия

- маргинальности в России // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 1(44). С. 21-24. EDN SBKZKF.
6. Зотов В.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Белкина В.А. Конвертация опасностей социотехнической конвергенции в риски цифровизации//Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 2. С. 4-20. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-2-4-20. EDN DFYOMG.
7. Иванова М.С. Маргинальные группы в современном российском обществе // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3 (52). С. 13-136. EDN: MVVYUV.
8. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Т. 5. С. 135-160.
9. Напсо М.Д. Маргинальность как характеристика современного мира // Социодинамика. 2019. № 6. С.63-69. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.6.29957 URL: https://e-notabene.ru/pr/article_29957.html
10. Стариakov Е.Н. Маргиналы и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир: научный и общественно-политический журнал. 1989. № 4. С. 142-155.
11. Шалагинова Н.А. Социальная маргинальность как предпосылка девиации // Философия права. 2017. № 4(83). С. 128-132. EDN ZXMNHT.
12. Широченко А.И. Актуальные проблемы феномена маргинальности. Культурологический анализ // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2014. Т. 16. № 2 (3). С. 764-768. EDN SMFENR.
13. Du, J.T., Xie, I., Narayan, B., Sayyad Abdi, E., Wu, H.J. Liu, Y-H., Westbrook, L. Vulnerable Communities in the Digital Age: Advancing Research and Exploring Collaborations // iConference 2017 Proceeding "Global Collaboration across the Information Community". Wuhan, China, 2017. P. 911-914. DOI: 10.9776/17402.
14. Galpin C. At the Digital Margins? A Theoretical Examination of Social Media Engagement Using Intersectional Feminism // Politics and Governance. 2022. Vol. 10, №1. P.161-171. DOI: 10.17645/pag.v10i1.4801.
15. Geeta A. Marginalization at Cyberspace: A New Dimension of Violence Against Women and Girls // Cyberfeminism and Gender Violence in Social Media. Hershey (PA, USA): IGI Global, 2023. P.100-107. DOI: 10.4018/978-1-6684-8893-5.ch007.
16. Liotta L.A. Digitalization and Social Inclusion: Bridging the Digital Divide in Underprivileged Communities. Global International Journal of Innovative Research, 2023. Vol. 1, №1. P. 7-14. DOI: 10.59613/global.v1i1.2.
17. Lubbers M. Social networks and the resilience of marginalized communities // A Research Agenda for Social Networks and Social Resilience. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2022. P.1-16. DOI: 10.4337/9781803925783.
18. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. Berlin; New York: de Gruyter. 1993. 236 p.
19. Park, R. E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. Chicago. 1928. Vol. 33. № 6. P. 881-893.
20. Reyes C. Negotiating digital marginalization: Immigrants, computers, and the adult learning classroom // Atlantic Journal of Communication. 2020. Vol. 30. №1. P. 1-12. DOI: 10.1080/15456870.2020.1786385.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье имеется четкая структура: введение, методологические основы исследования цифровой маргинализации, методологические основы исследования рисков

социотехнической конвергенции, методы исследования, результаты и обсуждение, заключение. Обращает на себя внимание, что из 6 структурных разделов статьи 3 (половина) имеют то или иное отношение к методологии. Рекомендуется объединить все методологические разделы в один раздел.

Необходимую наглядность приводимым научным аргументам придают используемые таблицы. Однако в статье встречается 2 статьи под номером 2.

В статье отсутствует описание предмета исследования. Поэтому в т.ч. имеется 2 отдельных методологических раздела, в одном из которых обсуждается цифровая маргинализация, а в другой – риски социотехнической конвергенции.

В статье нет четко концептуализированной научной актуальности. Следовало бы четче показать, какую значимость имеет данная тематика для выбранного научного направления.

В статье нет четко концептуализированной научной новизны, хотя ее элементы отражены в заключительном разделе.

Целью статьи не может быть получение экспертной оценки. Целью любой научной работы является получение нового научного знания, а получение экспертной оценки является, скорее, методом достижения цели.

Большим научным достоинством статьи является эмпирическая основательность и наличие данных экспертного опроса. Рекомендуется подробно описать методику: как именно был проведен экспертный опрос. В целом, результаты экспертного опроса показывают значимость цифровых технологий и социотехнических рисков для современного социума.

В статье можно было бы пояснить, какую роль в анализе играли среднее отклонение и медиана. Должен же быть научный смысл в том, чтобы их упоминать. В целом, представленный эмпирический материал выглядит гораздо богаче, чем проведенный на его основе социологический анализ.

В статье анализируются такие объективные факторы и риски, как рост цен на цифровую технику.

В статье делается вывод, что "опасность следует рассматривать как наличие факторов, оказывающих дисфункциональное, деструктивное и/или дестабилизирующее влияние на жизнь человека в цифровом обществе, а риск как экспекцию негативного воздействия опасностей на человека, его сознание и поведение".

В статье указывается на «внутреннее сопротивление изменениям», однако психологические (социально-психологические) аспекты проблематики рассмотрены в недостаточном ключе.

В библиографическом разделе имеется 19 научных публикаций, как на русском языке, так и на английском. В англоязычных публикациях все слова (кроме служебных предлогов и союзов) пишутся с заглавной буквы.

Рекомендуется исправить грамматику: встречаются грамматические ошибки. В частности, в конце параграфов не ставятся точки. Отдельно рекомендуется исправить название статьи.

Статья написана академическим стилем и представляет собой читательский интерес.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование статья «Оценка влияния рисков социотехнической конвергенции на процесс цифровой маргинализации» актуальной теме анализа процесса

взаимодействия технических и технологических элементов цифровых услуг, устройств и технологий с человеческими агентами.

Авторы подробно рассматривают термин «социотехническая конвергенция». Приходят к выводу, что в результате социотехнической конвергенции происходит гибридизация социального пространства — смешанное взаимодействие людей друг с другом в виртуальных и реальных средах. И делают выводы о результатах такого взаимодействия, а именно, что индивид начинает менять свои связи и отношения в привычной среде своего обитания на их цифровой формат, чтобы адаптироваться к условиям гибридного социального пространства. На этот период он, в сущности, остаётся в пограничном состоянии между цифровой и физической реальностями. И дают определение данного пограничного, переходного состояния между двумя образами жизни, связанными с различными социальными группами/общностями - «маргинальное положение».

Авторы дают классификацию опасностей социотехнической конвергенции делят их в зависимости от уровня субъектности на сервисные, интенциальные и ментальные.

Теоретико-методологическими основами исследования являются работы отечественных и зарубежных ученых - Р. Парка, М. Напсо, Дегтевой Д.В., Шалагиновой Н.А. и др.

Для оценки влияния социотехнической конвергенции на процессы цифровой маргинализации авторами был использован метод экспертных оценок. В качестве экспертов были выбраны специалисты, которые в своей деятельности сталкиваются с различными аспектами цифровой трансформации в целом и дискриминационными процессами в частности.

Выборка была сформирована из следующих категорий: 1) государственные и муниципальные службы, занимающиеся вопросами информационных технологий (IT) и/или социальной сферы; 2) сотрудники предприятий сектора информационных технологий (IT); 3) члены политических партий, общественных организаций, а также руководители социально-ориентированных некоммерческих организаций; 4) представители научного и экспертного сообществ. Такой подбор экспертов может гарантировать соблюдение принципов типичности (выбор наиболее характерного представителя изучаемой практики) и компетентности (выбор специалиста из соответствующей области профессиональных знаний).

Согласно программе исследования, оценка возможностей осуществлялась посредством оценивания экспертами различных вариантов ответов.

Для основного сопоставления вариантов ответов использовалась медиана как оценка, выше которой выставили свои оценки более половины опрошенных экспертов. Для дополнительного анализа использовались - среднее значение, рассчитанное по специальной формуле.

В статье приводятся основные результаты опроса экспертов.

В заключении представлены основные выводы по видам рисков, среди которых наиболее значимыми авторы называют технико-технологические риски. Техническая безопасность использования цифровых сервисов, по мнению экспертов, становится критически важной, и при её отсутствии люди склонны либо ограничить использование цифровых технологий, либо отказаться от них, что также способствует их маргинализации. Экспертные оценки позволяют признать факт усиления процесс маргинализации благодаря социотехническим рискам, проявляющимся как девиантное поведение отдельных участников гибридного пространства, которые используют технические и технологические возможности этого пространства для личного обогащения за счёт уязвимых, маргинальных слоёв населения, усиливая тем самым их отторжение нового гибридного мира.

Статья написана хорошим грамотным научным языком.

Библиографический список включает 20 источников, что вполне достаточно для

раскрытия заявленной темы.
Рекомендуем статью к публикации.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Рослякова М.В. Официальные страницы администраций городов России в социальных сетях: анализ активности и вовлеченности аудитории // Социодинамика. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.12.72728
EDN: ZARORW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72728

Официальные страницы администраций городов России в социальных сетях: анализ активности и вовлеченности аудитории

Рослякова Марина Валентиновна

кандидат исторических наук

преподаватель, Ивановский филиал РАНХиГС

153002, Россия, Ивановская область, г. Иваново, пер. Посадский, 8

✉ strateg.Obl2014@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2024.12.72728

EDN:

ZARORW

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2024

Дата публикации:

28-12-2024

Аннотация: Развитие цифровых технологий создает основу для взаимодействия органов власти и граждан. Вовлечение граждан в государственное и муниципальное управление рассматривается как важнейшая государственная задача. Расширяются способы и форматы коммуникации для обеспечения доступности, оперативности и простоты взаимодействия. Востребованный инструмент для информирования, консультирования и просвещения населения – социальные сети. С 1 декабря 2022 года органы публичной власти обязаны использовать социальные сети для взаимодействия с гражданами, расширяя возможности участия граждан в выработке предложений, обсуждении и принятии управленческих решений. В работе рассматривались официальные страницы (госпаблики) исполнительно-распорядительных органов муниципальных образований –

администраций 30 крупных городов, которые являются административными центрами регионов (субъектов) РФ. Сравнивалась активность на официальных страницах до и после принятия закона о обязательном создании официальных страниц органов публичной власти в социальных сетях. Данные собирались на страницах в сети ВКонтакте, сбор и анализ данных проводился в ручном и автоматизированном режиме с помощью специализированного сервиса за 2022-2023 годы. Интерпретировалась информация о подписчиках, публикациях на официальных страницах, характеризовались показатели вовлеченности и активности в социальной сети в абсолютных и относительных показателях. Установлено, что все рассмотренные госпаблики были созданы до 2022 года, но после принятия решения об обязательном присутствии активизировались. Результаты показывают, что увеличилось количество подписчиков, публикаций, реакций (лайков, комментариев, репостов), но снизилась общая вовлеченность. Предлагаемое исследование сосредоточено на сравнении активности официальных страниц за 2022-2023 годы, что отличает его от других исследований, которые ориентированы на помесячный анализ данных, работа ограничена использованием количественных данных. Проведенное исследование вносит вклад в работу по оценке эффективности госпабликов, его результаты могут использоваться специалистами, ответственными за ведение социальных сетей в органах публичной власти для поиска лучших практик в данной сфере, совершенствования обратной связи органов власти и общества с использованием социальных сетей и оценки вовлеченности граждан в коммуникации.

Ключевые слова:

социальные сети, общественное участие, публичное управление, вовлеченность, официальная страница, госпаблик, лайк, репост, комментарий, обратная связь

Введение

Вовлечение граждан в обсуждение и принятие социально-важных решений рассматривается как актуальное направление в системе публичного управления в России [1] и большинстве стран мира [2]. Современные общества отличает разнообразие и сложность, влияние имеют различные группы и интересы, в результате политическая и административная власть фрагментируется, для решения динамичных социальных проблем требуется гибкость и готовность к сотрудничеству [3]. Наряду с распространением сетевой модели государственного управления [4, С.113], которая включает партнерские отношения государства и общества, в практическую деятельность органов власти внедряются цифровые технологии и платформенные решения, происходит «цифровая трансформация государственного управления». Наблюдается «коэволюция сервисно-цифровых и социально-сетевых аспектов функционирования государственных цифровых платформ» [5], сочетание и взаимное влияние технического и социального аспектов цифровизации. В России оба тренда публичного управления совмещаются в системе госпабликов – официальных страниц органов власти различных уровней в социальных сетях.

Международные исследования показывают, что пользователи рассматривают социальные сети как актуальный механизм для повышения осведомленности о политических или социальных проблемах, привлечения внимания должностных лиц к этим вопросам и оказания влияния на политические решения в стране (Pew Research Center, December,

2022). Население России в опросе не участвовало, но граждане регулярно используют социальные сети для коммуникации, в среднем россиянин проводит 4,5 часа в день в интернете, 47% времени приходится на соцмедиа (Mediascope, 2024), что создает условия для внедрения социальных сетей в качестве инструмента для вовлечения граждан в публичное управление. Значимость прямого взаимодействия власти и граждан подчеркнута на заседании Госсовета по развитию местного самоуправления: «... современные технологии, выстроенные в «цифре», позволяют быстро реагировать на повседневные проблемы жителей, отвечать на их инициативы, на их обращения, реагировать соответствующим образом, а значит, эффективнее и быстрее решать проблемы, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни» (30 января 2020 г.).

Обзор литературы

Вопросы вовлечения граждан в решение проблем территорий анализируются в рамках концепций гражданского общества и местного самоуправления, которые объясняют общественное развитие с позиций достижения согласованности между населением, государством и бизнесом [6]. В исследованиях «вовлечение» определяется через «участие», путем перечисления форм участия граждан в решении общественно-значимых вопросов. Так, В.В. Вагин отмечает уникальный российский опыт вовлечения граждан, включающий разнообразные практики: инициативное бюджетирование, рейтинговое голосование, соучаствующее проектирование и другие [7]. Среди форм вовлечения населения называют территориальное общественное самоуправление; публичные слушания; собрания граждан; конференции жителей по вопросам местного значения; опросы общественного мнения; обращения граждан в органы местного самоуправления и другие [8]. В свою очередь, понятие «участие» раскрывают посредством «вовлечения». К примеру, Л. И. Никовская, И. А. Скалабан определяют общественное участие как «процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению значимого результата» [9, С.42]. Очевидно, что понятие «вовлечение» и «участие» взаимосвязаны и дополняют друг друга. Вовлечение рассматривается как процесс побуждающий к участию и взаимодействию, участие – как конкретные активные действия, которые ведут к совместному достижению значимого результата. В этом случае вовлеченность означает состояние, отражающее уровень участия и заинтересованности в процессе, «предполагает доступность, присутствие и готовность взаимодействовать» [10].

Дополнительные возможности для вовлечения граждан во взаимодействие с органами власти создают технологии, «... участие все больше приобретает сетевой характер за счет внедрения новых технологий в интернет-среду ...» [9]. Цифровые технологии отличает доступность, интерактивность, массовость, оперативность, возможность обеспечить двустороннее коммуникативное взаимодействие в неиерархичной и относительно безопасной среде [11]. Социальные сети упрощают процесс взаимодействия и обладают потенциалом для мобилизации разнообразных слоев общества, что позволяет расширить гражданскую активность [12], поэтому сети «признаются ключевыми инструментами для достижения более инклюзивного вовлечения граждан» [13]. Положительное влияние на вовлеченность связано [14], во-первых, с высоким уровнем проникновения социальных сетей, что является предварительным условием для более инклюзивного участия, во-вторых, социальные сети способствуют социальной интеграции, сочетание онлайн- и офлайн-методов расширяет круг участников, в-третьих,

они расширяют права и возможности граждан, несмотря на то, что органы власти играют ведущую роль в коммуникации, наконец, эффективность участия повышается за счет прозрачности и доступности решений.

Сказанное выше объясняет интерес к исследованию роли социальных сетей в публичном управлении. Изучаются «правовые и организационные основы обеспечения электронного участия граждан в решении государственных дел посредством социальных сетей [\[15\]](#). Представляются результаты мониторинга социальных сетей публичного сектора, в частности, в работе В.В. Зотова, А.В. Губанова [\[16\]](#), как ключевые сетевые ресурсы рассматривались личные аккаунты глав регионов и официальных страниц правительства (администраций) субъектов ЦФО. Авторы утверждают, что в социальных сетях полностью сформировался «развитый пул аккаунтов органов власти», но официальные страницы органов местного самоуправления не учитывались. В статье С.Б. Абрамова, К.Р. Путимцевой, А.О. Кондрашова [\[17\]](#) в качестве участников публичных коммуникаций исследуются отдельные социальные группы, сделан вывод, что молодежь не рассматривает официальные аккаунты как основной инструмент цифрового взаимодействия с властью. В работе А.А. Мерзлякова, К.Э. Гусейнова, А.С. Смирнова проведен анализ социальных сетей с точки зрения эффективности каналов коммуникации и доступности коммуникационных платформ для обсуждения социально значимых проблем [\[18\]](#). Л.А. Василенко, В.В. Зотов, С.А. Захарова исследовали потенциал социальных сетей для участия граждан в делах управления и отметили низкую эффективность сетевого взаимодействия органов власти и населения [\[19\]](#).

Отметим, что вовлечение граждан во взаимодействие с органами власти в социальных сетях происходит поэтапно, так I. Mergel [\[20\]](#) предлагает использовать трехуровневую модель: 1) прозрачность, на официальной странице размещается информация, которую граждане просматривают; 2) участие, двустороннее взаимодействие граждан и владельцев страницы; 3) сотрудничество, интерактивное взаимодействие, совместное создание контента и проектирование услуг. Альтернативные варианты имеют аналогичные характеристики: 1) распространение информации (есть учетная запись и опубликованы посты), социальные сети рассматриваются как каналы доведения официальной информации для обеспечения максимально широкого охвата аудитории, коммуникация односторонняя; 2) взаимодействие (пользователи отреагировали, поделились или прокомментировали публикацию на странице), на фазе взаимодействия коммуникация становится интерактивной, органы власти инициируют получение информации и комментариев от пользователей; 3) транзакция (полноценное сотрудничество и совместное создание планов, контента) [\[21\]](#). В целом, результаты исследований подтверждают положительное влияние социальных сетей на вовлеченность, но следует избегать заявлений о «революционном» воздействии социальных сетей на вовлеченность [\[22\]](#).

Цель – проанализировать вовлеченность аудитории на официальных страницах администраций крупных городов Российской Федерации в 2022-2023 годах.

Методы

В качестве объекта рассматривались официальные страницы (госпаблики) администраций городов России. Города отбирались по двум критериям: 1) административный – центр (столица) субъекта; 2) количественный – по численности населения относятся к крупным городам (250-500 тысяч человек, Росстат). Сравнение проводилось по двум периодам – 01.01-31.12.2022 г. и 01.01-31.12.2023 г. Обязанность

иметь официальную страницу наступила с 1 декабря 2022 года, поэтому сравнивалось состояние страниц в период инициативного (свободного) и обязательного присутствия. Всего изучено 30 официальных страниц администраций в социальной сети ВКонтакте. Выбор сети обусловлен тем, что ВКонтакте – одна из двух социальных сетей, которые определены как обязательные для создания официальных страниц (Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2022 № 2523-р) немаловажно, что в сети ВКонтакте зарегистрированы 74% населения страны (Mediascope, 2024). Госпаблики отобраны через ссылки на официальных сайтах, все страницы имеют подтвержденный статус «Госорганизация» через портал «Госуслуги». В работе использовались теоретические методы (анализ, сравнение, обобщение), обработка данных проводился в ручном режиме, а также с использованием специализированных сервисов мониторинга и аналитики социальных сетей. Подчеркнем, что несмотря на повсеместное использование социальных сетей, методики измерений и анализа социальных сетей требуют совершенствования, единый подход и единые метрики отсутствуют. Используемые в работе показатели количественно отражают вовлеченность и активность пользователей, но имеют ограничения и упрощают процессы, происходящие на страницах в социальных сетях.

Результаты и обсуждение

В России социальные сети официально определены как каналы взаимодействия населения и органов власти. Все 30 официальных сообществ, которые рассматривались, были созданы до 1 декабря 2022 года, некоторые имеют длительный период устойчивого присутствия в социальной сети, например, Кострома и Брянск с 2012 года, Липецк с 2013 года, большинство (16 сообществ) созданы в 2017-2018 годы, когда был актуален тренд на максимальную открытость власти, два паблика – Якутск и Владикавказ зарегистрированы в 2021 году (рисунок 1).

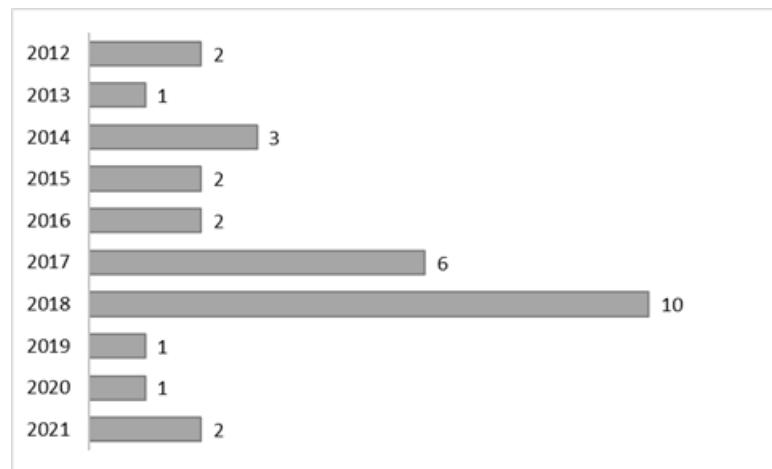

Рисунок 1. Количество официальных страниц по годам создания в обследованных городах (ед.)

Количество подписчиков на официальной странице показывает доступную для взаимодействия аудиторию. Во всех сообществах численность подписчиков в 2023 году в сравнении с 2022 годом увеличилась (рисунок 2).

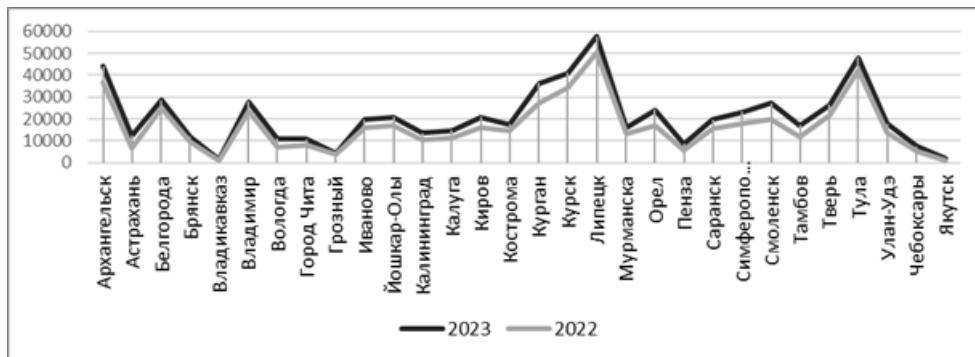

Рисунок 2. Количество подписчиков официальных страниц в обследованных городах (чел.)

Прирост по количеству подписчиков показан в таблице 1, отметим, что показатель не зависит от продолжительности существования сообщества, так наибольший прирост (более 80%) дали сообщества Астрахани (создано в 2014 г.) и Якутска (создано в 2021 г.). Общее количество подписчиков госпабликов, увеличилось с 504318 чел. (2022 г.) до 634 000 чел. (2023 г.).

Таблица 1

Увеличение численности подписчиков в 2022-2023 гг. (%)

Город	%	Город	%
Архангельск	20,6%	Курск	19,5%
Астрахань	81,9%	Липецк	14,9%
Белгород	14,6%	Мурманска	22,4%
Брянск	24,1%	Орел	40,7%
Владикавказ	56,3%	Пенза	47,8%
Владимир	18,6%	Саранск	25,8%
Вологда	59,8%	Симферополь	27,9%
Грозный	14,9%	Смоленск	38,9%
Иваново	22,5%	Тамбов	47,2%
Йошкар-Ола	23,7%	Тверь	23,9%
Калининград	31,7%	Тула	13,4%
Калуга	27,6%	Улан-Удэ	30,4%
Киров	29,7%	Чебоксары	45,3%
Кострома	20,5%	Чита	37,9%
Курган	33,3%	Якутск	86,1%

Количество подписчиков позволяет оценить общую популярность и востребованность страницы, но следует учитывать, во-первых, общую численность населения города, во-вторых, отсутствие территориальных ограничений для подписчиков. На рисунке 3 показано количество подписчиков относительно численности населения городов в процентном отношении. Наибольший охват у страниц Архангельска, Кургана и Липецка, наименьший у Якутска и Грозного. Исходя из целей и задач официальной страницы муниципального образования, охват должен быть максимальным. При этом предположение, что высокий процент подписчиков указывает на активное участие граждан в жизни города, требует подтверждения. Согласимся, что не следует имитировать участие граждан в социально-политической жизни страны (региона) или в принятии управленческих решений за счет повышения статистических показателей [18].

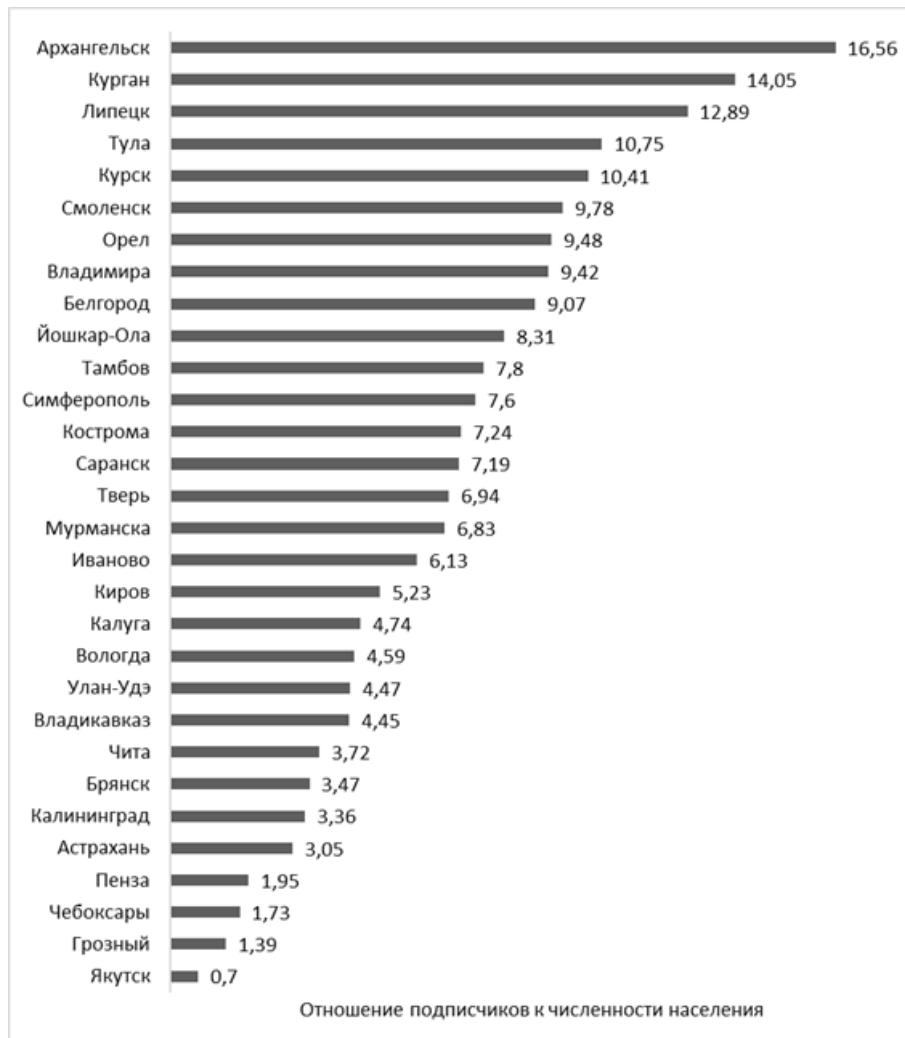

Рисунок 3. Количество подписчиков официальных страниц администраций городов
(% от общей численности населения муниципального образования)

Еще один важный показатель – «публикационная активность», который отражает количество и частоту публикаций постов на странице сообщества в течение определенного периода времени. Для отнесения сообщества к активным владелец должен регулярно публиковать посты. Пост ВКонтакте – это текст, фото, видео, инфографика, карточки, опросы, конкурсы, акции, иные материалы, опубликованные в сообществе, которые позволяют донести информацию большему количеству подписчиков сообщества. Общее количество постов значительно увеличилось, что свидетельствует об активном создании госпабликами контента в 2023 году (рисунок 4).

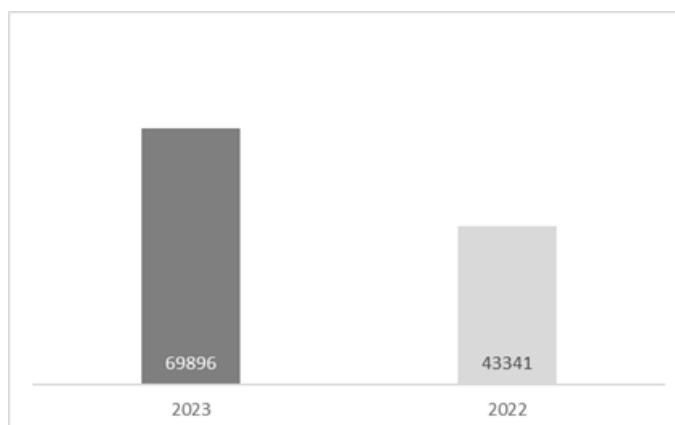

Рисунок 4. Общее количество опубликованных постов на официальных страницах

в обследованных городах (ед.)

В 2023 году увеличилось количество постов на всех официальных страницах администраций. Например, Кострома увеличила количество постов на 396%, Астрахань на 286%, Брянск на 276%. Снижение активности менее явное, например, Архангельск (-20,6%), Липецк (-4,8%), Тамбов (4,65%), Иваново (-4,08).

При сравнении показателей необходимо принимать во внимание исходную точку отсчета. Так, госпаблик Костромы, показавший наибольший прирост, опубликовал в 2022 году всего 211 постов, а в 2023 г. увеличил активность до 1047 постов. В то время как Архангельск, несмотря на снижение, опубликовал в 2023 году 6153 поста (2022 г. – 7750 постов), что значительно выше, чем у Костромы. Приведенные данные подчеркивают разнообразие в уровне изменений. Вполне вероятно, что паблик Костромы стремился нарастить присутствие в связи с появившимися обязательствами, а страница Архангельска сосредоточилась на качестве, а не количестве постов. Это означает, что требуется анализ для понимания стратегии развития каждой страницы. Для корректного сравнения необходимо учитывать активность паблика в динамике.

Активность подписчиков на официальной странице проявляется в действиях (реакциях), которые они демонстрируют, отвечая на воздействие, впечатление, полученные ими в реальной жизни или реагируя на конкретный пост. Показатели вовлеченности в социальных сетях измеряются по количеству лайков, репостов и комментариев. Определимся с этими понятиями. Комментарий – наиболее затратный для подписчика способ участия, когда он оставляет сообщение на странице в ответ на пост. Сообщение может содержать рассуждения, пояснения или критические замечания по теме опубликованного поста, в некоторых случаях включает личные впечатления, мнения или оценки, не относящиеся напрямую к теме поста. Репост – это действия, при котором пользователь поделился размещенным на странице постом на собственной странице или в группе, сохраняя при этом исходный контент и авторство. Наконец, лайк – действие, отражающее эмоциональную реакцию пользователя на пост, выраженное в предлагаемой в сообществе визуальной форме (значок или кнопка). Среди рассмотренных способов реагирования лайк является наименее затратным для подписчика. Для сравнения страниц используются общие и средние показатели количества реакций (комментариев, лайков и репостов).

Общее количество реакций в сообществах увеличилось в 2023 г. (2935258) по сравнению с 2022 году (2787427). Снизилось общее количество репостов, увеличилось количество лайков и комментариев (рисунок 5).

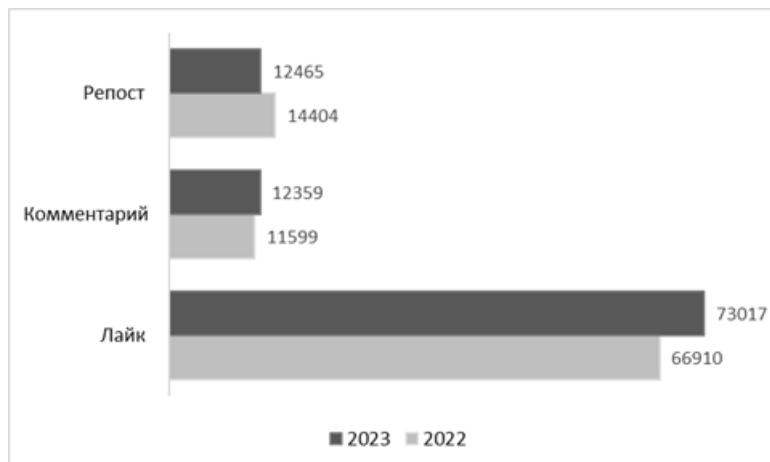

Рисунок 5. Общее количество реакций на официальных страницах в

обследованных городах (ед.)

Среднее количество реакций на пост в 2022 году – 23,6 в 2023 году – 41,2. Увеличение реакций, на наш взгляд, вызвано увеличением числа подписчиков и переходом к системной работе с пабликами после 2022 года.

В 2023 году существенно увеличилось количество комментариев на страницах Астрахани (205%), Брянска (300%), Владикавказа (193,2%), Грозного (201%), Костромы (189%), Якутска (776,6%), снизилось - в Белгороде (-35,6%), Калуге (-20,87%), Мурманске (-27%), Смоленске (-29,82%). Реже делились сообщениями в 2023 году в Чебоксарах (-47%), Белгороде (-40%), Курске (-34,7%), Туле (-32%), Иваново (-29,6%), активнее – во Владикавказе (535%), Якутске (155%), Грозном (119%). Количество лайков увеличилось во всех пабликах (рисунок 6). Несмотря на общую тенденцию наблюдается большое разнообразие абсолютных значений количества лайков, так в 2023 г. разброс составляет от 4 (Якутск) до 116 (Смоленск) лайков на пост. В процентном соотношении увеличение варьируется от 6% до 350%, но следует иметь в виду, в Калининграде увеличение на 6% означало, что в 2022 году было 31 лайк, в 2023 году – 33 лайка, а во Владикавказе увеличение на 350%, означает, что было 2 лайка, в 2023 году стало 9.

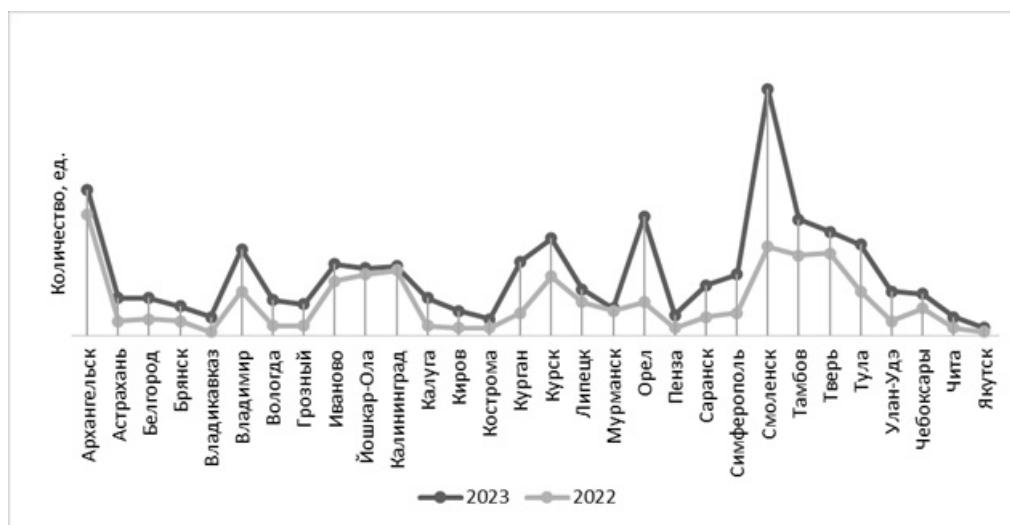

Рисунок 6. **Количество лайков на пост на официальных страницах (ед.)**

Абсолютное количество комментариев возросло на всех страницах, исключение – Мурманск, Йошкар-Ола. Среднее количество комментариев увеличилось с 3,8 до 6,6 (таблица 2).

Таблица 2

Количество комментариев на пост на официальных страницах (ед.)

город	2023	2022	город	2023	2022
Архангельск	6	5	Курск	4	2
Астрахань	15	5	Липецк	4	2
Белгород	3	2	Мурманск	4	7
Брянск	5	1	Орел	5	3
Владикавказ	1	0	Пенза	6	2
Владимир	6	3	Саранск	7	2
Волгоград	2	2	Симферополь	5	2
Грозный	1	0	Смоленск	13	5
Иваново	11	9	Тамбов	12	10

город	11	12	город	11	12
Йошкар-Ола	5	6	Тверь	16	9
Калининград	20	19	Тула	11	5
Калуга	6	2	Улан-Удэ	2	1
Киров	3	1	Чебоксары	10	4
Кострома	11	4	Чита	1	0
Курган	1	1	Якутск	1	0

Количество репостов на пост в 2023 году несколько увеличилось, либо осталось прежним, таблица 3.

Таблица 3

Репостов на пост на официальных страницах (ед.)

город	2023	2022	город	2023	2022
Архангельск	18	19	Курск	4	3
Астрахань	2	1	Липецк	4	3
Белгород	2	1	Мурманск	4	5
Брянск	3	2	Орел	9	5
Владикавказ	1	0	Пенза	2	1
Владимир	6	3	Саранск	6	2
Вологда	4	3	Симферополь	3	1
Грозный	1	0	Смоленск	15	7
Иваново	4	4	Тамбов	8	6
Йошкар-Ола	5	5	Тверь	12	9
Калининград	7	7	Тула	7	7
Калуга	3	2	Улан-Удэ	3	1
Киров	4	2	Чебоксары	3	3
Кострома	2	2	Чита	1	0
Курган	6	3	Якутск	0	0

Одним из важных показателей является вовлеченность (ER страницы). Вовлеченность – это среднее количество реакций на контент, совершаемых одним среднестатистическим подписчиком страницы, показывает процент подписчиков, которые реагируют на страницу в день. Показатель вовлеченности учитывает все основные виды взаимодействия с учетом количества подписчиков и публикаций (постов). Это делает метрику применимой для сравнения различных страниц независимо от их размера и частоты публикаций. На графике (рисунок 7) показатели вовлеченности представлены за 2022-2023 годы. Ключевой вывод – в 2023 году наблюдается общее снижение вовлеченности. Во всех пабликах вовлеченность была ниже в 2023 году в сравнении с 2022 годом, исключение – Астрахань, Брянск, Владикавказ, Вологда, Грозный, Кострома, Орел.

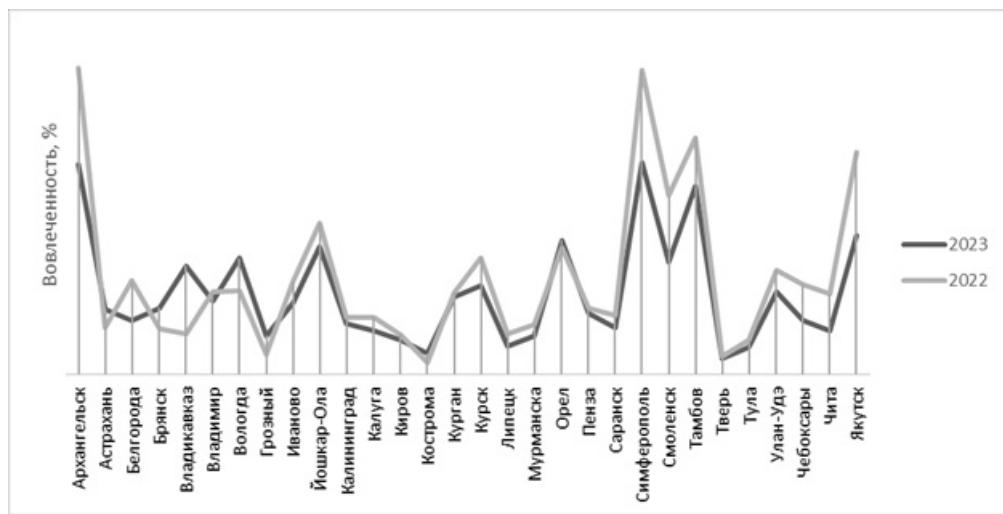

Рисунок 7. Вовлеченность (ER) на официальных страницах (%)

Отметим, что паблики, показавшие рост вовлеченности в 2023 году, в 2022 году имели невысокие показатели, например, Грозный – 0,36%; Кострома – 0,22%, поэтому публикации и увеличение аудитории позволили существенно улучшить показатели. Некоторые паблики, например, Симферополь в 2022 году имели высокие показатели вовлеченности (5,3%), поэтому несмотря на существенное снижение показателя по сравнению с другими пабликами, вовлеченность остается высокой (2023 г. – 3,7%). Аналогичная ситуация наблюдается в Тамбове (2022 г. – 4,2%, 2023 г. – 3,3%), Архангельске (2022 г. – 5,4%, 2023 г. – 3,7%). Сравнение средней вовлеченности по всем пабликам (2022 г. – 1,72%; 2023 г. – 1,43%) отражает общую тенденцию. Подтверждается мнение, что рост числа подписчиков и числа публикаций «может сопровождаться присоединением незаинтересованной аудитории и информационным перегрузом читателей, что приводит к снижению включенности» [17]. Привлечение подписчиков статистически увеличивает их количество, но часть остается пассивными и не участвует во взаимодействии. Влияет на снижение вовлеченности слабая коммуникация, в случае, если «официальные лица практически не включаются в дискуссию с населением по поводу возникающих проблем», а ответы на запросы «представляются формальностью, которая продиктована указанием о ведении социальных сетей сверху» [18].

Возникает «иллюзия участия», когда подписчикам доступна возможность поставить лайк, поделиться информацией, прокомментировать, но отсутствует диалог и понимание, каким образом будет учтено высказанное мнение. Исходя из трехэтапной модели, страницы в первую очередь выполняют информативную функцию, привлекают внимание к общественно значимым проблемам, но глубокого содержательного вовлечения в решение проблем не происходит [19]. Общий вывод – активное привлечение подписчиком не всегда приводит к вовлеченности, а нередко снижает ее. Требуется анализ причин снижения вовлеченности по каждому конкретному госпаблику, результаты сравнения подчеркивают необходимость постоянного мониторинга и анализа вовлеченности, двух лет недостаточно.

Заключение

В работе была изучена активность и вовлеченность подписчиков официальных страниц (госпабликов) администраций республиканских (областных, краевых) центров 30 субъектов РФ. Все сообщества были созданы до 1 декабря 2022 года, большинство в 2017-2018 годы, т.е. имели достаточный опыт самостоятельного присутствия в сети,

длительное время выстраивали собственные стратегии взаимодействия с подписчиками. Несмотря на это, активность официальных страниц и пользователей после введения законодательной обязанности для публичных органов присутствовать в социальных сетях по сравнению с периодом до введения этой обязанности, изменилась. Для сравнения активности и вовлеченности на официальных страницах использовалось нескольких метрик – показатели вовлеченности подписчиков, количество подписчиков и постов. Используемые метрики имеют определенные ограничения, поскольку не охватывают все аспекты исследуемого предмета и упрощают процессы, происходящие на страницах.

Количество подписчиков в 2023 году увеличилось во всех рассматриваемых сообществах вне зависимости от продолжительности их существования. Предполагаем, что расширение аудитории связано именно с обсуждением, а затем и принятием «закона о госпабликах». В 2023 году значительно увеличилось общее количество опубликованных постов. В тоже время наблюдается разнообразие в уровне изменений публикационной активности пабликов, некоторые демонстрируют прирост в сотнях процентов, в то время как другие остаются на прежнем уровне или несколько снижают активность. Для выявления причин изменений требуется детализированный анализ конкретных страниц. Тем не менее, в целом, паблики продолжают активно публиковать контент.

Активность подписчиков на официальных страницах проявлялась разнонаправленно. Общее количество реакций (лайков, комментариев, репостов) в сообществах в 2023 году увеличилось, главным образом за счет увеличения лайков и комментариев. Общее увеличение реакций вызвано увеличением числа подписчиков в рассматриваемый период, при этом процент подписчиков, которые активно реагировали на предлагаемый контент, уменьшился. Показатель вовлеченности (ER страницы) в 2023 году снижался во всех пабликах, исключение – Астрахань, Брянск, Владикавказ, Вологда, Грозный, Кострома, Орел. При этом паблики, которые показали рост вовлеченности, в 2022 году имели невысокий показатель. Средняя вовлеченность на страницах снизилась с 1,73% в 2022 года до 1,43% в 2023 году. Предположительно, привлечение подписчиков увеличило количество пользователей, которые не вовлечены во взаимодействие.

Подчеркнем, что «цифровые инструменты не создают новые формы участия». Существующие формы вовлечения населения в дела управления могут быть адаптированы и реализованы с помощью социальных сетей или на их основе. Социальные сети способствуют «повышению эффективности процессов участия – за счет расширения охвата инициативы, улучшения сбора информации или облегчения внедрения процессов в государственные структуры» [\[2, С.153\]](#), но автоматически не устраняют пассивность людей.

Для пабликов, которые достигли высокого уровня вовлеченности, не исключен кризис доверия, в случае, если подписчики не получат возможности контролировать, как реакции (обратная связь) влияет на принимаемые органами власти решения. Следовательно, необходим прозрачный механизм, который 1) позволит интегрировать реакции подписчиков в совместное (с органами власти) достижение значимого результата, 2) в случае объективных ограничений реализации запросов и предложений граждан должен быть разработан порядок минимизации негативного эффекта. Улучшение показателей за счет формальной вовлеченности и искусственного увеличения реакций в социальных сетях так же может отрицательно повлиять на доверие подписчиков.

Таким образом, необходимо определиться со стратегией коммуникации органов власти в

социальных сетях, сосредоточиться, в первую очередь, на оперативном и доступном официальном информировании граждан, либо стремится к расширению участия и полноценному сотрудничеству, избегая имитации участия. Для целостного представления о степени вовлеченности граждан в управление с использованием социальных сетей, необходимо провести качественные исследования, изучать публикуемый контент, содержание комментариев и другие характеристики, важно регулярное обновление и накопление данных для разработки обоснованных выводов и рекомендаций.

Библиография

1. Ламзин Р. М. Современные практики вовлечения граждан РФ в механизм партнерского участия в публичном управлении / Р. М. Ламзин, Я. Я. Кайль // Границы познания. 2021. № 3. С. 81-87.
2. Янгс Р. Вовлечение граждан в демократические процессы. Межстрановой анализ / Р. Янгс, К. Годфри // Мир перемен. 2022. № 3. С. 145-154.
3. Wang H., Ran B. Network governance and collaborative governance: A thematic analysis on their similarities, differences, and entanglements // Public management review. 2023. Т. 25. №. 6. С. 1187-1211.
4. Купряшин Г.Л. Публичное управление // Полит. наука. 2016. № 2. С.101-131.
5. Зотов В. В., Василенко Л. А. Цифровая трансформация публичного управления: единство сервисно-цифровых и социально-сетевых аспектов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 26-47.
6. Новиков С. В. Вовлечение граждан в проекты, направленные на решение проблем муниципалитетов / С. В. Новиков, И. В. Макиева // Муниципальная академия. 2024. № 2. С. 414-421.
7. Вагин В. В. Влияние гражданской партисипации на эффективность бюджетных расходов / В. В. Вагин, И. В. Петрова // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 6. С. 25-38.
8. Гребенникова Е. Ю. Формы и механизмы вовлечения населения в решение вопросов местного значения / Е. Ю. Гребенникова, В. В. Масляков // Журнал прикладных исследований. 2023. № 8. С. 123-127.
9. Никовская Л. И. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития / Л. И. Никовская, И. А. Скалабан // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43-60.
10. Taylor M., Kent M. L. Dialogic engagement: Clarifying foundational concepts //Journal of public relations research. 2014. Т. 26. №. 5. С. 384-398.
11. Zavattaro S. M., Sementelli A. J. A critical examination of social media adoption in government: Introducing omnipresence //Government Information Quarterly. 2014. Т. 31. №. 2. С. 257-264.
12. Feeney M. K., Porumbescu G. The limits of social media for public administration research and practice //Public administration review. 2021. Т. 81. №. 4. С. 787-792
13. Engstrand Å. K. Managing the manosphere: The limits of responsibility for government social media adoption //Government Information Quarterly. 2024. Т. 41. №. 1. С. 101909.
14. Lin Y., Kant S. Using social media for citizen participation: Contexts, empowerment, and inclusion //Sustainability. 2021. Т. 13. №. 12.
15. Парфенчик А. А. Использование социальных сетей в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С.186-200.
16. Зотов В. В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти субъектов Центрального федерального округа / В. В. Зотов, А. В. Губанов // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 4. С. 28-39.
17. Абрамова С. Б., Путимцева К. Р., Кондрашов А. О. Социальные сети органов власти: вовлеченность молодежи и оценка эффективности // Ars Administrandi (Искусство

- управления). 2024. Т. 16, № 1. С. 54-78.
18. Мерзляков А. А., Гусейнова К. Э., Смирнова А. С. Эффективность взаимодействия органов власти с населением в условиях реализации нацпроектов: анализ социальных сетей // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Том 19. № 1. С. 86-105.
19. Василенко Л. А., Зотов В. В., Захарова С. А. Использование потенциала социальных медиа в становлении участующего управления // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 4. С. 864-875.
20. Mergel I. A framework for interpreting social media interactions in the public sector //Government information quarterly. 2013. Т. 30. №. 4. С. 327-334.
21. Рослякова М.В. Социальные сети в деятельности органов исполнительной власти: адаптация к новым способам взаимодействия // Социодинамика. 2022. № 7. С.42-56. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.7.38467 EDN: MAZJKV URL: https://e-notabene.ru/pr/article_38467.html
22. Skoric M. M. et al. Social media and citizen engagement: A meta-analytic review //New media & society. 2016. Т. 18. №. 9. С. 1817-1839.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются официальные страницы администраций городов России в социальных сетях посредством анализа активности и вовлеченности аудитории (2022-2023 гг.).

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод сравнения, метод анализа, а также, как отмечается в статье, для сбора и обработки данных были применены «специализированные сервисы мониторинга и аналитики социальных сетей». Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях развития социума и цифровизации многих сфер общественной жизни социальные сети стали выполнять одну из важнейших функций по стимулированию общественной активности и вовлеченности граждан в общественную жизнь, в том числе в жизнь города. Социальные сети стали наиболее распространенной формой коммуникации, в которую вовлечена большая часть населения независимо от возраста и принадлежности к той или иной социальной группе. В этих контекстах изучение официальных страниц администраций городов России в социальных сетях посредством анализа активности и вовлеченности аудитории представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении и проведении оценки по авторской методике «вовлеченности подписчиков на официальных страницах администраций крупных городов Российской Федерации в 2022-2023 годах на основе количественных показателей» на примере 30 городов России, отобранных по определенным критериям, описанным в исследовании.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией результатов исследования.

Структуру статьи, в целом, можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, обзор литературы, методы, вовлечение и участие в социальных сетях: обоснование понятий, результаты и обсуждение,

заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленная в ходе исследования и отмеченная тенденция, что «количество подписчиков позволяет оценить общую популярность и востребованность страницы, но следует учитывать, во-первых, общую численность населения города, во-вторых, отсутствие территориальных ограничений для подписчиков. На рисунке 3 показано количество подписчиков относительно численности населения городов в процентном отношении. Наибольший охват у страниц Архангельска, Кургана и Липецка, наименьший у Якутска и Грозного. Исходя из целей и задач официальной страницы муниципального образования, охват должен быть максимальным. При этом предположение, что высокий процент подписчиков указывает на активное участие граждан в жизни города и вовлеченность на странице, требует подтверждения».

Библиография содержит 22 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные преимущественно периодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие различные аспекты активности и вовлеченности граждан в общественную жизнь, в том числе с помощью использования социальных сетей и официальных сайтов администраций городов. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «существующие формы вовлечения населения в дела управления могут быть адаптированы и реализованы с помощью социальных сетей или на их основе. Для пабликсов, которые достигли высокого уровня вовлеченности, не исключен кризис доверия, в случае, если подписчики не получат возможности контролировать, как реакции (обратная связь) влияет на принимаемые органами власти решения. Следовательно, необходим прозрачный механизм, который 1) позволит интегрировать реакции подписчиков в совместное (с органами власти) достижение значимого результата, 2) в случае объективных ограничений реализации запросов и предложений должен быть разработан порядок минимизации негативного эффекта. Улучшение показателей за счет формальной вовлеченности и искусственного увеличения реакций в социальных сетях так же может отрицательно повлиять на доверие подписчиков».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и работниками администраций городов, политиками, социологами, урбанистами, политологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в разделе «Методы» преимущественно содержится описание материалов исследования, а сами методы и методология, к сожалению, не представлены в достаточном для их понимания объеме, поэтому, необходимо их описать и раскрыть в исследовании более четко и полно. Кроме того, раздел «Методы» несколько разрывает логику изложения раздела «Обзор литературы», который представлен очень кратко, однако, после раздела «Методы» встроен элемент, названный «Вовлечение и участие в социальных сетях: обоснование понятий», который целесообразно было бы включить в обзор литературы и дополнить его этим фрагментом текста рукописи, что вписалось бы в общую логику изложения и структуры текста рукописи. Возможно, в качестве рекомендации, стоило было бы сформулировать отдельно общие выводы по результатам проведенного исследования, а не ограничиваться кратким заключением, а также включить в рукопись

практические рекомендации для администраций городов, направленные на стимулирование активности и вовлеченности аудитории в общественную жизнь через использование социальных сетей. При оформлении таблиц и рисунков необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями. Также необходимо обратить внимание на название самой статьи, возможно, что указанные в скобках анализируемые и сравниваемые периоды не стоило бы указывать в самом названии статьи, поскольку это подробно описано в тексте рукописи, в разделе «Методы». Но если, все-таки указание этого периода по авторскому мнению представляется оставить в названии статьи, то нужно обратить внимание на необходимость использования знака пунктуации «точка» после сокращения «гг», то есть, согласно информации, представленной на портале «gramota.ru», правильно будет написать «... (2022-2023 гг.)». Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Официальные страницы администраций городов России в социальных сетях: анализ активности и вовлеченности аудитории» предмет исследования – вовлечение граждан посредством социальных сетей в публичном управлении. Цель исследования обозначена как «оценить вовлеченность подписчиков на официальных страницах администраций крупных городов Российской Федерации в 2022-2023 годах на основе количественных показателей». Представляется, что цель была определена недостаточно корректно. Поскольку понятие "вовлечённость" подразумевает процесс, стимулирующий участие и взаимодействие с кем-то, а в данной формулировке непонятно, куда вовлекаются пользователи! Аналогичным образом формулировки цели необходимо уточнить понятие "количественные показатели" (скорее всего, имеются в виду данные веб-аналитики).

Исследование базируется на теоретико-методологических концепциях гражданского общества и местного самоуправления, в рамках которых социально-политическое развитие анализируется через призму гармонизации взаимоотношений между различными акторами – населением, государственными институтами и бизнес-структурами. Эти концепции расширяются за счет исследований, которые раскрывают дополнительные технологические возможности для взаимодействия граждан с властными структурами муниципалитетов.

Социальные сети являются интерактивными платформами, где контент создаётся самими пользователями – членами онлайн-сообществ. С развитием социальных медиа и расширением их функциональных возможностей они постепенно интегрируются в системы взаимодействия граждан с государственными структурами. Таким образом, крайне актуальным представляется вовлечение пользователей социальных сетей во взаимодействие с органами местного самоуправления крупных центров субъектов Российской Федерации

В работе была изучена активность и вовлеченность подписчиков официальных страниц (госпабликов) администраций «столиц» субъектов РФ. Главная новизна данной работы заключается во введении нового эмпирического материала, а именно данных веб-аналитики об работе официальных сайтов органов муниципальной власти городов,

являющихся центрами субъектов Российской Федерации. Заслуживает внимания вывод о том, что у пользователей возможность ставить отметки «нравится», делиться публикациями и оставлять комментарии ведёт к возникновению иллюзии участия. Однако это не всегда сопровождается настоящим диалогом и пониманием того, как будут учитываться их мнения. В итоге авторы приходят к выводу, что активное вовлечение аудитории не всегда повышает интерес, а иногда даже уменьшает его. В статье также отмечаются некоторые противоречивые тенденции, касающиеся, например, количества публикуемых материалов и уровня вовлеченности, которые требуют анализа причин снижения интереса в каждом конкретном случае. Это выводит на следующую рекомендацию: необходим прозрачный механизм, который 1) интегрирует реакции подписчиков в совместное достижение значимого результата с органами власти, и 2) разработает порядок минимизации негативного эффекта при объективных ограничениях реализации запросов граждан.

Данное исследование характеризуется общей последовательностью, которая задаётся общей логикой анализа показателей веб-аналитики. Однако, хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты презентации результатов. 1) График, где точки соединены между собой линиями, используется для отображения изменения величины во времени или при изменении других упорядоченных параметров, поскольку позволяет увидеть динамику изменений. В статье города никаким образом не упорядочены (алфавитный порядок в данном случае не рассматривается), поэтому нужно либо упорядочить их (например, по численности населения), либо выбрать другой тип диаграммы. Иначе график на рисунке 2 воспринимается как изменение количества подписчиков официальных страниц в зависимости от алфавитного порядка городов. А напротив, рисунок 3 может быть представлен графиком с ломаной линией. 2) Представляется необходимым конкретизировать подписи рисунков и таблиц путём указания, что данные касаются только обследованных городов (особенно на рисунках 1 и в таблице 1).

Статья будет представлять интерес для специалистов в области социологии управления, а также государственного и муниципального управления.

Библиография содержит 22 публикации, посвящённые анализу взаимодействия властных структур различного уровня с населением, что обеспечивает полноценное рассмотрение основных трендов в рамках исследуемой проблематики.

Таким образом, статья «Официальные страницы администраций городов России в социальных сетях: анализ активности и вовлеченности аудитории» имеет научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована, после конкретизации цели и исправления в рисунках и таблицах, презентующих данные.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования, результаты которого изложены в представленной на рецензирование статье, являются участие и вовлеченность пользователей социальной сети Вконтакте в "жизнь" официальных городских пабликов и страниц. В настоящее время помимо традиционных каналов коммуникации мы видим присутствие органов власти всех

уровней в сети Интернет, причем не только на официальных сайтах органов, но и в социальных сетях, мессенджерах и видеохостингах. В качестве методологической рамки своего исследования авторы предлагают концепции гражданского общества и местного

самоуправления, объясняющие общественное развитие с позиций достижения согласованности между населением, государством и бизнесом. Выбор данных теорий представляется оправданным и логичным. Следует отметить, что заявленная авторами тематика, цель, предмет и объект исследования в условиях информационного общества и цифровой трансформации государственного и муниципального управления, да и всей публичной политики в целом, предоставляет более чем актуальной. Государственные паблики сегодня можно рассматривать как широко известный инструмент коммуникации, представленный в новом формате, имеющий свои преимущества и недостатки. С их помощью органы власти не просто получают обратную связь от граждан, но и становятся объектом их контроля.

В статье прослеживается оригинальный авторский подход к объекту исследования с точки зрения методического инструментария. Выбор городов, паблики которых вошли в эмпирическую базу исследования, авторами вполне обоснован. Авторы выделили показатели, которые количественно отражают вовлеченность и активность пользователей на страницах в социальных сетях: количество официальных страниц, количество подписчиков, увеличение численности подписчиков за период 2022-2023 гг., общее количество опубликованных постов, общее количество реакций на официальных страницах, количество лайков на пост на официальных страницах, количество комментариев пользователей. На основании совокупности данных показателей авторы выявляют вовлеченность пользователей и делают очень важный вывод о том, что активное привлечение подписчиков не всегда приводит к вовлеченности, а нередко снижает ее, что требует анализа причин снижения вовлеченности по каждому конкретному паблику.

Что касается общего впечатления, то по своей структуре, стилю написания и содержанию статья соответствует научному жанру и представляет собой полноценный научный труд. Библиографический список оформлен корректно и представляется достаточным для раскрытия заявленной проблематики, а также соответствующим ей.

Результаты исследования представляют интерес для специалистов, работающих в отделах по информационному взаимодействию в органах власти, государственных и муниципальных служащих, также SMM-специалистов и специалистов по связям с общественностью. Таким образом, можно сделать вывод о том, что статья соответствует критериям научности и может быть рекомендована к публикации.

Англоязычные метаданные

The attractiveness of the city of Barnaul in the assessments of students

Akhmedova Angelina Rustamovna

Assistant, Department of General Sociology and Conflictology, Altai State University

656049, Russia, Altai Territory, Barnaul, Dimitrova str., 66, room 520

✉ axmedovaangelina@mail.ru

Zheldakova Arina Vladimirovna

Student, Department of Sociology and Conflictology, Altai State University

656049, Russia, Altai region, Barnaul, Dimitrova str., 66, room 520

✉ arina.zheldakova@gmail.com

Kolegaeva Elizaveta Aleksandrovna

Student, Department of Sociology and Conflictology, Altai State University

66 Dimitrova str., Barnaul, Altai Territory, 656011, Russia

✉ kolegaeva2020@mail.ru

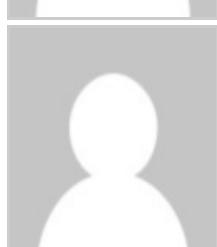

Maslov Vladislav Sergeevich

Graduate student; Institute of Humanities; Altai State University

656011, Russia, Altai Territory, Barnaul, Dimitrova str., 66, room 520

✉ agutsyarusfao@mail.ru

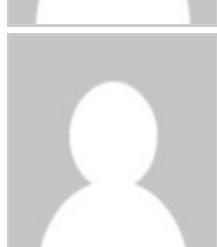

Perin Sergei Aleksandrovich

Graduate student; Institute of Humanities; Altai State University

656011, Russia, Altai Territory, Barnaul, Dimitrova str., 66, room 520

✉ Ssaynirov@mail.ru

Klimova Anastasiya Alekseevna

Student; Institute of Humanities; Altai State University

656011, Russia, Altai Territory, Barnaul, Dimitrova str., 66, room 520

✉ nastysha.klimova.2000@list.ru

Abstract. The relevance of studying the problem of the attractiveness of the city in the assessments of student youth lies in the need to understand the factors influencing the choice of place of residence and study of the younger generation. In the context of globalization and migration processes, it is important to identify which aspects of the urban environment, infrastructure and social life attract students, as well as what problems they see in their city.

Today, the phenomenon of social attractiveness is becoming more and more significant, as individuals begin to form a certain social rating in the system of any interactions, which affects their choice of moving, shopping, etc. For students, the assessment of attractiveness, as a rule, is of particular importance, since many medium-sized cities during the academic year are literally filled with students seeking to get an education or to gain a solid foothold and develop in this area. The study was implemented through a combination of two data collection methods – a mass survey and a focus group. The sample consisted of students from various higher educational institutions of the city of Barnaul (n=212). The sample is based on a system of cluster selection of respondents. The prevailing part of the student youth believes that the assessment of the attractiveness of the city of Barnaul is above average, due to its high geographical attractiveness, combining the advantages of forest-steppe and foothill zones. Social, tourism and innovation components have medium attractiveness, while economic attractiveness is low due to limited career opportunities. However, with efforts at the regional level, it is possible to increase the attractiveness of the city and prevent migration outflow. The overall assessment of the attractiveness of the city of Barnaul is at an above average level. This assessment is predetermined by the fact that there is a high degree of attractiveness within the geographical component. Barnaul combines all the advantages of the forest-steppe zone and the foothill zone, and the combination of these zones makes it possible to offset the disadvantages of aridity as the main criterion of the forest-steppe zone, as well as sharp temperature drops and recurrent frosts.

Keywords: modern society, social monitoring, public opinion, university, social conditions, sociological research, higher education, student youth, city, attractiveness

References (transliterated)

1. Anisimova, E.A. Vzaimosvyaz' sbalansirovannogo sotsial'no-ekonomiceskogo razvitiya goroda i urovnya ego privlekatel'nosti (na primere gorodov-millionnikov Rossii) / E. A. Anisimova // Ekonomika i predprinimatel'stvo. – 2023. – № 9(50). – S. 339-343.
2. Glebova I.S., Kuchukbaeva A.I. Privlekatel'nost' gorodov – millionnikov dlya ikh zhitelei: otsenka i vozmozhnosti ee razvitiya // Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik. 2021. №1 (48). S. 72-94.
3. Zyumalina, A.R. Investitsionnaya privlekatel'nost' goroda: ponyatie, opredeleniya, sposoby otsenki / A. R. Zyumalina // Vestnik ChelGU. – 2021. – № 8-1. – S. 133-137.
4. Gress, K. I. Analiz privlekatel'nosti territorii kak kurorta na primere goroda Eisk / K. I. Gress, O. I. Erokhina // Sovremennyi vzglyad na budushchee nauki: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 chastyakh, Kazan', 20 marta 2019 goda. Tom Chast' 1. – Kazan': Obshchestvo s ogranicennoi otvetstvennost'yu "Aeterna", 2019. – S. 55-58.
5. Kosmachev, V.R. Analiz investitsionnoi privlekatel'nosti goroda Sankt-Peterburga / V. R. Kosmachev // Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANHiGS. – 2019. – T. 10, № 4(41). – S. 221-227.
6. Makhosheva S. A., Legkaya L. A., Zhanokova M. V., Atabieva A. Kh. Mekhanizm formirovaniya investitsionnoi privlekatel'nosti regional'noi sotsial'no-ekonomiceskoi sistemy // Ekonomicheskie nauki. – 2022. – № 217. – S. 148-153.
7. Gagoshidze, T.D. Marketing territorii v sisteme povysheniya investitsionnoi privlekatel'nosti regiona (na primere goroda Volgograda) / T. D. Gagoshidze, V. V. Kabanov, S. P. Sazonov // Upravlenie. Biznes. Vlast'. – 2022. – № 2(11). – S. 114-115.
8. Stepanova, N.O. Nematerial'noe kul'turnoe nasledie kak faktor turistskoi

- privlekatel'nosti malykh gorodov / N. O. Stepanova // Sovremennye innovatsii: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: Sbornik nauchnykh trudov po materialam VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 15-16 fevralya 2022 goda. – Moskva: "Problemy nauki", 2022. – S. 65-66.
9. Gorgorova, Yu.V. Gradostroitel'nye aspekty formirovaniya turisticheskoi privlekatel'nosti goroda / Yu. V. Gorgorova // Arkhitektura vo vremeni i prostranstve-2023 : Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 28 aprelya 2023 goda. – Minsk: Belorusskii natsional'nyi tekhnicheskii universitet, 2023. – S. 166-169.
10. Yaremchuk, S. V. Tsennosti molodezhi i otsenka privlekatel'nosti goroda / S. V. Yaremchuk, Ya. V. Esina // Regional'naya Rossiya: istoriya i sovremennost'. – 2019. – № 1. – S. 321-326.
11. Polyakova, V.V. Privlekatel'nost' rodnogo goroda kak faktor immobil'nosti molodezhi (na primere molodezhi goroda Ekaterinburga) / V. V. Polyakova // Transformatsiya sotsial'nogo mira v sovremennyyu epokhu: Sbornik nauchnykh trudov / Nauchnyi redaktor T.I. Grabel'nykh. – Irkutsk: Obshchestvo s ogranicennoi otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo Ottisk", 2019. – S. 91-95.
12. Dzhekobe D. Smert' i zhizn' bol'sikh amerikanskikh gorodov / Per. s angl. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. – S. 460.

Marginalization of urban space: Experience of sociological research on the example of Khabarovsk

Turkulets Svetlana Egenievna

Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Far Eastern State Transport University
680021, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, 47 Serysheva str., room 3348

✉ turswet@rambler.ru

Gareeva Irina Anatol'evna

Doctor of Sociology
Professor, Department of Social Work and Psychology, Pacific National University
136 Pacific Street, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680035, Russia

✉ gar_ia@mail.ru

Slesarev Aleksandr Valerievich

Postgraduate student, Department of Criminal Law Disciplines, Far Eastern State Transport University
680021, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, 47 Serysheva str., room 3348

✉ alekssles@yandex.ru

Garnaga Anastasiya Filippovna

PhD in Sociology
Associate Professor; Graduate School of Architecture and Urban Planning; Pacific State University
136 Pacific Street, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680035, Russia

✉ turswet@rambler.ru

Abstract. The object of this study is the process of marginalization. The subject is the

marginalization of urban space. The aim of the paper is to actualize and clarify the essence of the process of urban space marginalization, as well as to identify the features of urban space marginalization using the example of Khabarovsk. The article employs methods of scientific-theoretical analysis, generalization, and systematization of domestic and foreign research on marginalization problems, as well as empirical methods such as surveys, expert interviews, and the method of vernacular zoning. The theoretical part of the article demonstrates a multitude of different approaches to defining marginality and marginalization, on the one hand, and the lack of stable definitions of these concepts, on the other. This is primarily explained by the lack of a comprehensive approach to the study of the marginalization process. To provide a more complete definition of the process of urban space marginalization, the article applies an algorithm: causes – essence – implementation – consequences. The practical significance of studying the marginalization of urban spaces is determined by the need to control marginal areas in terms of the spread of various social deviations, as well as the need to forecast marginalization trends. Based on empirical studies of urban space (using the example of Khabarovsk), the study of public and expert opinions, and the use of the method of vernacular zoning, the overall "well-being" of different vernacular districts of the city was determined, the level of income of city residents living in these districts was assessed, the correlation between the determination of the level of "well-being" and the crime rate of the district was revealed, as well as the features of the stigmatization of urban spaces, which is an integral part of the process of marginalization.

Keywords: Welfare, Criminogenicity, territorial stigmatization, expert interview, urban space, stigmatization, vernacular areas, survey, marginality, marginalization

References (transliterated)

1. Turkulets S.E., Listopadova E.V., Meretskaya N.A. Marginalizatsiya kak forma sotsial'noi stigmatizatsii // Missiya konfessii. – 2024. – T. 13. – № 3 (76). – S. 91-97.
2. Kitaeva M.P. Marginal'nost' kak prichina psikhologicheskogo otchuzhdeniya v tsifrovom obshchestve // Aktual'nye problemy pedagogiki i psichologii. – 2023. – T. 4. № 12. – S. 78-85.
3. Rostokinskii A.V., Akkaeva Kh.A. Riskovannoe povedenie kak faktor stanovleniya lichnosti podrostka // Pravo i upravlenie. – 2022. – № 11. – S. 177-181.
4. Dinov E.N. Akkul'turatsiya kak mekhanizm kul'turnoi sotsializatsii trudovykh migrantov // Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2022. – № 77-2. – S. 435-438.
5. Kholshchevnikov O.G. Faktory, vliyayushchie na razvitiye trevozhnykh sostoyanii // Dostizheniya nauki i obrazovaniya. – 2024. – № 6 (97).
6. Alekseenko A.N., Aubakirova Zh.S., Dyatlov V.I. Gorod v proektakh natsiestroitel'stva: sovetskaya avtonomiya v Sibiri i suverennyi Kazakhstan // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2022. – № 15(2). S. 204-219.
7. Dyatlov V.I. Stolitsy sibirskikh avtonomii – missiya natsiestroitel'stva (dinamika funktsii, statusa i etnizatsii gorodskogo prostranstva) // Periferiya. Zhurnal issledovaniya nestolichnykh prostranstv. – 2024. – № 2 (3). – S. 8-28.
8. Ikhsanov A.U. Krizis natsional'noi kul'tury i identichnosti cheloveka v usloviyakh globalizatsii // Byulleten' nauki i praktiki. – 2023. – Tom 9. – № 3. – S. 484-487.
9. Polomoshnov A.F., Bakhurets A.P. Identichnost' i marginal'nost' v kontekste sotsiokul'turnoi tranzitivnosti // Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2020. – № 2-2 (36). – S. 21-26.

10. Gatiatullina E. R., Orlov A. N. Marginalizatsiya kak sotsial'nyi fenomen v kontekste sovremennoykh globalizatsionnykh protsessov // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. – 2013. – № 4 (6). – S. 63-68.
11. Sainakov N. A. Marginal'nost' kak ponyatie. Metodologicheskie perspektivy v istoricheskem issledovanii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 375. – S. 97-101.
12. Ivanova M. S. Marginalizatsiya i ee dinamika v sovremenном rossiiskom obshchestve // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiologiya. – 2013. – № 2(14). – S. 162-169.
13. Zaitsev I. V. Marginal'nost' kak predmet sotsial'no-filosofskogo analiza // Vestnik Omskogo universiteta. 2002. – № 2. – S. 53-69.
14. Shebzukhova F. A., Volkova A. A. Marginal'nost' kak duchovnaya i sotsial'naya problema sovremennoy rossiiskogo obshchestva // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. – 2016. – № 7. S. 32-39.
15. Bannikova L. M. Marginal'nost' kak sotsial'no-patologicheskaya forma adaptatsii naseleniya k menyayushchimsya usloviyam zhizni (k postanovke problemy) // Polzunovskii al'manakh. – 2000. – № 2. – S. 23.
16. Yurkov S. E. Istoki i formy sovremennoy sotsial'nogo marginalizma // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 3. – S. 107-116.
17. Preobrazhenskii Yu. V. Prostranstvennaya marginalizatsiya: podkhody i urovni issledovaniya // Vestnik TvGU. Seriya: Geografiya i geoekologiya. – 2020. – № 2. – S. 5-12.
18. Vakan L. Gorodskaya marginal'nost' gryadushchego tysyacheletiya // Neprikosnovennyi zapas. – 2010. – № 2. – S. 70.
19. Kazakova A. Yu. Zhilishchnaya depravtsiya i territorial'naya stigma kak atributy marginal'nosti. Diss. ... d-ra sotsiol. nauk (22.00.04). – Stavropol', 2021.
20. Kazakova A. Yu. Sovremennye gorodskie trushchoby: sotsial'nyi portret i obraz zhizni obitatelya // Sovremennye nauchnye issledovaniya. – 2013. – Vyp. 1. Kontsept. – № 3. – S. 2531-2535.
21. Kazakova A. Yu. Migratsionnaya pronaitsaemost' i territorial'naya stigma gorodskikh raionov. Itogi povtorno-sravnitel'nogo issledovaniya mikroraiionov Kalugi // Sovremennye problemy upravleniya i regulirovaniya: teoriya, metodologiya, praktika: monografiya. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2016. – S. 126-159.
22. Kazakova A. Yu. Gorod kak prostranstvo riskov: nadezhnost' otsenok lichnoi bezopasnosti // Oikumena. – 2017. – № 4. – S. 105-123.
23. Novitskaya V. V. Marginal'naya kul'tura: analiz fenomena v sotsial'noi strukture gorodskogo prostranstva // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2017. – № 12. – S. 65-68.
24. Kemalova L. I. Vliyanie marginal'nosti na obustroistvo novogo obshchestva // Tavrii'ski studii. Istorya. – 2012. – № 2. – S. 43.
25. Wacquant L., Slater T., Pereira, V. B. Territorial Stigmatization in Action // Environment and Planning A: Economy and Space. 2014. Vol. 46(6). P. 1270-1280.
26. Jensen S. Q., Christensen A. D. Territorial stigmatization and local belonging: A study of the Danish neighbourhood Aalborg East // City. Vol. 2012. 16(1-2). P. 74-92.
27. Turkulets S.E., Turkulets A.V., Gareeva I.A., Slesarev A.V. Territorial'naya stigmatizatsiya molodezhi (na primere Dal'nevostochnogo regiona) // Sotsiodinamika. 2019. № 6. S.82-90. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.6.29859 URL: <https://e->

- notabene.ru/pr/article_29859.html
28. Stigmatizatsiya i ee proyavleniya v sovremenном obshchestve: monografiya / pod obshchey red. S.E. Turkulets. – M.: Nauchnyi konsul'tant, 2020. – 192 s.
29. Puzanov K. A. Sotsial'no-prostranstvennaya segregatsiya v sovremennom gorode: issledovanie raionov Khabarovska // Gorodskoi al'manakh: vyp. 4. M.: Fond «Institut ekonomiki goroda», 2009. – S. 221-235.

Worldview models of modern Russians (based on the results of a questionnaire survey in 2023)

Konstantinov Mikhail Sergeevich

PhD in Politics

Associate Professor; Department of Theoretical and Applied Political Science; Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences; Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-On-Don, Rostovregion, 344006, Russia

✉ konstantinov@sfedu.ru

Abstract. The article presents some results of a questionnaire survey conducted by the staff of the Southern Federal University with the participation of colleagues from other educational and scientific centers in November-December 2023 on an all-Russian representative sample (N=1600). The aim of the study was to clarify, refine and test the author's methodology for analyzing the ideological models of public consciousness of modern Russians in the generational and regional dimensions. The object of the study was the processes of formation of worldviews in the consciousness of generations of modern Russia, the subject - the ideological models of Russians in the generational and regional dimensions. The theoretical basis was J. Turner's concept of self-categorization, as well as the principle of "meta-contrast". The basic method for collecting empirical data was a questionnaire survey in eight regions of Russia. Four main age cohorts were identified for the study: 18-24, 25-39, 40-59 and 60+ years. The questionnaire survey was preceded by a series of focus groups in order to identify key characteristics of generational self-categorization. As was established during the study, certain worldview constants are found in the consciousness of Russians that unite all generations both in their self-categorization and in their opposition to other generations, as well as in their cognitive-value preferences. These same constants are also manifested in the opposition of one's own generation to other - younger and older - generations. At the same time, older generations clearly act as a projection of their own ideas about what is proper: all age cohorts attribute superior qualities to older generations. Such uniformity in the description of older generations also allows us to speak more about cultural constants of worldview models projected onto the image of the older generation than about real generational differences.

Keywords: identity, generational analysis, generations of Russia, ideological concept, ideology, value constants, group consciousness, mass consciousness, worldview model, worldview

References (transliterated)

1. Moler A. Konservativnaya revolyutsiya v Germanii 1918–1932. Moskva: Totenburg, 2017. 312 s.
2. Rutkevich A.M. Konservatory XX veka. Moskva: Izd-vo RUDN, 2006. 180 s.
3. Drobysheva T.V., Voitenko M.Yu., Drobysheva M.M. Obraz svoego pokoleniya v

- predstavleniyakh raznykh grupp rossiyan (na primere pokolenii «bebi-bumerov», «Kh» i «Millenium») // Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 1. № 3(51). S. 220–230.
4. Emel'yanova T.P., Drobysheva T.V. Kharakteristiki kollektivnoi pamyati v kontekste sotsial'no-psikhologicheskikh osobennostei dvukh pokolenii // Gorizonty gumanitarnogo znaniya. 2017. № 5. S. 71–85.
 5. Emel'yanova T.P., Drobysheva T.V. Kompleksnoe issledovanie kollektivnykh perezhivanii sotsial'nykh problem: kolichestvennye i kachestvenno-kolichestvennye metody // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestva. 2018. T. 9. № 3. S. 166–175.
 6. Emel'yanova T.P., Misharina A.V. Razlichiya v kollektivnoi pamyati pokolenii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2019. T. 8. № 4(32). S. 334–340.
 7. Nestik T.A. Sotsial'naya psikhologiya vremeni. Moskva: Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN», 2014. 496 s.
 8. Nestik T.A. Drobysheva T.V., Emel'yanova T.P. Pisarenko P.Yu. Kollektivnaya pamyat' i obraz budushchego: mezhpokolencheskie razlichiya // Psikhologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti / Otv. red. V. V. Znakov, A. L. Zhuravlev. Moskva: Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN», 2018. S. 783–790.
 9. Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Lukichev P.N., Vnukova L.B., Nikolaev I.V., Tupaev A.V. Igry na ideologicheskoi periferii. Pravoradikal'nye ustanovki studencheskoi molodezhi Rostovskoi oblasti. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs RAN, 2016. 432 s.
 10. Konstantinov M.S., Potseluev S.P., Podshibyakina T.A., Lukichev P.N., Vnukova L.B. Kognitivno-ideologicheskie matritsy vospriyatiya studentami Yuga Rossii sovremennykh sotsial'no-politicheskikh krizisov: monografiya. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2021. 282 s.
 11. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations. 2nd ed. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 2001. 596 p.
 12. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival. New York & London: McGraw-Hill Companies, Inc., 2010. 561 p.
 13. Schwartz S.H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Zanna M. (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology. Volume 25. New York: Academic Press, 1992. P. 1–65.
 14. Terner D. Sotsial'noe vliyanie. Moskva: Piter, 2003. 256 s.
 15. McGarty C., Penny R.E.C. Categorization, Accentuation and Social Judgement // British Journal of Social Psychology. 1988. Vol. 22. P. 147–157.
 16. Tvene D. Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratalo buntarskii dukh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym i absolyutno ne gotovym ko vzrosloj zhizni. Moskva: Ripol Klassik, 2019. 464 s.
 17. Levada Yu.A. Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya // Levada Yu.A. Ishchem cheloveka: Sotsiologicheskie ocherki, 2000–2006. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2006. S. 33–44.
 18. Tvene D. Pokolenie selfi. Kto takie millenialy i kak naiti s nimi obshchii yazyk. Moskva: Bombora, 2018. 336 s.
 19. Radaev V.V. Millenialy: Kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo. Moskva: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. 221 s.

20. Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press, 2006. 592 p.
21. Erikson E. Detstvo i obshchestvo. Moskva: Letnii sad, Rech', Universitetskaya kniga, 2000. 416 s.

Demographic security of the Altai Territory: results of statistical analysis

Sayutina Irina Petrovna

Postgraduate student; Institute of Humanities; Altai State University
Head of the Department; Department of Social Protection of the population in the Shelabolikhnsky district

659050, Russia, Altai Territory, Shelabolikha village, Pushkin str., 22

 irinasauti@rambler.ru

Cherepanova Mariya Ivanovna

Doctor of Sociology

Professor; Institute of Humanities; Altai State University

659002, Russia, Altai Territory, Barnaul, Lenin str., 105, sq. 26

 cher_67@mail.ru

Abstract. The object of the study is the demographic security of the Russian border region. The article presents brief results of a statistical study conducted in the Altai Territory, a typical subsidized region of Russian society. The subject of the study was the social mechanisms of depopulation trends of human capital, namely, the birth rate, mortality and features of the migration decline of the region's population. The study was conducted on the territory of the Altai Territory, which is a border region and is significantly influenced by external factors on its demographic situation. The results of the study can be used to develop effective measures to stimulate fertility and reduce mortality, as well as to develop and implement measures to improve the demographic situation in the region and in other regions of Russia with similar problems. The research methodology is based on a multidisciplinary comprehensive analysis, including structural, functional, demographic approaches in combination with a secondary statistical analysis of the main reproductive indicators of the region's population. The novelty of the study lies in the description of the territorial specifics of negative trends in one of the border regions of the country in theoretical comparison with national and global trends.

Regional trends in fertility decline, fluctuations in the mortality rate, features and causes of the processes of migration loss of the population of the Altai Territory are described. Conclusions are drawn that demographic security is the main factor in the sustainable development of society and the state. Modern regional and all-Russian social policy should be aimed not only at analyzing the risks associated with demographic changes, but also at minimizing their negative consequences. Trends in the field of fertility, mortality, and migration of the population of the Altai Territory indicate its accelerated depopulation. Timely innovative scientifically based approaches are needed to form an integrated policy aimed at strengthening the demographic security of the Russian region.

Keywords: human capital, border territories, social well-being, national health, healthy, mortality, fertility, demographic security, demography, reproductive mechanisms

References (transliterated)

1. Averin A.N., Ponedelkov A.V., Stel'makh S.A., Omel'chenko I.V. Analiz rezul'tatov ekspertnogo oprosa po problemam demograficheskogo razvitiya Rossii. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki, 2021. № 7. S. 14-18.
2. Altaikraistat [Elektronnyi resurs]. – Zaglavie s ekranu. – Rezhim dostupa: <https://akstat.gks.ru>. (data obrashcheniya: 02.11.2024).
3. Berdyeva A.Kh. Povyshenie urovnya obrazovaniya ekonomiceskogo rosta. Molodoi uchenyi. 2023. 40 (487). S. 79-81.
4. Vetryenko I.A., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A. Sovremennaya Rossiiskaya demograficheskaya politika cherez prizmu natsional'noi bezopasnosti. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2015. № 3 (7). S. 90-96.
5. Votinova E.M. Demograficheskaya situatsiya i demograficheskaya politika Rossii. Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal. 2017. T. 1. № 2. S. 40-43.
6. Goncharova N.P. Problemy rezul'tativnosti rossiiskoi demograficheskoi politiki v otsenkakh ekspertov. Uchenye zapiski Altaiskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii. 2021. № 19. S. 14-19.
7. Elizarov V.V., Kochkina E.V. Gosudarstvennaya semeinaya i demograficheskaya politika v Rossii: k razrabotke effektivnykh mer povysheniya rozhdaemosti. ISEPN RAAN. 2014. S. 162.
8. Kazakova M.N. Regional'naya bezopasnost' v sisteme natsional'noi bezopasnosti Rossii. Zhurnal Regionologiya. № 3 (76). S. 40-46.
9. Barakat B., Basten S. Modelling the constraints on consanguineous marriage when fertility declines//Demographic Research. 2014. Vol. 30. No 1, pp. 277-312.
10. Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: a Third Demographic Transition//Population and Development Review. 2006. Vol. 322. No. 3, pp. 401-446.
11. Deery S., Walsh J., Zataich C.D. A moderated mediation analysis of job demands, presenteeism and absenteeism. Journal of occupational and organizational psychology. 2014. 87(2), pp. 352-369.
12. Naselenie Altaiskogo kraja: chislennost', krupnye goroda. [Elektronnyi resurs]. – Zaglavie s ekranu. – Rezhim dostupa: <http://www.statdata.ru/naselenie/altaiskogo-kraja>. (data obrashcheniya: 20.11.2024).
13. Pan'kova N.S. Aktual'nye problemy demograficheskoi politiki RF i ikh puti realizatsii v usloviyakh slozhivsheisya ekonomicheskoi i politicheskoi situatsii. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2023. 1-2(95). S. 58-61.
14. Regional'nye proekty. [Elektronnyi resurs]. -Zaglavie s ekranu.- Rezhim dostupa: https://www.altairegion22.ru/projects/novosti_demografii. (data obrashcheniya: 20.11.2024).
15. Rostovskaya T.K., Vasil'eva E.N., Knyaz'kova E.A., Danilova E.O. Razrabotka instrumentariya dlya provedeniya kontent-analiza federal'nykh i regional'nykh SMI v Rossii po voprosam otrazheniya demograficheskoi situatsii i politiki. Logos et Praxis. 2020. T. 19. № 2. S. 56-73.
16. Sibirskii federal'nyi okrug. [Elektronnyi dokument]. – Zaglavie s ekranu. – Rezhim dostupa: <https://rost.ru/filials/sibirskiy-fo>. (data obrashcheniya: 20.11.2024).
17. Titova A.V. Vliyanie demografii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Rossii. Stolypinskii vestnik. 2023. T. 5. № 12.
18. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. [Elektronnyi resurs]. – Zaglavie s

- ekrana. – Rezhim dostupa: <https://www.gks.ru>. (data obrashcheniya: 20.11.2024).
19. Mayntz R. Mechanisms in the analysis of social macro-phenomena. Philosophy of the Social Science. 2004. 34(2), pp. 237-259.
 20. Stock R.M., Oezbek-Potthoff G. Implicit leadership in an Intercultural Context: theory extension and empirical investigation. International Journal of Human Resource Management. 2014. 25(12), pp. 1651-1668.

Neutralizing the negative impact of digital devices and the Internet on children under 11: a sociological approach

Buchkova Alla Ivanovna

PhD in Sociology

Associate Professor; Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes; Plekhanov Russian University of Economics

117997, Russia, Moscow, Stremyannyy lane, 28, room 1, room 340

✉ life.pmr@gmail.com

Abstract. The work is devoted to the problem of excessive impact of digital devices and the Internet on the younger generation. The subject of the study was digital consumption by children before adolescence. The author examines in detail such aspects of the topic as the peculiarities of introducing children to digital devices and the Internet, the positive and negative consequences of digital socialization, the forms of content preferred by children, the socializing functions and culture of digital consumption of children, as well as the role of adults in the process of forming the latter. It is noted that early introduction to digital devices has become an obligatory part of modern upbringing of children. The main attention is paid to the harmonization of digital socialization of the younger generation in the context of rapid development of technologies and information flows. The author conducted a sociological analysis of digital consumption by children under 11 years of age.

The paper presents the results of a survey of 207 families from Moscow and the Moscow region in 2023, as well as an expert survey of 12 experts in the field of child rearing, preschool and primary school education in 2024.

The study revealed that children are introduced to digital devices starting from the age of one and a half to two years. Negative consequences include health and developmental disorders, while positive impact is associated with increased competitiveness and development of cognitive skills of the child. The novelty of the study lies in the fact that the author offers specific recommendations for harmonizing digital consumption. A conclusion is made about the need to form a culture of digital consumption from an early age, as well as the role of parents and teachers as mediators in the process of digital socialization.

Keywords: internet safety, impact on health, impact on development, upbringing, digital consumption's culture, child, digital socialization, internet, digital devices, digital consumption

References (transliterated)

1. Alekhin A. N. Vliyanie informatsionnykh tekhnologii na kognitivnoe razvitiye detei: obnovlennykh issledovanii / A. N. Alekhin, K. I. Pultsina // Psichologiya cheloveka v obrazovanii. – 2020. – T. 2. – № 4. – S. 366–371.
2. Bondarchuk O. A. Osobennosti formirovaniya mirovozzreniya doshkol'nika pod vliyaniem informatsionnykh tekhnologii / O. A. Bondarchuk // Nauchnyi al'manakh. –

2019. – № 5–3 (55). – S. 136–138.
3. Gofman A. A., Timoshchuk A. S. Tsifrovaya transformatsiya obrazovatel'nogo protsessa // Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya vysshego obrazovaniya. Tezisy dokladov XIV vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. – Yaroslavl', 2020. – S. 73–75.
 4. Kilbi E. Gadzhetomaniya: kak ne poteryat' rebenka v virtual'nom mire. – SPb.: Piter, 2019. – 256 s.
 5. Korolenko A. V., Shabunova A. A. Vovlechennost' detei v tsifrovoe prostranstvo: tendentsii gadzhetizatsii i ugrozy razvitiyu chelovecheskogo po-tentsiala // Vestnik udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2019. – T. 3. – № 4. – S. 430–443.
 6. Semenova E. V. Problema «vzaimodei stviya» detei doshkol'nogo vozrasta s mobil'nymi ustroi stvami / E. V. Semenova, T. G. Khanova // Economic Consultant. – 2019. – S. 84–90.
 7. Fedorov O. G. Innovatsii i sotsial'nye riski sovremennosti: Monografiya. – M.: MGPPU, 2015. – 69 s.
 8. Anderson D. R., Pempek T. A. Television and Very Young Children // American Behavioral Scientist. – 2005. – Vol. 48. – No 5. – pp. 505–522.
 9. Haier R. J. MRI Assessment of Cortical Thickness and Functional Activity Changes in Adolescent Girls Following Three Months of Practice on a Visual-Spatial Task / R. J. Haier and etc. // BMC Research Notes. – 2009. – Vol. 2. – article 174.
 10. Christakis D. A. Early Television Exposure and Subsequent Attentional Problems in Children / D. A. Christakis and etc. // Pediatrics. – 2004. – Vol. 113. – No. 4. – pp. 708–713.
 11. Christakis D. A. Overstimulation of Newborn Mice Leads to Behavioral Differences and Deficits in Cognitive Performance / D. A. Christakis and etc. // Scientific Reports. – 2012. – vol. 2 – article 546.
 12. Zimmerman F. J. Children's Television Viewing and Cognitive Outcomes // Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine. – 2005. – vol. 159. – no. 7. – pp. 619–625.
 13. Buchkova A. I. Sovremennye gadzhety, devai sy i internet. Kak vospityvat' detei v takikh usloviyakh? // Doshkol'noe vospitanie. – 2017. – № 1. – S. 67–73.
 14. Toganova Zh. K., Syzdykova M. B. Tsifrovaya sotsializatsiya: deti i podrostki v sovremennom informatsionnom prostranstve // Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik. – 2024. – № 1(64). – S. 144–154.
 15. Barysheva Yu. S. Sotsializatsiya i inkul'turatsiya rossiiskikh detei i podrostkov v tsifrovoi srede: osnovnye problemy i issledovaniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2022. – Vyp. 1 (856). – S. 166–176.
 16. Titor S. E. Rol' seti «Internet» v sovremennoi zhizni detei i podrostkov: analiz sotsiologicheskogo oprosa // Vestnik universiteta. – 2023. – № 1. – S. 213–221.
 17. Nikkelen S. C. Media Use and ADHD-related Behaviors in Children and Adolescents: A Meta-Analysis / S. C. Nikkelen and etc. // Developmental Psychology. – 2014. – vol. 50. – no. 9. – pp. 2228–2241.
 18. Zero to Eight: Children's Media Use in America [Online] / Common Sense Media. – 2010. – Available at: <https://www.commonsensemedia.org/research/zero-to-eight-childrens-media-use-in-america-2011> (accessed 01.12.2024).
 19. Doshkol'nik i komp'yuter: Mediko-gigienicheskie rekomendatsii / pod red. L. A. Leonovoi. – M.: Izd-vo Mosk. psikhol.-sots. in-ta; Voronezh: Izd-vo NPO «MODEK»,

2004. – 64 s.

20. Kuchma V. R. Psikhofiziologicheskoe sostoyanie detei v usloviyakh informatizatsii ikh zhiznedeyatel'nosti i intensifikatsii obrazovaniya / V. R. Kuchma i dr. // Gigiena i sanitariya. – 2016. – № 95 (12). – S. 1183–1188.
21. Osipova A. A. Predposylki formirovaniya gadzhet-zavisimosti v doshkol'nom vozraste // Pedagogicheskoe prizvanie: sbornik statei II mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo konkursa: v 3 ch. Petrozavodsk, 29 fevralya 2020 goda. – 2020. – S. 277–281.
22. Romanova Yu. A. Razvitie rechi detei rannego i mladshego doshkol'nogo vozrasta v usloviyakh povsemestnogo ispol'zovaniya igrovых elektronnykh ustroi stv // Obshcheteoreticheskie i otraslevye problemy nauki i puti ikh resheniya: Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. – 2019. – S. 73–76.
23. Smirnova E. O. Virtual'naya real'nost' v doshkol'nom detstve / E. O. Smirnova, N. Yu. Matushkina, S. Yu. Smirnova // Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnykh statei / pod obshch. red. R. V. Ershovoi. – 2018. – C. 364–369.
24. Soldatova G. U. Osobennosti ispol'zovaniya tsifrovых tekhnologii v sem'yakh s det'mi doshkol'nogo i mladshego shkol'nogo vozrasta / G. U. Soldatova, O. I. Teslavskaya // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. – 2019. – № 4(36). – S. 12–27.
25. Feigina A. Ya., Aguzarova E. I., Korovina A. I., Rusakova M. M. Potrebitel'skaya sotsializatsiya detei i podrostkov v kontekste tsifrovogo obshchestva // Ekonomicheskaya sotsiologiya. – 2023. – T. 24 – № 4. – S. 38–60.
26. Mobil'nyi telefon i rebenok [Elektronnyi resurs] / FBUZ «Tsentr gigieny i epidemiologii v Kaliningradskoi oblasti». – 2024. – Rezhim dostupa: <http://39.rospotrebnadzor.ru/print/14868> (data obrashcheniya 01.12.2024).
27. Grishenkova E. V. Vliyanie Instituta televideniya na detei: sotsiologicheskii podkhod // Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki. – Vyp. 1 (778). – 2017. – S 175–184.
28. Solov'ev V. A. Vliyanie SMI na politicheskuyu aktivnost' rossii skoi molodezhi // Vestnik MGLU. – 2015. – № 2(713). – S. 153–164.
29. Karataban I. A. Vliyanie sotsial'nykh internet-setei na sotsializatsiyu molodezhi // Missiya konfessii. – 2024. – T. 13. – Ch. 1. – S. 46–51.
30. Chaudrone S. Young Children (0-8) and Digital Technology [Online] / European Commission. – 2015. – Available at: <http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC93239> (accessed 01.12.2024).
31. Antipova A. V. Gadzhety v zhizni detei: vliyanie sovremennoykh elektronnykh sredstv na razvitiye detei doshkol'nogo vozrasta i uchashchikhsya nachal'noi shkoly // Sotsial'nye otnosheniya. – 2021. – № 1 (36). – S. 59–68.
32. Titor S. E. Rol' sem'i v zashchite nesovershennoletnikh ot destruktivnoi informatsionnoi sredy (analiz sotsiologicheskogo oprosa) // Psichologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti. – 2023. – № 1. – S. 138–142.

Activity and epistemological significance of the principle of participation in foresight practice

Pirozhkova Sophia Vladislavovna

PhD in Philosophy

Abstract. The article presents the results of research of a forecasting, planning and management of social processes. It is shown that this activity claims to be a complex one, integrating traditional forms of activity that realize cognitive and active attitude to the future (forecasting, planning, design, reflection). At the same time, foresight also performs as an ideological framework that unites the above-mentioned forms of activity without integrating them into a holistic activity. The demands, in response to which the foresight was formed, have been identified. It is shown that the relevance to these demands requires foresight to focus on the integration of various resources involved in the processes of social systems management – epistemic, methodological, organisational, etc. It is shown that in the light of this task, the so-called principle of participation or participatory approach is constitutive for foresight. This principle implies the participation of social actors without proper training in professional activities (which traditionally include social forecasting, social design, management, etc.). A detailed characterisation of this principle is given, examples of its operation in the field of social sciences and social action are given. It is substantiated that the implementation of this principle explains why foresight goes beyond the boundaries of specialised scientific research and science-based social design without turning into a social technology. It is revealed that foresight is characterised by a poly-agent structure, which from the epistemological and activity points of view is also poly-subjective, but in special conditions foresight allow us to move from poly-subjectivity to collective subjectivity, turning foresight into an instrument of social cohesion. Finally, the author's assessment of the limits and prospects for the applicability of the participatory principle in the practice of foresight is given.

Keywords: management, transdisciplinarity, social technology, epistemic subjectivity, participatory, participatory principle, social forecasting, social sciences, foresight, polysubjectivity

References (transliterated)

1. *Pirozhkova S.V. Forsait («Foresight») kak forma sotsial'nogo proektirovaniya // Filosofiya nauki i tekhniki.* 2019. T. 24. № 2. S. 109–123.
2. *Foresight as a Strategic Long-Term Planning Tool for Developing Countries.* Singapore: UNDP Global Centre for Public Service Excellence, 2014.
3. *Popper R. Mapping Foresight. Revealing how Europe and other world regions navigate into the future.* Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2009. 128 p.
4. *Pirozhkova S.V. Prognoznye i futurologicheskie issledovaniya: k voprosu razgranicheniya kompetentsii // Filosofskie nauki.* 2016. № 8. S. 100–113.
5. *Grunberg E. Predictability and Reflexivity // American Journal of Economics & Sociology.* 1986. Vol. 45(4). P. 475–488.
6. *Rozin V.M. Sotsial'naya tekhnologiya «forsait» ili politika i obshchestvo? // Politika i Obshchestvo.* 2014. № 11. S. 1419–1441. URL: https://en-notabene.ru/psmag/article_54310.html
7. *Centre for Strategic Futures. Official Website.* URL: <https://www.csf.gov.sg/>
8. *Committee for the Future. Special section on Parliament of Finland' Website.* URL: <https://www.eduskunta.fi/EN/valiokunnat/tulevaisuusvaliokunta/Pages/default.aspx>

9. National Institute of Science and Technology Policy. Official Website.
URL:<https://www.nistep.go.jp/en/>
10. Forsait-tsentr. Ofitsial'naya stranitsa. URL: <https://foresight.hse.ru/>
11. Bereznoi A. Korporativnyi Forsait v strategii transnatsional'nogo biznesa // Forsait. 2017. T. 11. № 1. S. 9–22.
12. Forsait-flot. Sozdavaya real'noe budushchee vmeste. 2012–2016. URL: <https://asi.ru/foresighttrip/> (data obrashcheniya: 12.08.2019).
13. Kasavin I.T. Ob empiricheskoi baze issledovaniya sotsial'nykh tekhnologii: tipologicheskie soobrazheniya // Nauka i sotsial'nye tekhnologii / Otv. Red. I.T. Kasavin. M.: IF RAN, 2011. S. 3–8.
14. Coates V., Farooque M., Klavans R. et al. On the future of technological forecasting // Technological Forecasting and Social Change. 2001. Vol. 67(1). P. 1–17.
15. Pirozhkova S.V. Socio-Humanistic Support for Technological Development: What Should It Be Like? // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 88(3). P. 210–219.
16. The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice / Ed. by P. Reason and H. Bradbury. London: Open University Press, 2008. 720 p.
17. Haklay M. Citizen Science and Policy: A European Perspective. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2015. 67 p.
18. Halal W.E., Brown B.S. Participative management: myth and reality // California Management Review. 1981. Vol. XXIII. No. 4. P. 20–32.
19. Kyamusugulwa P.M. Participatory Development and Reconstruction: a literature review // Third World Quarterly. 2013 Vol. 34. No. 7. P. 1265–1278.
20. Kiyashchenko L.P. Filosofiya transdistsiplinarnosti: podkhody k opredeleniyu // Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke. Podkhody. Problemy. Perspektivy / Pod red. R. Shol'tsa, V. Bazanova. M.: Navigator, 2015. S. 109–135.
21. Pirozhkova S.V. Printsip uchastiya i sovremennye mekhanizmy proizvodstva znanii v nauke // Epistemologiya i filosofiya nauki / Epistemology & Philosophy of Science. 2018. T. 55. № 1. S. 67–82.
22. UNIDO Technology Foresight Manual. Vol. 1. Organization and Methods. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2005. 247 p. URL: https://forschungsnetzwerk.ams.at/dam/jcr:a7d1fdce-a692-4652-841df87f31f79881/unido_volume1_unido_tfores_manual.pdf (data obrashcheniya 30.10.2024).
23. Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society // The American Economist Review. 1945. No. 4. P. 519–530.
24. Lepskii, V.E. Metodologicheskii i filosofskii analiz razvitiya problematiki upravleniya. Moskva: Obshchestvo s ogranicennoi otvetstvennost'yu «Kogito-Tsentr», 2019. 340 s.
25. Nazaretyan A.P. Tsivilizatsionnye krizisy v kontekste universal'noi istorii. (Sinergetika – psikhologiya – prognozirovaniye.) 2-e izd. M.: Mir, 2004. 367 s.
26. Sedov E.A. Odna formula i ves' mir. Kniga ob entropii. M.: Znanie, 1982. 176 s.

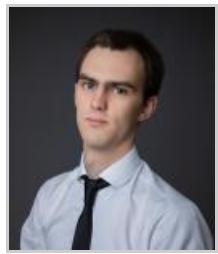
Assessing the Impact of Sociotechnical Convergence Risks on the Process of Digital Marginalization

Zotov Vitaliy Vladimirovich

Professor; Humanities & Social Sciences Center; Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)

141701, Russia, Moscow region, Dolgoprudny, Institutsky lane, 9

✉ om_zotova@mail.ru

Gavrilchenko Kirill Eduardovich

Postgraduate student; Department of Social Technologies and Public Service; Belgorod State National Research University
 Junior Researcher; Humanities & Social Sciences Center; Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)

141701, Russia, Moscow region, Dolgoprudny, Institutsky lane, 9

✉ gavril4e@yandex.ru

Gubanov Alexander Vladimirovich

PhD in Sociology

Senior Researcher; Humanities & Social Sciences Center; Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)

141701, Russia, Moscow region, Dolgoprudny, Institutsky lane, 9

✉ aleksandrgubanov1@mail.ru

Abstract. The article examines sociotechnical convergence, which causes hybridization of social space, resulting in simultaneous social interaction in both digital and real space. The subject of the study is the influence of this phenomenon on digital marginalization, expressed in the occupation of individuals in a transitional state between these spaces. And people who limit the use of digital services, devices and technologies or refuse to use them may even be excluded from the digital format of society. When studying digital marginalization, it is important to take into account the dangers and risks of socio-technical convergence. The purpose of this study is to assess the impact of various risks of socio-technical convergence on the process of marginalization of the population. The methodological basis for the study of digital marginalization is the concept of socio-cultural marginalization and the domestic concept of structural marginalization, adapted to the realities of a hybrid social space. The methodological basis for studying the risks of socio-technical convergence is the concept of convergence of dangers into risks. The method of empirical research was an expert survey of specialists associated in their professional activities with digital transformation. The study found that the main risks of sociotechnical convergence are technical and technological, sociotechnical and social vulnerability risks. According to experts, technical and technological and sociotechnical risks that violate the security of using digital services are becoming critically important: it is the lack of security in the hybrid space that inclines people to either limit the use of digital technologies or abandon them, which contributes to their marginalization. Social vulnerability risks that aggravate the process of marginalization include internal resistance to change, lack of skills and knowledge to use digital devices, technologies and services, as well as the lack of necessary technical means to work with them.

Keywords: structural marginalization, marginalization, sociocultural marginalization, digital society, expert survey, risk, hazard, hybridization of social space, digital marginalization, sociotechnical convergence

References (transliterated)

- Alle M. Povedenie ratsional'nogo cheloveka v usloviyakh riska: kritika postulatov i aksiom amerikanskoi shkoly // THESIS. 1994. T. 5. S. 217-241.
- Biryukova, M. S. Mery snizheniya urovnya marginalizatsii obshchestva: sotsial'no-

- pravovoi aspekt // Problemy prava: teoriya i praktika. 2022. № 59. S. 95-105. – EDN VUDBEY.
3. Voronina N.S. Tsifrovoe neravenstvo internet-pol'zovatelei v Rossii i Evrope: gendernyi aspekt // Informatsionno-analiticheskii byulleten' In-ta sotsiologii FNISTs RAN. 2021. № 4. S. 28-51. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.3. EDN VPDVBW.
 4. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Prikladnaya sotsiologiya. M.: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2003. 312 s. EDN TIGPAV.
 5. Degteva D.V. Prichiny, usloviya i psikhologo-pedagogicheskie posledstviya marginal'nosti v Rossii // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2014. № 1(44). S. 21-24. EDN SBKZKF.
 6. Zотов V.V., Асеева I.A., Буданов V.G., Белькина V.A. Konvertatsiya opasnostei sotsiotekhnicheskoi konvergentsii v riski tsifrovizatsii // Tsifrovaya sotsiologiya. 2022. T. 5, № 2. S. 4-20. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-2-4-20. EDN DFYOMG.
 7. Ivanova M.S. Marginal'nye gruppy v sovremenном rossiiskom obshchestve // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2010. № 3 (52). S. 13-136. EDN: MVVYUV.
 8. Luman N. Ponyatie risika // THESIS. 1994. T. 5. S. 135-160.
 9. Napso M.D. Marginal'nost' kak kharakteristika sovremennoj mira // Sotsiodinamika. 2019. № 6. S. 63-69. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.6.29957 URL: https://e-notabene.ru/pr/article_29957.html
 10. Starikov E.N. Marginaly i marginal'nost' v sovetskom obshchestve // Rabochii klass i sovremennyi mir: nauchnyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal. 1989. № 4. S. 142-155.
 11. Shalaginova N.A. Sotsial'naya marginal'nost' kak predposylka deviatsii // Filosofiya prava. 2017. № 4(83). S. 128-132. EDN ZXMNHT.
 12. Shirochenko A.I. Aktual'nye problemy fenomena marginal'nosti. Kul'turologicheskii analiz // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2014. T. 16. № 2 (3). S. 764-768. EDN SMFENR.
 13. Du, J.T., Xie, I., Narayan, B., Sayyad Abdi, E., Wu, H.J. Liu, Y-H., Westbrook, L. Vulnerable Communities in the Digital Age: Advancing Research and Exploring Collaborations // iConference 2017 Proceeding "Global Collaboration across the Information Community". Wuhan, China, 2017. R. 911-914. DOI: 10.9776/17402.
 14. Galpin C. At the Digital Margins? A Theoretical Examination of Social Media Engagement Using Intersectional Feminism // Politics and Governance. 2022. Vol. 10, № 1. P. 161-171. DOI: 10.17645/pag.v10i1.4801.
 15. Geeta A. Marginalization at Cyberspace: A New Dimension of Violence Against Women and Girls // Cyberfeminism and Gender Violence in Social Media. Hershey (PA, USA): IGI Global, 2023. P.100-107. DOI: 10.4018/978-1-6684-8893-5.ch007.
 16. Liotta L.A. Digitalization and Social Inclusion: Bridging the Digital Divide in Underprivileged Communities. Global International Journal of Innovative Research, 2023. Vol. 1, № 1. P. 7-14. DOI: 10.59613/global.v1i1.2.
 17. Lubbers M. Social networks and the resilience of marginalized communities // A Research Agenda for Social Networks and Social Resilience. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2022. R. 1-16. DOI: 10.4337/9781803925783.
 18. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. Berlin; New York: de Gruyter. 1993. 236 p.
 19. Park, R. E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. Chicago. 1928. Vol. 33. № 6. P. 881-893.

20. Reyes C. Negotiating digital marginalization: Immigrants, computers, and the adult learning classroom // Atlantic Journal of Communication. 2020. Vol. 30. № 1. R. 1-12. DOI: 10.1080/15456870.2020.1786385.

Official pages of Russian city administrations on social networks: analysis of audience activity and engagement (2022-2023)

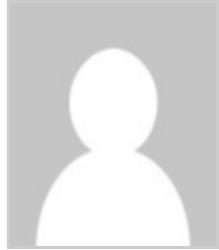
Roslyakova Marina Valentinovna

PhD in History

Educator, Department of Management Theory, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

153002, Russia, Ivanovo, Pereulok Posadsky 8

✉ strateg.Obl2014@yandex.ru

Abstract. The development of digital technologies creates the basis for interaction between government authorities and citizens. The involvement of citizens in state and municipal management is considered as the most important state task. Communication methods and formats are expanding to ensure accessibility, efficiency and ease of interaction. Social networks are a popular tool for informing, advising and educating the population. Since December 1, 2022, public authorities are required to use social networks to interact with citizens, expanding opportunities for citizens to participate in the development of proposals, discussion and management decision-making. The article compares the activity on the official pages of the administrations of large Russian cities before and after the adoption of the law on the mandatory creation of official pages of public authorities in social networks (state-owned websites). The paper considered the official pages (state-owned publications) of the executive and administrative bodies of municipalities – administrations of 30 large cities that are the administrative centers of regions (subjects) of the Russian Federation. Data was collected on VKontakte pages, data collection and analysis was carried out manually and automatically using a specialized service for 2022-2023. The article compared and interpreted information about subscribers, publications on official pages, characterized the indicators of engagement and activity in the social network in absolute and relative terms. It was established that all the reviewed state-owned websites were created before 2022, but after the decision was made to create official pages, they became more active. The results show that the number of subscribers, publications, reactions (likes, comments, reposts) has increased, but overall engagement has decreased. The proposed study focuses on comparing the activity of official pages for 2022-2023, which distinguishes it from other studies that focus on monthly data analysis, the work is limited to the use of quantitative data. The conducted research contributes to the work on evaluating the effectiveness of state-owned websites, its results can be used by specialists responsible for maintaining social networks in public authorities to search for best practices in this area, improve feedback from authorities and society using social networks and assess the involvement of citizens in communication.

Keywords: comment, repost, like, public page, official page, engagement, public administration, public participation, social network, feedback

References (transliterated)

1. Lamzin R. M. Sovremennye praktiki vovlecheniya grazhdan RF v mekhanizm

- partnerskogo uchastiya v publichnom upravlenii / R. M. Lamzin, Ya. Ya. Kail' // Grani poznaniya. 2021. № 3. S. 81-87.
2. Yangs R. Vovlechenie grazhdan v demokraticheskie protsessy. Mezhstranovoi analiz / R. Yangs, K. Godfri // Mir peremen. 2022. № 3. S. 145-154.
 3. Wang H., Ran B. Network governance and collaborative governance: A thematic analysis on their similarities, differences, and entanglements // Public management review. 2023. T. 25. № 6. S. 1187-1211.
 4. Kupryashin G.L. Publichnoe upravlenie // Polit. nauka. 2016. № 2. S. 101-131.
 5. Zотов V. V., Василенко L. A. Tsifrovaya transformatsiya publichnogo upravleniya: edinstvo servisno-tsifrovyykh i sotsial'no-setevykh aspektov // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2023. № 3. C. 26-47.
 6. Novikov S. V. Vovlechenie grazhdan v proekty, napravlennye na reshenie problem munitsipalitetov / S. V. Novikov, I. V. Makieva // Munitsipal'naya akademiya. 2024. № 2. S. 414-421.
 7. Vagin V. V. Vliyanie grazhdanskoi partisipatsii na effektivnost' byudzhetnykh raskhodov / V. V. Vagin, I. V. Petrova // Finansovyj zhurnal. 2020. T. 12, № 6. S. 25-38.
 8. Grebennikova E. Yu. Formy i mekhanizmy vovlecheniya naseleniya v reshenie voprosov mestnogo znacheniya / E. Yu. Grebennikova, V. V. Maslyakov // Zhurnal prikladnykh issledovanii. 2023. № 8. S. 123-127.
 9. Nikovskaya L. I. Grazhdanskoe uchastie: osobennosti diskursa i tendentsii real'nogo razvitiya / L. I. Nikovskaya, I. A. Skalaban // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 6. S. 43-60.
 10. Taylor M., Kent M. L. Dialogic engagement: Clarifying foundational concepts // Journal of public relations research. 2014. T. 26. № 5. S. 384-398.
 11. Zavattaro S. M., Sementelli A. J. A critical examination of social media adoption in government: Introducing omnipresence // Government Information Quarterly. 2014. T. 31. № 2. S. 257-264.
 12. Feeney M. K., Porumbescu G. The limits of social media for public administration research and practice // Public administration review. 2021. T. 81. № 4. S. 787-792.
 13. Engstrand Å. K. Managing the manusphere: The limits of responsibility for government social media adoption // Government Information Quarterly. 2024. T. 41. № 1. S. 101909.
 14. Lin Y., Kant S. Using social media for citizen participation: Contexts, empowerment, and inclusion // Sustainability. 2021. T. 13. № 12.
 15. Parfenchik A. A. Ispol'zovanie sotsial'nykh setei v gosudarstvennom upravlenii // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2017. № 2. S. 186-200.
 16. Zотов V. V. Sotsial'nye media kak dialogovye ploshchadki grazhdan i organov vlasti sub"ektov Tsentral'nogo federal'nogo okruga / V. V. Zотов, A. V. Gubanov // Tsifrovaya sotsiologiya. 2021. T. 4, № 4. S. 28-39.
 17. Abramova S. B., Putimtseva K. R., Kondrashov A. O. Sotsial'nye seti organov vlasti: vovlechennost' molodezhi i otsenka effektivnosti // Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya). 2024. T. 16, № 1. S. 54-78.
 18. Merzlyakov A. A., Guseinova K. E., Smirnova A. S. Effektivnost' vzaimodeistviya organov vlasti s naseleniem v usloviyakh realizatsii natsproektov: analiz sotsial'nykh setei // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2024. Tom 19. № 1. S. 86-105.
 19. Vasilenko L. A., Zотов V. V., Zakharova S. A. Ispol'zovanie potentsiala sotsial'nykh

- media v stanovlenii uchastvuyushchego upravleniya // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2020. № 4. S. 864-875.
20. Mergel I. A framework for interpreting social media interactions in the public sector // Government information quarterly. 2013. T. 30. № 4. S. 327-334.
21. Roslyakova M.V. Sotsial'nye seti v deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti: adaptatsiya k novym sposobam vzaimodeistviya // Sotsiodinamika. 2022. № 7. S. 42-56. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.7.38467 EDN: MAZJKV URL: https://e-notabene.ru/pr/article_38467.html
22. Skoric M. M. et al. Social media and citizen engagement: A meta-analytic review //New media & society. 2016. T. 18. № 9. S. 1817-1839.